

Влад Порошин

ТАФТАЙ

3

Жил-был на свете Иван Тафгаев,
Играл в хоккей, гонял разгильдяев.
Дрался за клуб, лихо бил по воротам,
Хоть и в команде прослыл сумасбродом.
Правда, у Вани был крупный изъян,
Который в мозгах правил местный шаман.
Но что-то в заклятье пошло по-иному,
Читает Иван теперь Ленина Вову.
И бойся «Торпедо» приезжий бугай!
Есть в городе Горьком хоккейный тафгай!
И треснул мир напополам, парам парам.
И льётся кровь, идёт война, тара тара.
В хоккее бьются все, не зная полумер,
Во славу сборной бесподобной СССР!

Глава 1

По дороге в Ленинград сегодня в субботу 20 ноября 1971 года была лётная погода, и поэтому наше горьковское «Торпедо» с крейсерской скоростью в 440 километров в час на самолёте АН-24Б несло на хоккейное свидание с армейцами из города на Неве. Бедные крылья советской авиации, которые пока были необычайно надёжны, к сожалению уже в недалёком будущем ожидали такие рывки и ускорения, что не выдержат ни инженеры, ни пилоты, ни сама техника. И вообще такое скоро произойдёт, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Законный вопрос — откуда я, Иван Иванович Тафгаев, двадцати пяти лет от роду, простой центральный нападающий хоккейной команды это знаю? Да хрен его знает! Жил себе спокойно в 2021 году, потом хрясь, машина всмятку, очнулся уже здесь в 1971-ом. Страдаю ли я от этого? Вопрос сложный. С одной стороны в этом времени моя хоккейная карьера прёт в гору, с другой — идиотский голос в черепной коробке иногда просто сводит с ума. Если в первые дни пребывания в настоящем прошлом я из-за него бегал по бабам, то затем один шаман-недоучка так что-то подкрутил в нём, что теперь перед сном приходится читать Ленина, Марка и Энгельса. И слава советской авиации, после «Апрельских тезисов» и «Капитала» голос затыкается почти на день, переваривая прочитанное.

— Всеволод Михалыч, — я толкнул сидящего впереди главного тренера нашего «Торпедо» Севу Боброва. — Михалыч! Я могу сделать объявление?

— Давай только коротко, — пробубнил сквозь сон наш легендарный наставник.

— Мужики! — Я встал со своего пассажирского кресла в середине салона. — Совсем забыл вам сказать. Там, ещё в аэропорту в Горьком мы с товарищем Бобровым обсуждали, что не хватает спортивного характера нашей команде.

— Короче, Тафгай, — нетерпеливо заёрзал с картами в руках Коля Свистухин с задних рядов, где собрались одни картёжники.

— Могу и покороче, — улыбнулся я. — С этого дня будем вырабатывать настоящий мужской характер у всех.

— Правильно Иван говорит, — сквозь сон подтвердил мои слова главный тренер.

— Вот, — я показал пальцем на Боброва.

— Поэтому сейчас, все встали, и выстроились в очередь. Вставайте, подъём сонная команда! — Я показал руками, как мастер на стройке знак «вира».

— Ну, зачем это ещё? — Недовольно пробурчал, вставая с кресла, капитан команды Лёша Мишин.

— А затем товарищ, Мишин, — я очень серьёзно посмотрел на капитана. — На подлёте к Ленинграду каждый из вас сегодня будет прыгать с парашютом. Кроме меня и Всеволода Михалыча, потому что на нас парашютов не хватило. На первого и последнего рассчитайсь! — Гаркнул я.

Весь салон разом наполнился недовольными голосами хоккеистов, каждый из которых готов был отдать что угодно, лишь бы его парашют я или Всеволод Михалыч взяли себе.

— Ну-ка цыц! — Вскочил Сева Бобров с кресла, с недоумением посмотрев на меня.

— Значит, никто прыгать не хочет для укрепления спортивного характера? — Спросил я, с большим трудом сдерживая прущий наружу хохот.

— Нет! Нет! — В разнобой заголосили смелые хоккеисты, позабыв, что трус не играет в

хоккей.

— Нет настроения, — добавил с задних рядов Свистухин. — Да и это, козырей жалко.

— Тогда запоминайте, — я еле заметно подмигнул главному тренеру. — Если сегодня мы проиграем ленинградским армейцам, то на обратном пути в Горький парашютов будет уже полный комплект и прыгать будут все. Михалыч, я правильно тебя понял?

— В целом посыл верный, — прокашлялся, сохраняя невозмутимый вид, главный тренер команды. — Но этого мало. После Ленинграда у нас три домашних игры с ЦСКА, с «Спартак» и с этим...

— С железнодорожным «Локомотивом», — подсказал я. — Если хоть очко потеряю, то разряд по парашютному спорту буду вручать лично, за исключением, конечно, тех, кто неудачно приземлится. А пока товарищи хоккейные картёжники можете валять дальше вашего подкидного дурака.

С чувством выполненного долга я довольный плюхнулся обратно в кресло. Боря Александров по прозвищу «Малыш», так как был самым молодым в команде, толкнув меня в бок, тихо спросил:

— Про парашют это правда?

— Его идея, — соврал я, кивнув на сидящего впереди главного тренера.

Ленинградский дворец спорта «Юбилейный», как это очень любили в стране Советов, воздвигли к пятидесятилетнему юбилею Октябрьской революции. Потому что совпало сразу два критерия — это дата сдачи объекта 1967 год, и название юбилейного дворца — «Юбилейный». Хоккеисты-ветераны клялись, что государство специально для них вырвало из бюджета кругленькую сумму народных денег на возводимый объект. Но фигуристы, которые в городе на Неве были экстра-класса, имели противоположное мнение. Они полагали, что мастера клюшки и шайбы могут и на стадионе имени Ленина, позднее «Петровском», в тридцать градусов мороза продолжать повышать свою социалистическую закалку. Тем более, что результаты СКА не впечатляли. Но в 1971 году армейцы Ленинграда, ведомые бывшим легендарным вратарём ЦСКА Николаем Пучковым, неожиданно для всех завоевали бронзу юбилейного 25-го чемпионата СССР.

Этот розыгрыш был уже 26-ым, не юбилейным, и СКА опять скатился в середину таблицы, поэтому в гости к ребятам Пучкова мы приехали в ранге явных фаворитов, которых и боялись, и уважали. Но ленинградские болельщики — это что-то с чем-то, таких упёртых и отчаянных фанатов на просторах огромной страны нет. Так как народу в Ленинграде почти четыре миллиона, а хоккейный клуб один, плюс футбольный «Зенит» и баскетбольный «Спартак», которые совмещению в предпочтениях не мешают.

— Как заведут болельщики на трибунах: «Город на вольной Невой, где болеют за «Зенит» родной», так армейцы и кинутся пластаться. — Втолковывал я перед выходом на предматчевую раскатку своим одноклубникам. — Мы сразу с первых минут «должны впечатать» СКА в лёд так, чтобы трафарет в нём остался на долгую и хорошую память.

— Да, ладно, — отмахнулся Свистухин. — Что мы глупые? И без накачки с парашюта никто прыгать не хочет.

— То есть я зря здесь сейчас пять минут выступал? — Я посмотрел на хоккеистов, которые, не обращая на меня внимания, зашнуровывали коньки и наматывали новую изоленту на клюшки.

— Михалыч, какая очередность выхода пятёрок на лёд? — Спросил я Боброва.

— Сначала пойдёшь ты с «пионерами», затем Федотов с комсомольцами, и последними

пан Свистухин с кабачком «13 стульев», — Всеволод Михалыч, не отрываясь от своих записей, ответил это так, как будто я у него спросил о том, какой сок заказать в буфете?

«Ясно, команда к игре не готова, никого боевого настроения, — плюнул я про себя и уселся обратно на своё место. — Мне что, больше всех надо? Кстати, тоже изоленду нужно на крюке поменять».

— Иван, а что ты там говорил про город над вольной Невой? Я прослушал, — спросил меня Боря Александров.

— Возьми, — я протянул «Малышу» изоленду, — на крюк наматывай.

Наконец-то, на исходе второго месяца ежедневные тактические наработки стали приносить свои сладкие плоды. Игра нашего «Торпедо» сегодня отличалась необыкновенным спокойствием во всём. Мы чётко «ловили» соперника в средней зоне, а затем, чередуя быстрые атаки сходу, и долгие позиционные розыгрыши доводили ленинградских болельщиков до нервного истощения. Ведь опасные моменты у ворот армейца Володи Шаповалова возникали чуть ли не каждые тридцать секунд. Защитники хозяев Чурашов, Новожилов, Щурков, Федосеев, Чистяков и мой хороший «друг» ещё по Череповцу Паша Козлов, к десятой минуте первого периода еле-еле передвигали коньки. Ведь играть постоянно в своей зоне, лишь изредка откидывая куда попало шайбу, занятие физически сложное и совсем неприятное. И лишь героическая игра вратаря Шаповалова сохраняла на табло ноли и как следствие интригу в матче.

— Иван, — обратился ко мне Сева Бобров, когда после очередной смены я присел отдохнуть на скамейку запасных. — Не помню, я тебе говорил или нет, 12-го декабря моя вторая сборная СССР играет с первой сборной Чернышёва и Тарасова товарищескую игру.

— Михалыч, а тебя сегодняшняя игра уже не интересует? — Удивился я.

— Эта что ли? — Искривился наш главный тренер. — Первый период «навозите» их как следует, во втором забивать начнёте. 8-го и 9-го декабря мы с «Крыльями» проводим спаренные игры в Москве. 10-го и 11-го у меня два дня, чтобы хоть как-то сборную поднатоскать. А уже 13-го числа у нас последняя игра в этом году с «Локомотивом».

— За шесть дней четыре игры даже для НХЛ перебор, — кивнул я. — Нужно уже сейчас требовать от Госкомспорта переноса матча 13-го декабря на другой срок.

— Вот! А я тебе, о чём толкую? — Хмуро пробормотал Бобров. — Ваша смена, пошёл!

В перерыве перед вторым периодом в раздевалке мы со Всеволодом Михалычем продолжили отложенную беседу. Кстати, первая двадцатиминутка так и закончилась 0: 0. Свистухин со своей компашкой опять раздали карты. А пятёрка Федотова, можно сказать, наши ветераны, занялись обсуждением сегодняшнего похода в ресторан. Но больше всех повеселила компания вратарей, Виктор Коноваленко вынул откуда-то домино, и второй голкипер Вова Минеев, а так же тренер вратарей Саша Котомкин принялись забивать козла. Ну а что? Если играющий сегодня Коноваленко пока даже не вспотел.

— Не дадут нам Михалыч перенести игру 13-го декабря, — тяжело вздохнул я. — Мы же не «Динамо», и уж тем более не ЦСКА. Кстати, а кого ты хочешь из нашей дружной команды привлечь во вторую сборную?

— Коноваленко в первую вызовут, я уже уточнял по своим каналам. — Бобров почесал затылок. — Пятёрку Федотова всю возьму. Плюс защитника Сашу Куликова, ну и тебя со Скворцовым и «Малышом».

— Меня в сборную? — Чуть не подпрыгнул на месте Боря Александров.

— Так во вторую же, — отмахнулся Сашка Скворцов.

— Да, ты, Скворец, не шарить «нифига», — разгорячился Александров. — Мы эту первую сборную разнесём под орех. А там уже...

Что «уже» я «Малышу» договорить не дал, так как без разговоров пустой хоккейной крагой отвесил воспитательную добавляющую нейронных связей прямо в мозг затрещину.

— Я вам разделаю первую сборную под орех, — я показал огромный кулак. — Тут всё взвесить надо.

— А чё не так-то? — Заступился за Александрова Скворцов, которому я тоже шмякнул крагой по макушке.

— Допустим, обыграем мы первую команду. Так все шишки и косяки спихнут на Сергеича. — Я кивнул в ту сторону, где наша легендарная двадцатка, то есть вратарь Виктор Коноваленко «забивал козла».

— Да, это проблема, — встал со скамейки Сева Бобров и скомандовал. — Перерыв окончен, пожалуйста товарищи картёжники, доминошники и прочие артисты горьковского варьете на второй акт.

Во втором акте, как и предсказал наш главный «дирижёр» ленинградская команда посыпалась. Точнее посыпались забитые шайбы в сетку ворот Шаповалова, которого уже по первой двадцатиминутке было по-человечески жаль. И первым отличился на третьей минуте второго периода Боря Александров. «Малыш» окрылённый известием, что его берут в сборную, выдал красивейший сольный проход по своему левому краю и выложил мне шайбу в центр как на блюдечке. Щелчок получился громким, сильным и точным. Пытаясь ещё чуть-чуть продлить интригу, Володя Шаповалов прыгнул, словно Лев Яшин, но шайба гораздо меньше футбольного мяча, поэтому она без труда юркнула в сетку ворот.

— Что ж делать-то? — Спросил Боров, когда мы вернулись на скамейку запасных, порабочему поздравив друг друга с успехом. — Нельзя Сергеичу полную авоську забивать. Иначе его на Олимпиаду не возьмут.

— Нас, зато возьмут, — отдышавшись, сказал «Малыш».

— А если я сейчас тресну кому-нибудь, — рыкнул я на Александрова. — Нужно сделать так, чтобы против нас играл Третьяк.

— А давайте Сергеича травмируем, — предложил Скворцов.

— Ковин! — Крикнул я грустному запасному игроку. — Скворцов устал, голова у него плохо соображает от балтийского кислорода, замени его на пару смен!

— Уже и предложить ничего нельзя, — пробормотал Сашка Скворцов.

«В общем, проблема, — думал я, разыгрывая шайбу в позиционном нападении с Ковиным и с Александровым. — А если Коноваленко сыпь нарисовать на спине? Чтобы врачи подумали, что вратарь подцепил корь? Или может ему венерологическую болезнь какую придумать? Нет, это перебор».

— Кулик, не тяни! — Крикнул я, толкаясь с защитниками СКА в непосредственной близости с пятачком.

Навес от Куликова, ловкий удар клюшкой по шайбе слёту и всё, вынимайте товарищ Шаповалов, 0: 2. Я проехал вдоль своей скамейки запасных, получив поздравление от всей команды, и вновь уселся перевести дух. Но спокойно отсидеться Бобров не дал.

— А если Сергеичу на животе и на спине нарисовать сыпь, как будто у него корь? — Предложил «находчивый» главный тренер.

— Вот будет ржак, когда эта сыпь размажется по всему телу вратаря, — усмехнулся я, вспоминая «Приключения Электроника». — Смотрят такие Тарасов с Чернышёвым на

нашего голкипера, а там, вместо сыпи, произведение импрессионистов.

— А может так, — вмешался пропустивший одну смену Скворцов. — У нас 8-го и 9-го спаренные матчи с «Крыльями советов». Первую игру отыграет Сергеич, а 9-го на лёд выйдет Минеев. А Виктору Сергеичу мы сразу гипс наложим, как будто у него лёгкое растяжение. А?

Мы с Севой Бобровым посмотрели друг на друга и поняли, что безвыходных ситуаций не бывает, если конечно ты не очнулся замурованным в закалочном гробу. Да и то, я слышал, что и такие бедняги бывало выкарабкивались.

— Вова Ковин! — Крикнул я нашему запасному. — У Скворца голова вылечилась, ты играл отлично, но пока посиди ещё. Наша смена? — Спросил я у хитро улыбающегося Боброва.

«Вот, что значит, вовремя посоветоваться, — думал я, разыгрывая очередную комбинацию в зоне СКА. — Один предложил, другие обсудили, проголосовали, и приняли к действию».

— «Малыш», уйди за ворота! — Гаркнул я и с неудобной руки отдал передачу в левое закругление.

Александров оперативно юркнул за шайбой, ускользнул от воткнувшегося в борт ленинградского защитника, и резко вернул шайбу мне на левый угол ворот. И те из армейцев, у кого ещё не закружилась голова от наших виражей, бросились «бить» меня, чтобы выбросить из своей зоны проклятый резиновый диск. На это и был расчёт, мгновенная подкидка направо и шайба приземлилась Скворцову прямо в крюк перед пустым углом ворот. А дальше, всё как всегда, разочарованный вздох болельщиков, зажегшийся красный фонарь за воротами и свисток судьи в поле, который рукой указал на центр, а табло высветило 0: 3.

— Ну, теперь только попробуйте с первой сборной СССР не разобраться, когда я такие идеи подкидываю, — сказал Скворец, принимая наши дежурные поздравления.

В перерыве перед заключительным третьим периодом произошло сразу два значительных события. Сначала прибежал запыхавшийся начальник команды Иосиф Шапиро, которого все с моей подачи с недавнего времени стали называть Йосей, и сообщил, что самолёт должен взлететь через два часа. Поэтому нам нужно по-быстрому доиграть матч и бежать в автобус. Иначе грядёт какой-то нехороший атмосферный фронт, и мы здесь можем застрять надолго. На реплику центрального нападающего Федотова, что они уже забронировали столик в ресторане, Йося ответил коротко и по сути:

— Не пи...ди!

А затем в раздевалку заглянул какой-то смышлённый мальчонка и передал мне странную записку с вахты служебного входа. На маленьком клетчатом листочке из записной книжки помадой было написано: «Здравствуй, это Ирина Понаровская!».

— Шанель номер пять, — принявшись, высказался Коля Свистухин.

— Что говоришь товарищ мой? Нюхнул Шанель? Иди домой. — Под хихоньки товарищей по команде «осадила» я любопытного Николая и сжал записку в кулаке. — Михалыч! — Обратился я к главному тренеру, надевая чехлы на лезвия коньков. — Я на минуту на третий период опоздаю. Без меня слишком много не забрасывайте.

Что ответил мне, опешивший от наглости Сева Бобров я не расслышал, так как заметно ускорившись, потопал по лабиринту подтрибунных помещений дворца спорта «Юбилейный» в сторону служебных проходных.

«А что, собственно говоря, я так сорвался? — думал я, шагая по бетонному полу дворца. — Может, зря себе мозги пудрю и ей? Ведь дружба между мужчиной и женщиной — это как хождение по тонкому льду неизвестного водоёма. Никогда не знаешь, в каком месте провалишься и окунешься по самую макушку неразрешимых внутренних вопросов».

— Привет, — улыбнулся я, стоящей за «вертушкой» Ирине Понаровской, которая была одета в пальто и красный пуховый платок. — Пропустите девушку, — потребовал я от двух бабуль, которые сидели на вахте.

— Пропуск пусть сначала предъявит! — Недовольно заворчала одна бдительная бабушка.

— Да вы чего? Устроили здесь архипелаг ГУЛАГ? Это же известнейший специалист в Союзе по спортивно-тайскому массажу! — Я в наглую потянул Ирину за руку через пока не зафиксированную «вертушку». — Вот из-за таких как вы «Голос Америки» и считает, что в СССР нет свободы, равенства и братства. Стыдно должно быть, бабушки!

И пока вахтёрши не опомнились я буквально полетел широко вышагивая своими длинными ногами, ведя за руку Ирину Понаровскую, ведь третий период, судя по раздающемуся шуму трибун уже начался.

— Ну, ты и сумасброд, — хохотнула певица, еле поспевая за мной. — А я хотела тебя в гости пригласить после игры. У меня любимая бабуля и старший брат — большие любители хоккея.

— Не получится, — я привёл немного запыхавшуюся девушку прямо за нашу скамейку запасных. — У нас самолёт через час сорок пять уже взлетает.

— Тафгаев! Ты вообще чего?! — Сева Бобров сделал очень большие глаза, увидев меня в обществе симпатичной девушки.

— Познакомься, Михалыч, это Ирина Понаровская солистка «Поющих гитар». Это легенда советского спорта Всеволод Бобров. — Я коротко представил главному тренеру молодую певицу. Затем шлепнул по каске Свистухина, который от любопытства почти свернул шею, а остальным хоккеистам показал нехилого размера кулак, чтобы от игры не отвлекались. — Ирина, постой пока вон там, с краю. Михалыч, моя смена?

— Твоя, твоя, — покачал головой Бобров.

Само собой чтобы выпендриться перед в будущем популярной певицей в первой же своей смене, я показал максимум на что способен. Протащил шайбу от ворот Коноваленко до ворот Шаповалова, и лишь в последний момент, решив всю славу себе не загребать, отпасовал на открытого «Малыша». И на сорок второй минуте счёт стал разгромным 0: 4.

— Ну, ты и ходок, Иван, — заулыбался Боря Александров, когда мы поздравляли друг друга с успехом. — В Горьком у тебя одна, в Ленинграде другая.

— Иван у нас своего не упустит, — поддакнул Сашка Скворцов.

— Харе вам! С Женькой у меня всё серьезно, а с Ириной мы просто друзья, — смущённо пробормотал я, катясь на скамейку запасных.

На скамейке, сначала на меня пристально посмотрел Бобров, решая казнить или миловать, а затем со спины незаметно подошла Ирина Понаровская.

— Поздравляю, — улыбнулась она. — Можно спросить? Откуда у вас такая красивая форма? Яркая, оранжевая с мордочкой кота в центре?

— Это называется ребрендинг, — козырнул умным словом, которое услышал от меня, Боря Александров. — Считается, что коты приносят удачу, и теперь это наш логотип.

Вообще надо сказать новая хоккейная форма, произвела впечатление не только на

Ирину. На фоне тёмно-синих со звездой и большими буквами СКА полинявших от бесконечных стирок шерстяных свитеров, в которых играли армейцы Ленинграда, мы выглядели как гости из будущего. А это совсем другое самоощущение, как будто ленинградцы хоккеисты второго сорта, а мы самого высшего. Конечно, это было не так. Играть в хоккей игроки СКА умели, но вот схема их игры и тренировочные методики давно устарели. Поэтому мы сегодня как никогда доминировали, а хозяева льда мучились. Дошло даже до того, что 57-ой минуте, когда счёт стал 0: 5, шайбу забил вышедший на пару смен Доброхотов, Сева Бобров приказал третьей пятёрке и запасным идти в раздевалку и переносить наши вещи в автобус. А за минуту до конца матча вообще на льду остался доигрывать, вратарь Коноваленко, защитники Гордеев и Куликов, и я со своими «пионерами».

— Мужики! Не обижайтесь! У нас самолёт улетает, — я в одиночку полез пожимать руки игрокам СКА, когда прозвучала финальная сирена. — Спасибо за игру! Удачи вам в следующих играх! Николай Георгиевич, — я пожал руку тренеру ленинградцев. — Извините Севу Боброва, он со всеми в автобус убежал. Он просил сказать, что по поводу второй сборной СССР в декабре в Москве пообщаетесь. У нас там куча матчей. И вы там, кстати, с «Спартакoм» играете. Удачи, мужики!

Последние слова я выкрикнул уже на ходу, спеша прямо в хоккейной форме в автобус. Так же на бегу попрощался и с Ириной Понаровской, встреча с которой меня, четко признать, озадачила. К чему бы это?

Глава 2

Важнейший матч с ЦСКА, с самой титулованной командой в хоккейной истории СССР волей календаря был назначен на вторник 23-го ноября. Накануне, 22-го числа главный тренер Сева Бобров собрал всю команду на базе «Зелёный город», чтобы хоть как-то проконтролировать некоторых слишком не уважающих спортивный режим хоккеистов.

Утром была проведена плановая тренировка на льду дворца спорта «Торпедо», все два часа которой посвятили исключительно тактической отработке командных взаимодействий. Работа в позиционной атаке и нападение, атаки с ходу, игра в большинстве и меньшинстве, ловушка в средней зоне. И очень много уделили внимания броскам в касание после паса с одного края на другой, потому что заранее договорились не радовать прямыми «выстрелами» Владислава Третьяка, вратаря ЦСКА и сборной страны.

Днём, ещё тридцать минут вся команда дружно попотела, тягая железо в тренажёрном зале. И в пять часов дня Сева Бобров объявил всем свободное время, чтобы картёжники, доминошники и любители настольного хоккея могли вдоволь оторваться на этих своих пустых занятиях. А сам, Всеволод Михалыч, вооружившись удочкой, ведром и банкой с опарышами повёл меня на речку Кудьму ловить рыбку большую и маленькую. Я, конечно, долго отпирался, даже соврал, что у меня случился запор, но Михалыч, привыкший к моим выкрутасам, не поверил и чуть ли не в приказном тоне приказал топтать следом. Тем более фигуристка Женька Соколова уехала до декабря на сборы в Минск, а других отговорок у меня просто не осталось.

«Ладно, товарищ тренер, хотите рыбачить, удочку вам в руки, — зло посмеиваясь, подумал я, взяв с собой в дырявой для вентиляции сумке любимого кота Фокса. — Посмотрим, что у вас товарищ Бобров на уху останется после того, как мой прожорливый Фоксик на дело сходит в ваше ведёрко».

Снег уже тоненьким слоем покрыл почти все окрестности вокруг спортивной базы. Лишь в лесу местами кое-где проглядывала голая замёрзшая земля с пожухлой травой. А извилистая речушка Кудьма лениво гнала свои воды в Волгу, по которой уже можно было попасть и в Каспийское, и в Чёрное море.

— Посмотри, — Бобров сунул мне в руки свою тетрадь, где от руки была начерчена таблица чемпионата СССР по хоккею на 22-ое ноября.

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
ЦСКА (М.)	15	11	3	1	90 — 44	25
Динамо (М.)	17	10	4	3	62 — 42	24
Торпедо (Г.)	14	9	3	2	64 — 48	21
Спартак (М.)	16	7	2	7	63 — 64	16
Химик (Вск.)	16	6	0	10	52 — 61	12
СКА (Лен.)	16	5	2	9	43 — 60	12
Крылья Советов (М.)	13	4	2	7	51 — 54	10
Трактор (Чел.)	13	2	4	7	37 — 62	8
Локомотив (М.)	14	3	0	11	38 — 69	6

По турнирной таблице было чётко видно, что «Спартак» прочно застрял на четвёртой строчке и выпал, скорее всего, из чемпионской гонки. Наше «Торпедо» по потерянными очкам пока обгоняло московское «Динамо» на три очка и отставало на два очка от ЦСКА.

Удивило количество забитых шайб армейцами Москвы. Я полистал тетрадь Боброва и отыскал результаты последних игр нашего завтрашнего соперника:

ЦСКА — «Спартак» 9: 5;

ЦСКА — «Крылья Советов» 7: 5;

ЦСКА — «Трактор» 10: 1;

ЦСКА — «Динамо» 3: 0;

ЦСКА — «Локомотив» 7: 0;

«Локомотив» — ЦСКА 1: 12.

— Впечатляет? — Хитро улыбнулся главный тренер.

— Да нет, — немного покривил душой я. — Во-первых, ЦСКА уничтожил те команды которые заранее его испугались. Аутсайдеров — «Трактор» и «Локомотив». Во-вторых, «Спартак» и «Крылья» отгрузили по пять штук Третьяку — это значит в обороне московских армейцев очень большие проблемы. Вообще, когда некая команда кладёт все силы, чтобы вынести аутайдера с двузначным счётом — это говорит о скрытом страхе перед сильным и достойным соперником.

— Хочешь сказать, что завтра победим? — Спросил Бобров, нацепив на крючок наживку и закинув удочку в Кудьму.

— Вы же видели, как команда заиграла? — Ответил я вопросом на вопрос. — Каждый знает свой манёвр. Мы за два месяца научили всех игроков мчаться туда, где через мгновение будет шайба, а не там, где она уже была. Даже у Коли Свистухина есть прогресс, цепкий в отборе, неуступчивый, и голова иногда варит в правильном направлении.

При упоминании нашего третьего центрального нападающего лицо Севы Боброва расплылось в широкой озорной улыбке.

— Я как вспомню твою шутку в самолёте, когда мы летели обратно из Ленинграда в Горький, так удержаться не могу, — признался мне, трясаясь от тихого смеха главный тренер. — Ведь додумался со всей командой договориться разыграть нашего Колю. Потом построил всех в проходе, выдал каждому по парашоту, а Свистухину, которому парашот не достался, прицепил к спине рюкзак с консервами и предупредил, чтобы он при приземлении их не помял.

Бобров аж прослезился от этого невинного розыгрыша, после которого Коля со мной уже второй день не разговаривал.

— Да так себе шуточка, — махнул рукой я. — Вот если мы ЦСКА завтра расколошматим то, как бы вас обратно в Москву не отозвали. Вы же офицер запаса. Вот это будет настоящий чёрный юмор.

— Н-да, — протянул задумчиво Бобров. — А где же рыба-то? — Растерянно почесал затылок главный тренер, случайно заглянув внутрь стоящего в метре ведра.

— Какая рыба? — Очень натурально возмутился я. — Кто же это всё съел-то без соли и без зелени? Ай-я-ай. Фоксик, кыс, кыс, кыс. Ну-ка открой ротик и скажи «а». Не Михалыч во рту пусто, глаза честные, не он это.

— Только зря опарышей перевёл, — пробурчал Бобров, сматывая удочку. — Шутки у тебя Тафгаев не весёлые.

За час до игры с великим армейским клубом из столицы Родины Москвы я специально заглянул к кассиру и купил за 4 копейки программку на сегодняшний матч. На одной половине её был изображён хоккеист с шайбой в любимой стилистике Пикассо — «кубизм»,

а на другой были написаны составы играющих сегодня 23 ноября 1971 года команд:

«Торпедо» (Горький) ЦСКА

ВРАТАРИ

№ 20 — Виктор Коноваленко № 20 — Владислав Третьяк

№ 1 — Владимир Минеев № 1 — Николай Толстиков

ЗАЩИТНИКИ

№ 2 — Владимир Астафьев № 6 — Геннадий Цыганков

№ 16 — Сергей Фёдоров № 5 — Александр Рагулин

№ 19 — Владимир Гордеев № 4 — Виктор Кузькин

№ 6 — Александр Куликов № 2 — Александр Гусев

№ 3 — Сергей Мошкарров № 3 — Владимир Лутченко

№ 5 — Вячеслав Ушкаков № 13 — Игорь Ромишевский

№ 23 — Алексей Волченков

НАПАДАЮЩИЕ

№ 18 — Евгений Шигонцев № 18 — Владимир Викулов

№ 9 — Николай Свистухин № 11 — Анатолий Фирсов

№ 7 — Владимир Смагин № 17 — Валерий Харламов

№ 12 — Алексей Мишин № 7 — Борис Михайлов

№ 17 — Александр Федотов № 16 — Владимир Петров

№ 11 — Анатолий Фролов № 8 — Юрий Блинов

№ 15 — Борис Александров № 9 — Александр Волчков

№ 30 — Иван Тафгаев № 21 — Сергей Глазов

№ 10 — Александр Скворцов № 15 — Юрий Моисеев

№ 13 — Виктор Доброхотов № 10 — Евгений Мишаков

№ 22 — Владимир Ковин

Капитан команды — А. Мишин Капитан команды — В. Кузькин

Ст. тренер — В. Бобров Ст. тренер — А. Тарасов

«Интересное кино, — подумал я, рассматривая программку. — Из того списка, который мне вчера показал Сева Бобров, в предварительную сборную СССР на приз «Известий» Чернышёв и Тарасов заявили две первые тройки нападения ЦСКА, одного вратаря — Третьяка и пять защитников: Цыганкова, Ромишевского, Кузькина, Лутченко и Рагулина. То есть сегодня против нас сыграет двенадцать хоккеистов из сборной команды СССР. А из нас Сева заявил семь нападающих, Свистухина для смеха взял седьмым, и трёх защитников в сборную СССР-2. Жаль Коноваленко уже призвали в СССР-1. Историческая игра вытанцовывается».

— Изучаешь стартовые составы? — Спросил меня в пока ещё пустом и гулком фойе дворца спорта «Торпедо» незнакомый на первый взгляд невысокий мужчина в очках.

— Зрителям сюда ещё рано заходить, — пробурчал я, присматриваясь к незнакомцу в пальто и вязаной шапочке. — Пойдите, вы же журналист Владимир Пахомов? Мы с вами статью писали недавно?

— Здравствуйте, — мы пожали друг другу руки. — Меня Сева из Москвы пригласил, сказал, что здесь в Горьком исторический матч вытанцовывается. Репетиция битвы первой и второй сборной СССР. Такой материал в «Известия» уйдёт на ура.

— Главное, чтоб после матча у кое-кого в одном месте не образовалась дыра, кхе, —

прокашлялся я. — Говорят, в буфете пиво хорошо продают, пока не разбавленное. — Сказал я, поторапливаясь на предстартовое собрание в нашу домашнюю раздевалку.

Чего больше всего не любил наш главный тренер — это длинных предматчевых установок. Скажет, что вы и так всё знаете, чего я вам буду лишней раз одно и то же повторять, или ещё короче, на тренировке мы всё с вами разобрали, давайте на лёд. Но сегодня Всеволод Михалыч переволновался. Конечно, один раз мы уже ЦСКА обыграли, но тогда имела место быть недооценка соперником наших новых возможностей. Поэтому сейчас всё будет по-серьёзному, решил Бобров и завёл шарманку на полчаса, двигая туда и сюда магнитные фишки по разметке хоккейного поля на белой металлической доске.

— Михалыч, ты меня извини, — не выдержал я этих хоккейных шахмат, — ты можешь сказать народу, то есть нам, по-простому? Сколько мы должны сегодня забить, и сколько можно нам примерно пропустить?

— Хотелось бы, чтобы вы пропустили поменьше, а забили наоборот побольше, — развёл руки в стороны Бобров.

— Ну, так бы сразу Михалыч и сказал, — я встал и раздвинул широкие плечи, которые уже немного затекли. — Давай на лёд картёжники, доминошники, и прочие артисты-любители, не посраим товарища Боброва. Он нас во вторую сборную взял, а она, между прочим, поедет в декабре играть в Швецию и в Финляндию. Джинсы себе купите новые кленовые, решетчатые. Есть желание сегодня надрать ЦСКА?!

— Да, — без энтузиазма проблеяла команда.

— Хотите прыгать с парашютом?! — Снова гаркнул я.

— Нет! — Дружно грянули хоккеисты и, посмеиваясь, пошли на лёд.

— Минеев Володя, — я остановил на выходе из раздевалки второго нашего вратаря. — Ты хоть чуть-чуть в новой экипировке потренировался?

Этот второй злосчастный комплект из заводского экспериментального цеха по производству всевозможной хоккейной продукции, в прямом смысле слова, выбили с боем. Сначала два дня Бобров заезжал к директору автозавода, Ивану Киселёву, но дело не двигалось. Затем я отловил своего бывшего друга и соседа, который заведовал этим цехом и потаскал его в туалете новеньким заграничным вельветовым костюмом вдоль отштукатуренных белой известью стен. Внушение возымело нужный эффект. И буквально утром в день игры на базу «Зелёный город» доставили новые вратарские щитки более жесткие, высокие и прямоугольной формы, а так же вратарский шлем новейшей конструкции и, самое важное, более объемный и толстый нагрудник и налокотники.

— Час с Котомкиным позанимались, но вроде всё удобно, лишь чуть-чуть не привычно. — Улыбнулся наш молодой белобрысый голкипер. — Я в этих щитках такой толстый.

— В этом и суть, — я похлопал паренька по плечу. — В игре каждый сантиметр помогает шайбы отбивать.

«Что за народ, одни деньги в глазах, — выругался я про себя, шагая на поле в сторону ревущих трибун. — Как будто не для команды просим, а для проклятых империалистов. Кстати, нам, полевым игрокам, сказали, что новые щитки изготовят лишь к январю. Гады».

Двум друзьям, фрезеровщикам из ремонтно-инструментального цеха Казимиру Петровичу и Трофиму Данилычу, которого все звали исключительно по отчеству, достались не самые лучшие места в самом углу зрительской трибуны. Данилыч хотел было

повозмущаться, что ветеранов хоккейного мяча не уважают, но когда увидел, как некоторые усаживаются прямо в проходе, заткнулся.

— Маловат дворец будет, — сказал он, надевая на нос очки, чтобы можно было разглядеть эту маленькую и вёрткую шайбу с такой далёкой галёрки.

— Иван говорил, что за океаном хоккейные дворцы строят вместимостью по двадцать тысяч, — поддакнул другу Казимир. — А у нас вечно сэкономят на всём, а потом сиди мучайся.

— Экономика должна быть экономной, — для чего-то вставил эту бессмысленную фразу Данилыч, и чуть привстал, так как на лёд наконец-то выехали хоккеисты и стали наматывать по своим половинам поля круги.

Команда ЦСКА была в своей традиционной форме, в красных свитерах с синими полосками и белой эмблемой со звездой на груди. А вот их любимцы, торпедовцы, сегодня играли в непривычных белых хоккейных фуфайках с оранжевой полосой посередине. Но самой необычной была эмблема с мордой кота. Данилыч, конечно сегодня видел подобный хоккейный свитер, только оранжевый с тёмно-синими полосками на некоторых болельщиках, но он подумал, что это пришло поболеть общество охраны животных. А оказалось — это новая форма любимой команды.

— Стыдоба, — заворчал он, пихая в бок Казимира. — В наше бы время такую ерунду никто не одел бы. Это чего же мы теперь, болельщики котов?

— А мне нравится, — не согласился его друг. — Я котов люблю. И вообще наши как-то посолидней в этой форме, чем хвалёные москвичи. Наверное, это Сева Бобров придумал.

— Если бы это придумал Бобров, то на знаке была бы морда бобра, — недовольно от нетерпения заворчался Данилыч и тут же вздрогнул, так как из динамиков вместо привычного голоса диктора по стадиону зазвучала жёсткая ритмичная музыка.

А потом некоторые болельщики на трибунах встали и запели:

Вместе мы с тобой «Торпедо»!

Город Горький часть души моей!

— Это у нас на хоккее теперь ещё и концерт будет, — Данилыч сделал такое лицо, как будто только что глотнул вместо приятной «Столичной» водки, какую-то гадкую бодягу. — Может тут ещё нам и танцы с девушками устроят?

И как по заказу, когда команды выстроились на своих синих линиях, выехали девушки в спортивных костюмах с флагами СССР, города Горького и флагом с новой эмблемы команды.

— Пошли отсюда, — Трофим Данилыч дернул Казимира за рукав. — Стыдоба!

— Давай хоть один период-то посмотрим, — отмахнулся Казимир Петрович, которому девушки очень даже понравились.

Перед стартовым вбрасыванием я подъехал к своим партнёрам по тройке и седлал небольшую вводную:

— «Малыш» на тебе Харламов, в атаке смотри, у ЦСКА тебя будет встречать огромный Рагулин, не вздумай идти в обводку в центр. Показал в центр, обыграл по борту. Иначе он тебя размажет так, что потом не соберём. Дальше, ты Скворец работаешь с Викуловым, в защите против тебя будет Цыганков та же история. Не суйся в центр. Всё, поехали, за котов!

Против меня на точку выехал с напряжённым лицом после своей предматчевой накачки, Толя Фирсов. Честно говоря, я так и не понял идеи Тарасова, зачем он разбил свою

лучшую тройку нападения Михайлов, Петров и Харламов, которая заиграла в прошлом сезоне? И зачем объединил в одно звено трёх номинальных крайних нападающих, Викулова, Фирсова и Харламова? Ну как говорится — чужая душа потёмки, где бегают к тому же чужие тараканы в голове.

Стартовое вбрасывание у Фирсова я выиграл так, словно забрал игрушку и ребёнка. Тут же что-то закричал своему нападающему от бортика тренер Тарасов, но в таком шуме трибун ни я, ни Фирсов ничего не расслышали. И хоть шайбой чаще владели мы, первые минуты прошли в толкотне и суете.

«Боятся нас армейцы, — подумал я, отдыхая на скамейке запасных. — Кстати мы их тоже попугиваемся. Та первая октябрьская игра была не в счёт. Сейчас другие ставки. На кону сборная».

— Давай, Тафгай, — подтолкнул меня в спину Бобров, отправляя на лёд. — Сыграйте поумнее, чё за беготня?

— Дай Михалыч сначала присмотреться, провести разведку боем, перекурить по одной, покумекать над диспозицией, — улыбнулся я.

— Уже семь минут кумекаете в разведке этой вашей, — Сева Бобров хлопнул кулаком по краю деревянного борта. — Ты мне голы обещал или что?

— Уже и пошутить нельзя, — пробурчал я, катясь на точку вбрасывания в нашу зону защиты.

— Чё Михалыч сказал? — Спросил меня Боря Александров.

— Если сейчас не забьём, то в сборную наберёт парней из «Крыльев», что он ещё может сказать? — Ляпнул я, не подумав, потому что как только мы выиграли вбрасывание «Малыш» так рванул с шайбой по своему левому краю, как мы не договаривались.

Харламов немного зазевался и упустил нашего юного гения прорыва, а Рагулин хоть и имел размеры сопоставимые со мной, но уже в силу возраста скоростные качества свои растерял. Зато длинные руки и длиннющая клюка помогли Александру Палычу перекрыть нашему нападающему лазейку через борт. Ну и Александров побежал обыгрывать Рагулина в центр. А такие фокусы могли закончиться больничной койкой, ведь защитнику достаточно сделать лишь шаг навстречу, чтобы сломать нападающего, я такого ещё за океаном насмотрелся выше крыши.

— Куда, б...ь! — Только и успел я выкрикнуть, как «Малыш» в самый последний момент ускользнул от армейского великана.

— Давай, шайбу! — заголосили болельщики на трибунах, видя, как Александров выскакивает один на один с Третьяком. — Шайбу давай!

Мы же со Скворцовым, как и остальные игроки ЦСКА, припустили следом. И как Александров стал обыгрывать вратаря армейцев, из-за маячившего передо мной Цыганкова я не рассмотрел. Я лишь услышал разочарованный вздох трибун и увидел шайбу, которая отлетела по центру на Гену Цыганкова, который тоже этого не ожидал и заковырялся. Я резко подбил клюшку армейского защитника вверх и следующим движением подкинул шайбу так, что она парашютиком опустилась за распластанным на льду Третьяком прямо за линией ворот ЦСКА.

— Гооол! — Взревели трибуны, и грянула наша победная музыка.

— Ну вот, это уже на что-то такое, о чём я всегда не устаю повторять — похоже, — довольный как кот, проговорил Бобров, поздравляя нас на скамейке запасных.

— Ещё раз пойдешь обыгрывать в центр, я тебе уши оттяну как у слона, — шепнул я

«Мальшу», который себя уже видел в свитере сборной СССР-2.

— Но я же проскочил? — Обиделся на меня «пионер».

— А если бы Рагулин ногу вперёд выставил, колено твоё вылетело бы к чёртовой матери, — напихал я Александрову, и чтобы ему было не так горько, то же самое я втолковал и Сашке Скворцову.

После забитой шайбы у нас как будто лопнула невидимая струна, что мешала раскрепощенной и красивой игре. ЦСКА стал часто ошибаться, а мы наоборот наседали. Если наш наставник Сева Бобров не престаивал повторять молодцы-молодцы, и широко улыбаться, то тренер ЦСКА Анатолий Тарасов ходил красный, как помидор и орал на скамейке запасных на всю свою команду. Из-за чего буквально через смену, я со своими «пионерами» запер первую армейскую пятёрку в их зоне защиты.

— Двигай шайбу! Не застаивайся! — Орал я, чтобы моих молодых ребятшек по бортам не размазали.

— Рагулин! Тридцатку с пятака убери, б...ь! — Пытаясь перекричать бурлящие трибуны, от своего борта приказывал Тарасов. — Убери, б...ь, тридцатку!

— Шею отверну сука, — бухтел мне в ухо Александр Палыч, когда мы практически вольным стилем боролись перед вратарём ЦСКА.

— Помогите! Хулиганы шею отворачивают! — Заблажил я, делая резкий разворот, и скидывая с себя армейского гиганта. — Кулик! Не спи, убью! — Скомандовал я своему защитнику, с которым мы кое-что на тренировке для такой позиционной атаки сочинили.

Я в мгновение сместился на левый угол ворот Третьяка, Саша Куликов сделал богатырский замаха для убойного щелчка, а сам запустил шайбу не в ворота, а на меня сильно и чётко. Конечно, подставить под такой выстрел клюшку мне не всегда удавалось, но сегодня был мой день, вендетта за статью товарищу Тарасову. Клюшка в моих руках вздрогнула от удара шайбы о крюк, и красный фонарь зажегся второй раз за воротами московского ЦСКА.

— Гооол! — Взвыли болельщики, устроив настоящие пляски прямо на своих местах, под победную музыку из «Депеш мод».

Я посмотрел на табло, которое показало, что до перерыва осталось ещё четыре минуты. «Неплохо бы дотянуть до конца первого периода с таким счётом», — подумал я, принимая поздравления от своей пятёрки. И был прав, так как после двух пропущенных безответных шайб москвичи раскрепостились, забегали с удвоенной силой и прижали уже нас к воротам Коноваленко. И Виктор Сергеич не подкачал, выдал несколько очень хороших спасений, показав что такое настоящий вратарский стиль «Баттерфляй».

— Держим, мужики, держим, — приговаривал на скамейке Сева Бобров. — Сейчас нужно потерпеть!

— Бобров терпел и нам велел! — Гаркнул я, чтобы игроки немного поржали и расслабились. — Михалыч, а чего ты терпел-то в своё время, тоже с туалетной бумагой был дефицит?

— Тьфу, на тебя Тафгаев такую игру опошил, — махнул рукой главный тренер.

«Кстати, то, что ЦСКА наехал на наши ворота, это же прекрасно», — подумал я, выходя на следующую смену.

— Скворец, как вбрасывание выиграю, сразу рви на красную линию, тебе Кулик со своим правым хватом по правому же борту и закинет, — сказал я, прикрыв рот крагой. — «Мальш», и ты тоже двигай в атаку параллельным курсом.

Левый, самый распространённый, и редкий правый хват в хоккее — это своего рода существенное преимущество. Некоторые игровые сочетания выходят на лёд, и у них все игроки клюшку держат с левой стороны. Вот у меня в пятёрке «Малыш» Александров с правым хватом бегаёт по левому краю в атаке, это очень удобно в завершении атак, и оборонец Саша Куликов с тем же правым хватом играет уже справа в защите, ему пробрасывать вдоль борта с руки. Чем мы сейчас и воспользовались.

Анатолий Фирсов в очередной раз безнадежно отдал вбрасывание мне, Куликов запустил шайбу вдоль борта к центральной красной линии, и вот уже мои «пионеры» летят на всех порах против одного Александра Пальча Рагулина и растерянного вратаря Владислава Третьяка. Тарасов от бортика что-то активно жестикулируя заорал, трибуны, вскочив на ноги, тоже что-то про шайбу запели. А Скворец и «Малыш» исполнили красивое кино про хоккей, и жаль, что сегодняшнюю игру никто не снимал. Потому что в зоне атаки Скворцов подкидкой через клюшку Рагулина с правого края отдал на Александрова, и тот по-пижонски на скорости, встав на одно колено, в касание вколотил третью шайбу в игре, 3: 0.

— Красиво сделали, — крикнул Бобров, посматривая на табло, которое отсчитало последние секунды первого периода.

— Ну что домой идём? — Хитро посмотрел Казимир Петрович на своего закадычного друга. — Первый период пролетел.

— А куда нам спешить-то? — Закряхтел Данилыч. — Тем более у меня всё с собой. — Фрезеровщик по-заговорщицки огляделся и вынул из внутреннего кармана пиджака чекушку «Столичной» водки.

— А это? — Казимир намекнул на закуску.

— И это, — без лишних слов понял намёк друга Данилыч, вынув из второго кармана завернутый в полиэтиленовый пакет один солёный огурец.

На третий период матча «Торпедо» Горький и ЦСКА Москва некоторые мои товарищи по команде вышли с кривой усмешкой на лице. Ну ещё бы, счёт 6: 0, московские армейцы полностью развалились, точнее кроме тупого навала ничего у игроков экстра-класса сегодня не получалось. Даже всегда импульсивный и горластый Анатолий Тарасов охрип и под конец второго периода молча ненавистными глазами сверлил мою могучую фигуру. Я хоть во второй двадцатиминутке не отличился, зато снова убежали в контратаку мои «пионеры» и на этот раз Скворцов сделал счёт 4: 0. А потом буквально как под копирку забили игроки пятёрки Федотова, которые противостояли сегодня армейским нападающим Михайлову, Петрову и Блинову, и защитникам Кузькину и Гусеву. Они дважды поймали в ловушку в средней зоне своих оппонентов, и сначала на Сашу Федотова отдал результативный пас капитан Лёша Мишин, а затем точным пасом порадовал своего центрфорварда и народ на трибунах Толя Фролов.

Итак, дублем отметились — я и Федотов и по разу забили Александров и Скворцов Сева Бобров довольно побряхтывая, приговаривал, что точно так же они обыграли Канаду на чемпионате мира в 1954-ом махровом году, но старался нас не перехвалить. Кстати, совершенно верно, ведь хоккейный матч длится не 40 минут, а 60. И за один третий тайм многое может случиться. Но с 6: 0, вроде ещё никто не спасался.

Пока на льду заканчивали выступление девчонки, размахивая флагами под музыку из песни «Мой адрес Советский союз», я краем глаза со скамейки запасных посмотрел на лучшие элитные места на трибуне, которые находились в аккурат за нашими спинами. «Что-то директор завода не заглянул сегодня в раздевалку? — усмехнулся я про себя. — Наверное, неудобно перед Бобровым, что изготовление хоккейной амуниции для себя же приходится выбивать силой. Ходили слухи, что вратарскими шлемами новой конструкции заинтересовались в Швеции, а в Финляндию их ушло уже почти тридцать штук. Даже нашим советским вратарям досталось всего тринадцать экземпляров, вон Третьяк сегодня играет в своей хлипкой масочке. А в Финляндию за валюту — пожалуйте».

Вдруг мой взгляд выцепил довольное лицо Василька, бывшего нищего инженера и соседа по комнате, который сейчас сидел в вельветовом модном костюме с «принцессой» Яной Снегирёвой. Почему-то не удивлён, далеко пойдёт сволочь. Кстати, «принцесса» Яна наигралась с группой поддержки, и теперь её возглавлял какой-то бывший фигурист.

— Тафгай! — Окликнул меня Сева Бобров. — На лёд!

В третьем периоде у армейцев произошло сразу несколько перестановок, обратил я внимание, встав на точку вбрасывания. На ворота вместо Владислава Третьяка вышел Николай Толстик и ещё вместе с Викуловым и Фирсовым выехал на площадку Блинов, значит, Харламова Тарасов додумался перевести обратно к Михайлову и Петрову. «Не нравится мне это», — подумал я, впервые сегодня проиграв шайбу на вбрасывании.

Однако от перестановок характер игры не изменился, мы ловили армейцев в средней зоне, они отчаянно пластались в защите. С характером у воспитанников Тарасова всегда было всё «хоккей». Достаточно того, что Анатолий Владимирович ставил на тренировках своих полевых игроков по одному защищать ворота, по которым щёлкала со всей силы вся остальная команда. Проверял так сказать старший тренер хоккеистов на вшивость. Нужно было ему ещё один эксперимент порекомендовать, вывести игроков во двор и дать из

пулемета залп над головами, кто присядет — в состав не попадает. «Шутка кончено, но можно и посоветовать», — усмехнулся я.

И вдруг ни с того, ни с сего, как это часто в жизни случается, Владимир Петров, вырвавшись из нашей ловушки в средней зоне, ворвался в зону атаки, и, протискиваясь между защитниками Астафьевым и Фёдоровым, отпустил шайбу немного вперёд. Коноваленко же вместо того, чтобы сыграть без риска и встретить нападающего ЦСКА в стойке, неожиданно повёл себя как футбольный вратарь, вытянувшись во весь рост, прыгнул за бесхозной шайбой. В доли секунды конек Петрова вонзился в хоккейный шлем Виктора Сергеевича.

Судья дал свисток, тем более шайбу наш вратарь зафиксировал, болельщики на трибунах разом притихли. Наверняка многие вспомнили подобный эпизод в матче сборной СССР со сборной Швецией 1970 года. Там тоже Коноваленко получил коньком в голову, ему тогда досталось в переносицу. Наш врач Тамара Иоффе через калитку выбежала осторожно на лёд. Виктор Сергеевич не шевелился. Потянулись долгие секунды. И наконец, наш прославленный голкипер пошевелился, с помощью тех партнёров, кто был сейчас на льду, приподнялся и под оглушительные овации покатил на скамейку запасных.

— Михалыч, я шайбу поймал? — Спросил он ошарашенного Севу Боброва.

— Всё нормально, Виктор Сергеевич, отдыхай, — похлопал его по плечу главный тренер. — Вова Минеев давай на лёд!

— Ты мне скажи, я шайбу поймал? — Коноваленко как робот повторил вопрос.

— Сергеич, взял намертво! — Крикнул Коля Свистухин.

— Мужики, я шайбу поймал? — Осоловелыми глазами вратарь посмотрел на нас.

— Сергеич, иди в раздевалку, полежи, скоро корреспондент из Москвы подгрёбёт интервью брать для журнала «Sports Illustrated», — сказал я.

— Не люблю я давать эти, б...ь, интервью, — махнул рукой с зажатой до сих пор в ловушке шайбой Коноваленко и пошагал в раздевалку, сопровождаемый нашим врачом.

— Шок, — пожал я плечами. — Крови нет, сотрясения тоже. Вот что значит шлем новой конструкции.

— Казимир, это чего сейчас такое на льду делается? — Фрезеровщик Данилыч в очередной раз снял с носа очки и стал их усиленно тереть грязным носовым платком.

— Чего, чего, — зло зашипел Казимир Петрович. — Три броска в створ, и счёт уже 6: 3. Отличились Михайлов, Петров и Харламов.

— Да я не слепой! — Данилыч вернул свои старомодные окуляры на место. — Я спрашиваю делать-то чего? Ещё восемь минут терпеть и для меня скорая помощь срочно потребуется! Инсульт миокарда и хрен кто откачает! Казимир прости, если чем тебя в жизни обидел. Я один раз у тебя фрезу притырил без спроса, и так иногда по мелочи кое-чего брал, — стал исповедоваться другу фрезеровщик.

— Хрен с ней с фрезой! Вы играть там сегодня собираетесь! — Крикнул на площадку Казимир Петрович.

Пока Михайлов, Петров и Харламов радовались третьей заброшенной шайбе я подъехал к нашему второму вратарю Володе Минееву, который смотрел на меня большим как у выброшенного на улицу щенка глазами сквозь решётки вратарского шлема.

— Миней, ты чего подбосрался? — Спросил я. — Соберись и делай всё как на

тренировке. И тебе не их бояться надо, — я кивнул в сторону ЦСКА, — а меня. Я тебе такие пилюли пропишу в раздевалке, если ещё одну пропустишь, мозги враз на место встанут, только лицо полностью посинеет. Понял?

— Да, — тихо мурлыкнул Минеев.

— Громче! Не слышу! — Я рывкнул, чтоб паренёк немного пришёл в себя.

— Да! — Гаркнул наш молодой вратарь и уже более осмысленно посмотрел мне в глаза.

— Теперь верю, — я легонько шлепнул паренька по шлему и поехал в центральный круг вбрасывания.

Не знаю, либо Вова Минеев меня испугался, либо просто пришёл в себя, но следующие четыре минуты стоял он великолепно. Вообще иногда полезно покричать перед выходом на площадку, чтобы согнать оцепенение и зажатость из-за излишнего волнения.

— А хорошо играет наш второй вратарь, — ухмыльнулся Сева Бобров, когда в очередной раз Минеев отразил очень опасный выпад Валеры Харламова.

— Чуть-чуть подбосрался в начале, а сейчас наоборот подсобрался, — поддакнул я. — Японское цунами!

На площадке пока мы нахваливали игру Минеева, тройка Михайлов, Петров и Харламов так завертели атаку, что Толик Фролов не утерпел и заплёл ноги Михайлову подцепив того клюшкой. Судья высшей категории Егоров из Челябинска, который кое-какую грубость нам в игре прощал, сейчас выписал Фролову две минуты штрафа.

— Вот и испробуем нашу новую бригаду меньшинства, — почему-то улыбнулся Сева Бобров.

Вообще после того, как мы очень много пропускали в меньшинстве, Всеволод Михалыч решил на эксперимент, на одной тренировке взял и перепробовал всевозможные сочетания. Даже трёх нападающих и одного защитника выпускал играть в численном меньшинстве. В итоге остановились на следующей расстановке: я — чтоб выигрывать вбрасывание и прессинговать на синей линии защитников нашего соперника, защитник Юра Фёдоров, чтобы стеречь пятак, Саша Куликов с правым хватом направо и цепкого в отборе нападающего Колю Свистухина налево, чтоб веселее было. Новое построение в защите при игре в меньшинстве назвали — «Бобровский ромб».

Судья Егоров из Челябинска убедился, что все готовы к возобновлению игры, посмотрел на секундомер, на котором должно было остаться три с половиной минуты до финальной сирены, и бросил шайбу на лёд. Вбрасывание мне пришлось выгребать из-под клюшки Вовы Петрова. Тарасов смекнул, что Михайлов, Петров и Харламов сегодня его палочка выручалочка и выпустил их на реализацию численного преимущества. Плюс от ЦСКА вышли два защитника капитан команды Виктор Кузькин, по прозвищу Акула, и молодой защитник с убойным броском Саша Гусев, которого все армейцы и не только они звали Гусь.

— Кулик выноси! — Чуть ли не всей обороняющейся четвёркой крикнули мы Куликову, к которому отлетела шайба от меня из правого круга вбрасывания.

И Саша от души запустил с навесом шайбу к воротам скучающего дублёра Третьяка, Николая Толстикова. Мы, не сговариваясь, разом выехали из своей зоны защиты, и заняли на рубеже синей линии оборону, выстроившись по схеме три — один. Трое на самой линии и я один впереди на лихом коньке с длинной клюшкой в руке. ЦСКА тоже вернулись на свою половину и под свист наших трибун двинули в атаку.

— Пан, внимательней встречай Харлама! — Скомандовал я Свистухину, пытаюсь выбить шайбу у Петрова, который её тут же переадресовал на легенду № 17, Валерия

Харламова.

Пан Свистухин попытился, не дав обыграть себя через борт, и Харламов вновь вернул шайбу Петрову. Но это Валера сделал зря. Так как мои длиннющие и загребущие руки, вооружённые безразмерной клюшкой, зацепили капризный резиновый диск, и я рванул в атаку сам. Меня тут же решил принять на корпус Гусев, но я-то потяжелее буду армейского защитника, поэтому короткое столкновение в средней зоне быстро завершилось в мою пользу. И вот уже я пересекаю синюю линию армейцев, наперерез летит Акула, Витю Кузькина так прозвали, потому что у него почти все зубы вставные. Ещё один короткий бой, корпус в корпус и здравствуйте товарищ Толстиков. Замах, обманное движение и пас на поддерживающего мой прорыв слева Свистухина. Бросок Николая и шайбе влетает в ворота, 7: 3.

— Гоол! — Взревели трибуны, которые немного приуныли после трёх безответных банок.

Музыканты завели неведомый в этом 1971 году «Депеш мод», а Бобров, хитро улыбнулся и опять отправил нас доигрывать в численном меньшинстве. Таковы хоккейные правила, если бы ЦСКА забил нам, то Толя Фролов вышел бы из штрафного бокса. А так играть в меньшинстве ещё больше минуты.

— Всё равно Тафгаев я тебя в сборную не возьму! — Гаркнул от борта, где грустил московский ЦСКА Анатолий Тарасов.

— Анатолий Владимирович, родился небольшой каламбур, — ответил я, не выдержав беспардонной грубости. — Обучит любого острому пасу, старший тренер А. В. Тарасов. А кто познакомит с хитрой обводкой? Тернер Тарасов дай нам наводку!

— Я тебе, гад, дам сейчас на водку! Я тебе покажу водку! — Тарасов схватил запасную клюшку и начал тарабанить ей по хоккейному борту. — Про сборную забудь! Только через мой труп!

В итоге вмешался судья из Челябинска, и, посмеиваясь, сделал мне и главному тренеру ЦСКА устное внушение.

— Нормально сочинил, — сказал на ухо пан Свистухин, наверное, уже простив за шутку в самолёте.

Смех смехом, обиды обидами, а через тридцать секунд мы опять отбиваясь вчетвером уже против пятёрки Фирсова, вновь улетели в контратаку на ворота Толстикова. Хотелось мне, конечно, сделать первый в этом времени хет-трик, но я опять отдал на пустые ворота Свистухину и он оформил дубль, 8: 3. А перед самой финальной сиреной Валерий Харламов показал настоящий класс. Обыграл всю пятёрку Федотова и на пустой угол отдал уже своему партнёру Борису Михайлову, который и поставил точку в этой сложнейшей игре, 8: 4.

А когда мы, пожав руки гостям из Москвы, все потопали в раздевалку, я обратил внимание, что Вова Минеев, наш второй голкипер до сих пор стоит в воротах и не двигается. И тут я вспомнил, что пообещал пареньку пилюли для храбрости, если он пропустит ещё одну шайбу.

— Миней! Хорошо отыграл! — Улыбнулся я, махнув рукой. — Пошли, команда ждёт своего героя!

В такие моменты, когда команда одерживает важнейшие победы, в раздевалке шумно, громко и весело. А разговоры обычно сводятся к двум темам, кто и что на льду сегодня изобразил, и где долгожданный успех лучше всего отметить. Кстати, внутри нас встретил живой и здоровый, и вполне довольный собой, только что из душа вратарь Виктор

Коноваленко. Что ещё больше добавило нашей коллективе хоккеистов положительных эмоций. Но сюрпризы на этом не закончились. Тренерский штаб в полном составе: главный Сева Бобров, второй тренер Игорь Чистовский и тренер вратарей Саша Котомкин, своими собственными руками внесли в раздевалку три ящика «Жигулевского» пива из нашего буфета.

— Заслужили мужики! — Объявил Всеволод Михалыч, сам же откупоривая первую бутылку пенного советского напитка, который ещё Анастас Микоян лично переименовал из светлого пива «Венского». — Но попрошу победу отмечать сегодня без фанатизма. Через три дня к нам пожалует «Спартак». Тафгаев зайти в тренерскую.

Я сделал небольшое внушение своим «пионерам», чтобы они больше одной бутылочки пива не вливали в свои ещё не до конца окрепшие организмы, и быстро всполоснувшись, и, надев на себя синий спортивный костюм, пошёл в тренерскую комнату. В дверь, к которой была прибита табличка «Главный тренер Всеволод Бобров», я лишь для приличия пару раз стукнул костяшками пальцев и сразу же вошёл. Меня немного позабавило, что Михалыч, когда я оказался внутри, неумело спрятал бутылку коньяка в стол, при этом два недопитых бокала так и остались стоять, как ни в чём не бывало. За столом напротив главного тренера сидел московский журналист Владимир Пахомов. «Крякнули уже за победу», — подумал я, видя, как блестят глаза обоих мужчин.

— Отличный матч! — Пахомов встал и пожал мою огромную ладонь. — Музыка, красивые девушки с флагами, зрители на трибунах поют! А какая у вас яркая форма. Я даже поймал себя на мысли, что сегодня играла одна команда из будущего, а другая из прошлого. Не знаю, почему пришла такая аналогия?

«Наверное, потому что я всё это позаимствовал из будущего», — подумал я и, усевшись на свободный стул, ответил:

— Наверное, вам показалось? А, может быть, просто Всеволод Михалыч — это тренер, который предвидит развитие хоккея?

— Возможно, — журналист тоже присел обратно и достал из портфеля общую тетрадь и ручку. — Ну, мужики, что хотите, чтоб в статье про репетицию игры первой и второй сборной СССР было написано, а чего в ней упоминать не стоит?

— Вообще не стоит упоминать про репетицию игр двух сборных, — сказал Сева Бобров. — Так, как бы между делом можно заметить, что за ЦСКА выступали двенадцать хоккеистов заявленных на приз «Известий», а за «Торпедо» одиннадцать игроков призванных во вторую сборную страны, которая в декабре проведёт ряд товарищеских матчей в Швеции и в Финляндии.

— Одиннадцать? — Удивился я. — Было девять, добавился Свистухин, кто у нас одиннадцатый?

— Возьму Вову Минеева на ворота, — крякнул Бобров, вынимая из стола бутылку пятизвёздочного коньяка, и подлив себе и московскому журналисту по чуть-чуть, пояснил. — Первым вратарём заявлю Сашу Пашкова из московского «Динамо», а наш молодой пусть станет вторым. Будет толк из парня у меня на это чуйка.

— Кстати! — Шлепнул себя по лбу журналист Пахомов и, порывшись в портфеле, извлёк на наше обозрение позапрошлый, судя по числу, номер газеты «Известия». — Вот наша первая совместная статья. Кое-что, несущественно пришлось изменить, но суть осталась прежней. Вы не представляете, в редакцию пошёл просто вал писем. Народ требует защитить наших звёзд от канадских профессионалов. Вот в чём сила советской прессы!

Советское телевидение — что это за зверь такой и с чем его едят? Ну, вот вчера 23 ноября во вторник, когда мы рубились не на жизнь, а на смерть с ЦСКА, показали два первых периода матча «Химик» — «Динамо» по второй программе, а третий самый важный период по первой. А про остальные игры тура, как хочешь, так и узнавай. Без интернета настоящая информационная блокада. Что ещё? Вот сейчас в 19 часов начнётся концерт советской песни. Будут долбить по мозгам про соловьиную рошу, про берёзки или про иную растительность, и обязательно не кочегары мы не плотники, тарам-тарам. О! Кино! По первой программе в 19.40 фильм «У озера» вторая серия, а по второй, сразу как закончиться фильм по первой, начнётся «Всё начинается с дороги». Как будто продолжение одного и того же сериала, про любовь на производстве, или про производство с любовью.

Я отложил свежую газету «Правда» за 4 копейки на пол, аккуратно снял с живота кота Фокса, который ещё недовольно заурчал. Встал с дивана, что находился в холле нашего жилого корпуса на базе «Зелёный город» и от нечего делать лениво потянулся. Вообще что ценно стало при Боброве на базе никто неделями не сидит. Сегодня, к примеру, выходной после вчерашней игры и большинство ребят с семьями и подругами дома. Одна молодёжь здесь и я. А рядом в кресле с книжкой рассказов Герберта Уэллса задремал Боря «Малыш» Александров. Приучаю его постепенно к чтению, и парень виртуозно научился это делать во сне.

— Пошли на ужин, — я подтолкнул своего юного друга в плечо и выключил ненавистный телевизор с помехами. — Где остальная пионерия?

— А то ты не знаешь? — Паренёк протёр глаза «уставшие от чтения». — К девчонкам убежали, к гимнасткам. Шуры-муры крутить.

— Это правильно, я в их годы тоже крутил, — ухмыльнулся я, вспоминая свою мятежную юность. — Тебе из Минска Алёнка что-нибудь написала? Как сборы, как контрольные прокаты?

— Да, мы с ней поссорились, — отмахнулся Борис. — А что? Вы с Женькой тоже поцапались? И она тебе уже неделю ни звоночка, ни телеграммки?

— Я зайду за Михалычем, а ты заскочи и возьми наши плащи, не хватало насморк подхватить перед московским «Спартаком». Перемажем их в игре соплями, потом стыдно будет, — соскочил я с неудобной темы.

Некоторая правда в словах «Малыша» была. С фигуристкой Женькой Соколовой, как-то не очень хорошо мы попрощались. Я даже подумал, что у неё кто-то появился, рассеянная она какая-то стала, размышляла о чём-то своём, о том, что мне говорить нельзя. А всё началось с этой злосчастной «удочки» для отработки прыжков. На одной тренировке Женька без посторонней помощи исполнила в своей произвольной программе сразу три тройных прыжка, тулуп, сальхов и самый ценный — флип. Мировой рекорд для 1971 года. Её тренер Людмила Максимовна тут же убежала кому-то звонить, скорее всего, в спорткомитет. наших же горьковских фигуристок «прокатали» с открытым чемпионатом Москвы, куда пригласили девчонок из Риги, Таллина, Тбилиси, Свердловска. И на следующий день Женьку и Алёнку тренерша свозила в Москву, а теперь у них сборы в Минске. Что там, в Москве кроме проката произвольной произошло, Женька мне не рассказала.

В комнате главного тренера как всегда был бардак. Куча бумаг и каких-то записок валялось по всем параллельным полу поверхностям, и на подоконнике, и на тумбочке, и на полках с книгами. Всеволод Михалыч, ломал голову над составом второй сборной страны. Сложность заключалось в том, что выбирать приходилось из тех, кого не взяли себе Чернышёв и Тарасов.

— Михалыч, в столовой провора на тебя обижаются, — сказал я, войдя в это бумажное царство.

— Чего это? — Поправил очки на носу наш наставник.

— Говорят, что плохо ешь, а это значит, готовка их тебе не нравится, и ещё это значит, что увольнять придётся персонал. А у народа, дети, семья, очередь на квартиру, где деньги лежат, — ответил я, разглядывая тренерские бумажки.

— Ладно, сегодня съем всё, — согласился Бобров. — У тебя всё?

— Пошли на ужин, и перестань голову забивать ерундой, — я взял список хоккеистов с множеством перечёркнутых и заново написанных имён и фамилий. — Три защитника наших у тебя есть, к ним присоединим Гусева из ЦСКА, Ляпкина из «Химика» и Поладьева из «Спартака». Я слышал, его Тарасов хотел заполучить к себе, а тот отказался, вот его в первую сборную и не берут. А с нападающими ещё проще. К двум нашим тройкам и пану Свистухину добавь тройку из «Крыльев советов» Лебедев — Анисин — Бодунов, и тройку из «Спартака» Шалимов — Старшинов — Якушев.

— Самый умный? — Вспылил Всеволод Михалыч. — Я, между прочим, так и хотел сделать! Теперь назло сделаю всё по-другому. Ладно, пойдём ужинать, чтобы поваров не поувольняли. У них ведь семьи.

В столовой наши юные хоккеисты Скворцов, Ковин и Доброхотов, которые пришли туда вместе с гимнастками, принесли свежий номер ежедневной газеты «Советский спорт», где на последней странице напечатали новую таблицу чемпионата СССР по хоккею:

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
Динамо (М.)	18	11	4	3	66 — 42	26
ЦСКА (М.)	16	11	3	2	94 — 52	25
Торпедо (Г.)	15	10	3	2	72 — 52	23
Спартак (М.)	17	8	2	7	66 — 65	18
Крылья Советов (М.)	14	5	2	7	55 — 57	12
Химик (Вск.)	17	6	0	11	52 — 65	12
СКА (Лен.)	17	5	2	10	46 — 64	12
Трактор (Чел.)	13	2	4	7	37 — 62	8
Локомотив (М.)	15	3	0	12	39 — 72	6

Бомбардиры: Харламов — 16 шайб + 9 передач, Тафгаев — 16+9, Викулов — 19+3, Мальцев — 14+7.

— «Спартак» разделаем и догоним ЦСКА, — ляпнул молодой да ранний Сашка Скворцов.

— Не догоним, — коротко ответил Бобров, налегая на пюре с котлетами. — ЦСКА в тот же день играет со СКА. А ленинградцы после игры с нами психологически сломлены, сложно им будет против разозлённых проигрышем «тарасовцев» биться. Предсказываю разгром с двухзначным счётом и готов поспорить на щелбаны, — крикнув, сказал Сева, наверное, ему хотелось поставить в заклад что-нибудь и посерьёзней, но выпаривать коньяк

у молоденьких пацанов, он счёл нетактичным.

— Ай, спорим! — Протянул руку Скворцов.

— Готовь лобешник Скворец, разминай его пока, — хохотнул Боря Александров и разбил крепкое рукопожатие тренера и спортсмена.

Где-то около девяти часов вечера, когда по телику началась программа «Время», я вышел из жилого корпуса, чтобы выгулять кота Фокса и ещё нескольких его собратьев по длинным усам и пушистому хвосту, которые тоже жили у нас. Как вдруг из темноты вышел странный человек, одетый в брезентовый плащ, как какой-нибудь заблудившийся грибник, охотник или рыболов. Лицо незнакомца скрывал большой низко-натянутый на глаза капюшон.

— Это спортивная база. Здесь охота, сбор грибов из-под снега и рыбалка, запрещены, — хмыкнул я, так как напугать таким прикидом меня было невозможно.

— Вы меня не узнаете? — Спросил загадочный мужчина.

— Ты больной? — Удивился я. — Спрятался в тени, натянул капюшон пониже. Может ты Якубович с «Поля чудес»? Тогда где твой барабан с цифрами?

— Извините, — промямлил мужчина и, откинув капюшон, вышел на освещённую часть аллеи.

— Ну, медный купорос! Шаман, ты что ли? Извини, нет гантели под рукой, чтобы тебе засандалить между глаз, за всё хорошее, — я криво усмехнулся.

— Давайте спокойно погорим, как цивилизованные люди, — сказал мне человек, занимающийся хреномантией. — Я знаю, что вы перенеслись из будущего. Наверное, из двухтысячного года, может из две тысячи пятого.

С шаманом-знахарем я проговорил примерно около часа. Правда, сначала я загнал котов домой, сказал Боре Александрову, чтобы тот читал Герберта Уэллса, потом приду, проверю, и потеплее оделся. Общаться с таким человеком, который слишком много знает, я решил подальше от цивилизации, у самой кромки тёмного как ночь леса.

История шамана недоучки Михаила Волкова очень сильно походила на мою. Несчастный случай на дороге произошёл с ним летом 1985 года. Он ехал на велосипеде с рыбалки и его сбил пьяный водитель самосвала. Волков, так же как и я, пролетел через длинный светящийся коридор и очнулся в теле своего полного тёзки в 1965 году. Но была и разница, никакого голоса в голове он не слышал, да и привык к 1965 году легко, так как по большому счёту за двадцать лет мало, что в СССР изменилось.

— Годы застоя, — горько улыбнулся я. — А я сначала подумал, что попал в компьютерную игру. Да и честно скажу, скучаю без интернета, а от телевизора — тошнит.

— Так вы из далекого 2021? — Не переставал удивляться шаман. — Вы, наверное, там уже на Марс летаете, на Юпитер? А сколько на Луне построено человеческих городов? А инопланетяне с вами уже вышли на контакт? Какие они? И какой он — коммунизм на самом деле?

— Михаил, э-э-э, Ефремович, что тебе ответить? — Я почесал затылок. — Там, в будущем в 2021 году богатые с ума сходят, в роскоши купаясь, а бедные с голоду пухнут. Компьютеры, мобильные телефоны, смартфоны, джинсы и прочее — этого завались, а пищи качественной почти без химикатов нет. Даже продолжительность жизни человеческой не удлинилась. Мужики редко до семидесяти доживают. А космос? Какие-то сомнительные фотографии дальнего космоса размещают в сети, которые в фотошопе любой студент может

сляпать, и видео якобы с Марса, которое можно снять здесь же на Земле, вот и все достижения.

— Ну как же так! — Чуть не вскрикнул Волков. — У нас же там, в 1985 пришёл к власти самый молодой генеральный секретарь ЦК, Михаил Горбачёв. Он же объявил ускорение экономического развития страны!

— Кхе, кхе, — я прокашлялся. — Если все эти планы по ускорению, гласности, перестройке, и прочим рывкам и прорывам, и остальным фантастическим нацпроектам напечатать на туалетной бумаге, то год все жители бывшего СССР могли бы жопу себе вытирать бесплатно.

— Почему бывшего СССР? — Шаман аж затрясся. — СССР распался что ли?

— Извини, забыл сказать, — я развёл руки в стороны. — Ну, это ерунда, что каждая республика решила жить по-своему. В девяностых годах людей много погибло, особенно в средней Азии и на Кавказе. Жители нац. республик убивали, резали, насиловали всех, кто на них не похож, квартиры отбирали, да и просто глумились. Россию же в это время города и сёла уголовная преступность захлестнула.

— Ну, надо же об этом кому-то сказать! — Вскрикнул Волков, заламывая руки. — Надо же этот надвигающийся на СССР кровавый сатанизм остановить!

— Кому сказать? Я простой хоккеист, моё дело людей веселить на спортивной арене. — Меня впервые за всё время пребывания здесь в 1971 году кольнула совесть. — Напишешь про это в газету, отправят в психушку и всё. Если отловить и убрать Горбачёва, то за ним целая очередь таких же перестройщиков, Чубайс, Гайдар, Ельцин.

— Может быть ты и прав, — шаман тяжело вздохнул. — Ну, хотя бы людей нужно как-то предупредить, чтоб они из средней Азии и с Кавказа уезжали? Хотя как? — Мы на пару минут оба замолчали. — А что у тебя с голосом в голове? Когда проведём повторный сеанс?

— Давай без сеансов обойдёмся. — Меня передёрнуло, как вспомнил прошлый раз. — Я сам кое-что придумал. Читайте перед сном «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленина и всё, весь день голос молчит как миленький. Осознает глубину интеллекта вождя мирового пролетариата, который правда перед смертью имел большие проблемы с головой.

— Ты знаешь что, заходи в гости, чая попью, поговорим о будущем. — Волков посмотрел по сторонам и поёжился от пронизывающего ноябрьского холода. — Давай, до свиданья, мне ещё педали крутить на велосипеде обратно в город.

Всю ночь я ворочался, и даже несколько раз вскакивал с кровати, чтобы попить воды. Потому перед глазами вставали окровавленные люди, женщины, мужчины и дети, которые смотрели мне в глаза и тыкали пальцем. И во время тренировки на льду, на следующий день, я не мог выбросить из головы разговор с шаманом. Из-за чего чуть не покалечил Колю Свистухина, воткнувшись в него во время оттачивания ловушки в средней зоне. И хорошо, что парень рухнул далеко от хоккейного борта, и обошлось без сотрясения мозга и других неприятных увечий.

— Николай прости, задумался, — смущено пробормотал я.

— Думать надо, а не задумываться, — закричал Свистухин, еле поднимаясь со льда. — Всеволод Михалыч, ну скажите вы Тафгаеву, чтобы он под ноги себе смотрел!

— Тафгаев! — Подъехал ко мне Бобров. — Иди на лавку, посиди, остынь. Хочешь мне всю вторую сборную СССР поломать? Не выйдет!

— Михалыч, можно я вообще домой поеду, голова что-то от мыслей всяких пухнет, — попросил я главного тренера, как нашкодивший школьник учительницу.

— Переживаешь, что тебя не вызвали в первую сборную? — Встревожился Сева. — Обидно конечно, но чего теперь, не плакать же? Езжай на базу. — Сказал Бобров и дунул в свисток, объявив следующее упражнение.

До спортивной базы я добирался на такси, ведь «Победу», которую мне выдали во временное пользование, и которая максимум, на что теперь в холода была способна — это звонко и громко бибикать, я вернул. Чинить бедную машину не было ни сил, ни желания. А идея, как помочь людям осевшим сейчас на Кавказе и в средней Азии, у меня вроде бы появилась, пока я бессмысленно взирал на мелькающие за окном сосны.

Вечером после ужина, когда вся команда разбрелась, кто куда, картёжники в одну комнату, доминошники в другую, остальные же в настольный хоккей и в шахматы сели резаться прямо в холле нашего жилого корпуса, я решил съездить в город. Конечно завтра ответственная игра со «Спартаком», но очень хотелось сбросить тяжёлый груз с сердца, поэтому прежде чем пускаться в «самоволку» я постучал в комнату главного тренера.

— Всеволод Михалыч, что у нас со сборной вытанцовывается? Мой вариант годится?

— Какой твой вариант? — Бобров опять корпел над своими почеркушками, и ответил, не глядя на меня. — Этот вариант был мой. Нападающих из «Спартака» и «Крыльев» берём без вопросов. Вот защитники... Гусев из ЦСКА меня смущает. Может лучше взять Володк Орлова из «Динамо»? Или нашего Гордеева? Тем более они с Куликовым уже сыгрались. А?

— Интересно, — я присел рядом. — Михалыч, давай я твою машину сейчас съезжу, заправлю? Чистку салона тебе организую и вообще помою её, а то несолидно самому Боброву ездить на такой замарашке.

— Да не, не надо, ты вот лучше сюда посмотри, — Сева Бобров ткнул пальцем в какие-то тактические закорючки, которыми был исчеркан весь тетрадный лист. Дети такое иногда в детском саду рисуют одной правой.

— Завтра утром найграем, где ключи? — Я встал и огляделся по сторонам.

— Сдалась тебе моя машина, возьми в кармане. Но чтоб блестела как моя олимпийская медаль, понял? И не поцарапай её. А то я вас молодых знаю.

— Очень «интересная» схема, — я повертел листок с закорючками, в котором ничего разобрать было решительно невозможно и, быстро вытащив ключи из пальто главного тренера, поспешил ретироваться.

«Два часа у меня есть, — подумал я, поворачивая ключ зажигания в бобровской «Волге». — Чуть что скажу, что на ближайшей заправке бензина не было. И ещё добавлю, что автомойка сегодня не работала, так как закрыта на учёт. Ну, поехали родная».

Беседа с местным писателем, с мужем моей бывшей учительницы из вечерней школы по литературе и русскому языку, Виктории Тихоновны, не клеилась. Он хмуро поглядывал то на меня, то на свою красивую супругу и в моё деловое предложение вникать не желал.

— Сто рублей в месяц хотите мне платить? — Недоверчиво он сверлил меня взглядом, сидя на маленькой хрущёвской кухоньке.

Вообще обстановка в однокомнатной квартире учительницы была мягко говоря не очень. Буквально всё в ней держалось на соплях. Из крана постоянно капала вода, вешалка, как только я повесил на неё пальто, рухнула. В углах стояли стопками пыльные книги, так как полки прибить в доме было некому. Да и пол не мешало бы помыть.

— Я хочу, чтобы вы написали фантастический роман, и за это буду вам платить сто рублей каждый месяц целый год, — я как робот третий раз повторил своё необычное предложение.

— А вы значит, когда я напишу этот роман, поставите под ним свою подпись и продадите его? — Писатель уперся как баран.

— Зачем мне чужое произведение? Я заинтересован, чтобы эта книга увидела свет в этом десятилетии, и чтобы лет через пятнадцать её содержание знал бы почти каждый школьник. Поэтому работать прошу на совесть. С деталями и сюжетом я вам помогу. — Я тяжело вздохнул.

— Какими деталями, и каким сюжетом? — Наконец-то спросил писатель.

— Аллилуйя, — пробормотал я. — Название я предлагаю такое «Империя тридцати планет», можно просто «Империя». На главной планете Империи умирает дряхлый и старый император, и к власти приходит новый полный сил реформатор, который объявляет всем: гласность, перестройку и ускорение.

— Демократические преобразования, — поняла меня с полуслова учительница Виктория Тихоновна.

— Точно, — я хотел немного отпить остывшего чая, но решил не рисковать желудком перед завтрашней игрой. — А на маленьких периферийных планетах, где кроме жителей основного этноса империи проживали отличающиеся от них коренные малые народности, началась резня.

— Какая резня? — Не понял писатель.

— Основной этнос империи стали резать, убивать и насиловать. Вот с этого книгу лучше и начать. В центре повествования семья, муж — инженер, жена — учительница, сын и дочь, которые спасаются от расправы на малой планете и с одним из последних космических челноков бегут на большую материнскую землю, где их никто не ждёт, где они никому не нужны. На этой земле в самом расцвете разгул преступности и коррупции. Многие предприятия захватываются «эффективными» собственниками, которые их пускают с молотка, распродают на металлолом, разгоняют рабочие коллективы и банкротят. Суть таких действий проста — купить за бесценок, мгновенно всю прибыль выжать и выбросить. Муж семейства умирает от ран, которые получил, спасая семью. Жена устраивается на низкоквалифицированную работу, где платят копейки. Сын идёт в рэкетирь, то есть в бандиты. Дочь пытается заработать деньги, выступая в ресторане.

— Ну и чем всё закончится? — Заинтересовалась учительница.

— На тридцати планетах появляются свои царьки, которые начинают воевать друг с другом. И Империю тридцати планет поглощает другая подобная Империя.

— Не напечатают, слишком мрачный финал, — буркнул писатель. — Пусть после болтуна-реформатора, которого сметет народ, придёт к власти толковый и порядочный человек и из империи создаст Республику.

— Да, не нужно плохого финала, — согласилась Виктория Тихоновна.

— Пусть будет так, — сказал я, посмотрев на часы. — Это же фантастика. Только обязательно болтун-реформатор должен проповедовать всем об ускорении, гласности и перестройке. Да и ещё он должен будет выиграть постановочные липовые выборы со слоганом «Голосуй или проиграешь». Пока всё.

В чём сила команд, которые побеждают чаще других, у которых множество наград и регалий? «В правде», — как бы высказался киношный герой Данила Богров. Нет! В вере. Такие сверхуспешные спортивные коллективы до самой финальной сирены знают, что смогут переломить неудачную игру и вырвать свою победу. Именно вера помогает не дёргаться, когда что-то пошло не так, когда кто-то ошибся или промахнулся. И достигается такая железная и упёртая вера в свои силы, когда команда «выгрызает» победы в тяжелейших матчах, как мы это сделали три дня назад с ЦСКА. Поэтому сегодня, 26 ноября, пред заключительным третьим периодом игры с московским «Спартаком» при ничейном счёте 1: 1, никакой паники в раздевалке не было. Кстати у Москвы отличился Мартынюк, а у нас удачно хлопнул от синей линии по воротам Виктора Зингера защитник Саша Куликов.

— А, вы чего такие расслабленные? — Сева Бобров взял в руки черенок от сломанной клюшки. — Вы ещё мне тут картишки разложите. — Главный тренер глянул на пятёрку Свистухина и его парни своевременно сбросил игральную колоду вместе с козырями под лавку. — Все чай попили? — Спросил Бобров и со всего маха грохнул деревянным обломком об стол, где остались ещё две чьи-то кружки. Точнее уже не остались.

— Кто пол мыть будет, Михалыч? — Поинтересовался я, кивнув на разлитый чайный напиток. — У нас в Советском союзе слуг нет.

— А врачи у нас в стране Советов есть? — Зло глянул на меня наш легендарный наставник. — Тогда вызывай неотложку, я сейчас вам покажу, что такое настоящий русский хоккей! Я сейчас сам на лёд выйду, пасовать будете только на меня!

На этих словах обломок клюшки выпал из рук Боброва, а сам он покачнулся и схватился за сердце. Первым подхватил тело главного тренера я, так как был ближе всех, и тут же ему на ухо шепнул:

— Михалыч, тебе на самом деле плохо, или ты притворяешься?

— Куда на моей машине ездил вчера, мерзавец? — Шепнул он тихо мне и тяжело вздохнул для всех остальных. — Режим спортивный с девками нарушал?

— Тамара Михайловна, — обратился я к нашему командному врачу. — Валерьяночки плесните капель тридцать товарищу Боброву. Мужики! — Гаркнул я команде. — Если сейчас «Спартак» не дожмём, как потом будем смотреть в глаза грядущих поколений? Они же нам предъявят за то, что не уберегли легенду советского спорта! Михалыч, ложись пока тут, — я помог Севе прилечь на массажный стол. — За машину свою не беспокойся, я её сегодня снова на заправку свожу. А мы сейчас покажем Москве, где у нас рыба зимует. Пошли на лёд!

К лежащему главному тренеру с прискорбным видом подошёл Коля Свистухин и, сняв с головы каску, сказал:

— Михалыч, я тебе клянусь, мы больше в карты играть в перерывах не будем, выздоравливай, — затем нападающий хотел добавить что-то ещё, но помявшись, передумал и вместе со всеми пошагал в сторону ревущего стадиона.

Бобров хотел было вскочить, и двинется за нами, но врач команды Тамара Иоффе уже что-то прозрачное в своём шприце развела и Всеволода Михайловича не пустила.

— Только попробуй мою машину сегодня взять! — Крикнул он мне вслед слишком громко для больного человека.

Где у нас зимует рыба, раки и прочие животные мы стали показывать «Спартаку» с первых минут третьего периода. Сначала из убойной позиции попал в штангу Леша Мишин, затем мою передачу на пустой угол не смог замкнуть Сашка Скворцов. Но с каждой атакой у ворот красно-белых полыхал самый настоящий пожар. Наконец, и я с «пионерами» организовал самую настоящую осаду. Против нас терпели в обороне московские нападающие: Мартынюк, Шадрин и Климов, и защитники: Казачкин и Кузьмин. Три раза залезал на пятак, где «бил» спартаковских защитников оптом и в розницу, и подставлял под прострел свою длинную клюшку, но шайба как заколдованная не шла.

— Куда на машине моей ездил? — Огорошил меня на скамейке запасных уже выздоровевший Сева Бобров.

— Колёса целы, фары тоже, царапин нет, водку не пьянствовал, девочек не катал, — выдал я полный отчёт.

— Если сейчас не забьёшь, не поверю, — прорычал главный тренер.

«Не забьёшь, не забьёшь, — ворчал я, про себя вставая на точку вбрасывания в левом кругу зоны атаки. — Как будто шайбы по заказу могут залетать. Если не идёт сегодня то, что я сразу и вру?»

— Готовы? — Спросил меня и спартаковца Владимира Шадрина киевский судья в поле Осипчук и, не дожидаясь ответа, бросил шайбу на лёд.

— Кулик переводит! — Рывкнул я, защитнику выиграв вбрасывание у Шадрина, который от досады двинул мне кулаком в бок.

«Любому обидно, если за игру ни разу не выцарапать на точке шайбу своей команде, но зачем же так реагировать?» — подумал я, улыбнувшись Володе, и дал ему плечом в корпус. В следующую секунду моя за сто килограммов туша влезла в самое пекло перед воротами Зингера, откуда Казачкин и Кузьмин обречённо принялись меня выталкивать. А тем временем шайба уже проследовал вдоль борта на «Малыша», которого принялся прессинговать спартаковец Климов. Но Александров заложил сначала одну «улитку», затем другую и вырвался на свободный лёд. Последовал прострел вдоль ворот, и шайба заметалась на пятаке, подлетев на метр от клюшки вратаря «Спартака». Сначала она зацепила колено защитника Казачкина, затем попала в бедро Кузьмина и наконец, я шлёпнул по ней слёту клюшкой. А Витя Зингер лишь успел мотнуть назад головой, чтобы в следующее мгновение увидеть шайбу в сетке своих ворот, 2: 1.

— Гооол! — Заорала толпа, устав от наших безрезультативных атак, и запела под «Депеш мод». — Вместе мы с тобой «Торпедо»...

«Как гора с плеч упала», — подумал я, принимая поздравления от партнёров. А на скамейке запасных сиял, словно начищенный тульский самовар Сева Бобров:

— Ладно, на первый раз за машину тебя прощаю. Мужики надо бы ещё поднажать! — Прикрикнул он на пятёрку Федотова.

И как это часто в спорте бывает, что называется — прорвало. Что-то надломилось в игре «Спартака» и московские хоккеисты «посыпались». Третью шайбу забили буквально тут же нападающие нашего самого опытного звена. Капитан Лёша Мишин после входа в зону бросил с острого угла, а вратарь гостей неудачно отбил шайбу прямо на пятачок. И очень было обидно, что в свои же ворота затолкал её коньком защитник Валя Марков, 3: 1.

— Шайбу в ворота команды «Спартак» забил Алексей Мишин № 12-ый, — объявил диктор по стадиону, когда народ вдоволь напелся и немного успокоился.

Но по плохой русской традиции, беда не приходит одна. Нет, чтобы наоборот не по

одному приходили счастье, богатство и удача, но нет, обязательно заявится сначала болезни, потому безденежье и ещё какая-нибудь гадость прицепится. В общем, после третьей пропущенной шайбы спартаковский вратарь, олимпийский чемпион Гренобля, Витя Зингер пропустил четвёртую. Отличился Свистухин со своими картёжниками. А всё началось с того, что Коля выиграл вбрасывание у Вячеслава Старшинова в зоне атаки. Сказались мои ежедневные не пустые хлопоты на тренировках в этом важнейшем аспекте игры со Свистухиным и с Федотовым, который тоже на точке выиграл большинство поединков у Виктора Шалимова. А после выигранного вбрасывания по шайбе без всяких фантазий щёлкнул Женя Шигонцев и застал вратаря «Спартака» врасплох, 4: 1.

— Вот о чём я вам каждый день толкую, — как Цезарь перед сенатом прошёлся Сева Бобров на скамейке запасных перед нами, своими орлами. — Забили одну банку, и сразу же надо добивать ещё парочку. Жаль немного Витю Зингера, хороший вратарь ещё при мне заиграл.

И сложно было с Бобровым не согласиться. Ведь сейчас у ворот красно-белых Слава Старшинов распекал своего голкипера такими словами, из которых процентов восемьдесят язык Пушкина и Толстого украсить были не способны. Наставник москвичей Юрий Баулин тут же дал команду разминаться второму вратарю, Виктору Криволапову.

А потом в третьем периоде произошла смена ворот и игра резко успокоилась. Мы особо добивать соперника не стремились, чтобы поберечь силы для следующей игры, а гости, может быть, и хотели что-нибудь отыграть, но взяли в нашей ловушке в средней зоне.

— Смотри, кто там сидит, — подтолкнул меня в бок на скамейке запасных Боря Александров.

— Что у тебя «Малыш» за привычка во время игры девочек высматривать на трибунах, — заворчал я, но голову в сторону болельщиков развернул.

Вот это сюрприз, на стуле, который выставили в проход между зрительских сидений, о чём-то болтая с какой-то девчонкой, сидела Алёна, фигуристка из местной школы олимпийского резерва. А если из Минска приехала Алёнка, то должна где-то тут быть и моя Женька Соколова. Но своей подруги на трибунах я не разглядел.

— Шею свернешь, давай на лёд, ваша смена! — Чуть не в ухо крикнул Бобров.

— Сообразим что-нибудь? — Хитро спросил «Малыш», выезжая на лёд вместе со мной и Сашей Скворцовым.

Вбрасывание было назначено судьёй ближе к нашим воротам в средней зоне, есть там для этого такие специальные одинокие точки без всяких кругов. «Хорошую можно организовать контратаку», — подумал я и тихо сказал своим партнёрам:

— Сейчас как только к нашим воротам сместимся, сразу оба рвите по своим флангам к центральной красной линии. Либо я, либо защитники дадим вам на ход.

План в принципе был простейший, выманить противника на себя, а потом его резко и неприятно удивить. Тем более вбрасывание выиграла мы, торпедовцы, в моём здоровом раскрасневшемся лице. Защитник Куликов с шайбой откатился к воротам Коноваленко и перевёл налево Гордееву, я тоже сместился по центру ближе к своим игрокам обороны. Тройка нападения «Спартака» Мартынюк, Шадрин и Климов принялись активно нас прессинговать, чтобы хоть под занавес игры отквитать одну шайбу. И Володя Шадрин с таким азартом наехал на меня, что сам того не желая исполнил хоккейный приём, который в народе называют «вилы в бок». Это когда игрока цепляют с боку клюшкой и выталкивают с занимаемой им позиции.

Но в данном эпизоде спартаковец не рассчитал своих сил и соотношения масс наших могучих тел, так как я резко развернулся и он вместе с «хоккейными вилами» кувыркнулся на лёд. Мгновенная передача от Гордеева, я в касание в среднюю зону на «Малыша». И Александров почесал, что есть прыти в контратаку, по пути накрутив как ребёнка московского защитника Кузьмина. Народ, на трибунах вскочив на ноги, ошалело заблажил:

— Шайбу! Шайбу!

Параллельным курсом бросился следом и Скворцов, я же набегавшись за игру, поехал следом по центру, скорее для очистки совести, там и без меня было кому забивать. Ведь мои «пионеры» выкатились вдвоём на одного защитника красно-белых Казачкина. Боря показал, что отдаст пас и тут же хитро с кистей бросил, точно над ловушкой вратаря.

— Гооол! — Обрадовались трибуны дворца спорта «Торпедо», и в то же время что-то обидное Сашка Скворцов высказал «Малышу», в том смысле — почему не отдал мне?

Я резко подъехал к своим партнёрам по тройке нападения и приобнял их так, чтобы они на собственных шеях прочувствовали, что такое настоящая мужская хоккейная дружба.

— Пока в моей тройке играет, чтобы я таких разговоров не слышал! — Зло зашипел я. — Ещё ничего в жизни не выиграли, уже славу делите. Мне, между прочим, и защитникам вообще даже результативной передачи в актив не запишут. Вы учтите оба, на скамейке сидит Вова Ковин, он любого из вас с удовольствием заменит. Руки быстро пожали!

Александров и Скворцов с лицами, как будто проглотили что-то кислое, пожали друг другу руки. А я подумал, что хоккей хоть и игра командная, но славы персональной хотят все. Из-за этой вечной погони за славой, бывшие лучшие одноклубники не разговаривали годами, после завершения спортивной карьеры.

Когда при счёте 5: 1 в нашу пользу, прозвучала финальная сирена и мы поблагодарили хоккеистов «Спартака» за игру, я первым делом, не переодеваясь, поспешил в кабинет тренера по фигурному катанию Людмилы Максимовны. Благо женщина оказалась на месте.

— Интересуешься, где твоя любимая? — Прямо с порога спросила она. — Ты ведь сам спортсмен, должен такие моменты понимать, скоро Олимпиада в Японии, а у Женьки твоей талант. В Москве она осталась, перешла в ЦСКА к Станиславу Алексеевичу Жуку. Там у неё совсем другие перспективы.

— Перешла и перешла, — я пожал плечами. — Москва же не на Марсе находится, есть телефон, можно позвонить, телеграмму послать. Что-то здесь не то, — пробубнил я, закрыв за собой дверь.

По пути в свою раздевалку в коридоре подтрибунных помещений совершенно случайно столкнулся с игроками «Спартака».

— И откуда ты такой взялся Тафгаев? — Услышал я голос Славы Старшинова. — В прошлом году тебя нигде не было, в позапрошлом тоже.

— Между прочим, богатырь Илья Муромец проспал на печи тридцать три года, — усмехнулся я, заглянув в раздевалку москвичей. — А я всего двадцать пять. Никого сегодня не пришиб? Вот Слава, во всём плохом, всегда можно найти что-то хорошее.

— Давай к нам в команду, вместе искать будем, — улыбнулся Саша Якушев.

— Во второй сборной СССР сыграем скоро в одной форме, — ответил я уклончиво. — Бобров уже вам сказал, что тебя, Старшинова, Шалимова и Поладьева в декабре вызывает на игры и тренировочный сбор?

— Вторая сборная — это хорошо, но лучше бы первая, — грустно улыбнулся Якушев, которого Тарасов так часто звал в ЦСКА, что обидевшись, не заявил в первую сборную

СССР. Точно так же как и защитника Женю Поладьева.

— Двенадцатого декабря посмотрим, кто кого, — пробормотал я.

Вечером после игры на небольшом банкете в честь побед над ЦСКА и «Спартаком» который мы устроили спонтанно на спортивной базе «Зелёный город», пригласив туда жён и подруг, ели мясо в столовой и кто хотел пил вино и пиво. Я своим «пионерам» ещё раз напомнил, что век хоккеиста короток, а если его заливать разными алкогольными напитками, может стать ещё короче.

— Даже чуть-чуть нельзя? — Наседал Сашка Скворцов.

— Те, кто до сорока лет отыграл на высоком уровне, — стал я втолковывать. — Либо отличались богатырским здоровьем от природы, либо режимили по-дикому, ни капли в рот не брали.

— А курить можно? — С другого бока спросил «Мальш» Александров.

— Курить можно смело, — кивнул я. — Правда к сорокету мышцы высохнут, зато к пятидесяти годам рак лёгких разовьётся. Потом сделают тебе химиотерапию, и глупые волосы навсегда покинут умную голову. И прощай мама.

— То есть и курить нельзя? — Догадался «Мальш».

— Я тебе больше скажу, — добавил я ещё пицци для размышления своим юным «падаванам». — Годам где-то к двадцати девяти нужно будет переходить с гирь и гантелей на работу с одним экспандером, чтобы мышцы не потеряли гибкость, и скорость не просела. За всё в этой жизни нужно платить, хочешь долго играть ограничивай себя во всём и паши, конечно, по-умному без дебилизма. Хочешь стать великим музыкантом или писателем, работай ежедневно с утра до вечера над оттачиванием мастерства, и обязательно следи за современными тенденциями, пробуй что-то новое.

— А как же остальные люди, которые живут просто так? — Спросил Скворцов.

— Я думаю, они в чём-то счастливей нас, но мне такого счастья не надо, — я грустно улыбнулся.

Затем, после пива и вина начались танцы под магнитофон, из которого вылетали ритмы советской и зарубежной эстрады. И разговоры на извечные философские темы сошли на нет. А потом после программы «Время» прибежал Сева Бобров со своей тетрадкой, куда он заносил результаты каждого хоккейного тура и потряс нас ожидаемым сообщением:

— Сегодня в гостях в Ленинграде ЦСКА забил тринадцать банок в ворота СКА. Скворец неси сюда свой лобешник, буду его щелбанами разрабатывать! Кстати, Иван, вот таблица первенства на сегодняшний день. — Всеволод Михалыч сунул мне свою тетрадь.

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
Динамо (М.)	19	12	4	3	72 — 46	28
ЦСКА (М.)	17	12	3	2	107 — 55	27
Торпедо (Г.)	16	11	3	2	77 — 53	25
Спартак (М.)	18	8	2	8	67 — 70	18
Крылья Советов (М.)	15	6	2	7	56 — 57	14
Химик (Вск.)	18	6	0	12	52 — 66	12
СКА (Лен.)	18	5	2	11	49 — 77	12
Трактор (Чел.)	14	2	4	8	41 — 68	8
Локомотив (М.)	15	3	0	12	39 — 72	6

Из турнирной таблицы было чётко видно, что в защите мы стали играть значительно лучше, но до ЦСКА в атаке нам, как и всем остальным командам чемпионата очень далеко. Разогнались «Тарасовцы» не на шутку. Кстати, если две команды наберут одинаковое количество очков, то считать буду не личные встречи, а разницу забитых и пропущенных шайб. Так ЦСКА наколотив полную авоську аутсайдерам, может гарантировать себе и первое место. В НХЛ же пока ты не обыграешь сильнейшие клубы в серии до четырёх побед никто самый важный кубок «Стэнли» тебе не вручит. Колоссальная разница в уровне развития и понимания хоккея. У нас же одна надежда на самородков, гениально талантливых от природы хоккеистов.

Внезапно рядом подсел вратарь Виктор Коноваленко и, заглянув в турнирную таблицу, сказал:

— Хорошо молодёжь сегодня веселится. А ведь если бы не ты, Иван, то болтались бы мы на месте «Трактора» из Челябинска. Жена сказала, что мне утром звонил Чернышёв из сборной СССР, просил передать, чтоб я готовился, как следует. Теперь он меня видит первым вратарём команды, а не Третьяка. Какая-то там статья в «Известиях» вышла, где написали, что мы, «Торпедо», играем на новом современном уровне. А Коноваленко, то есть я, сейчас непререкаемый номер один. Я вот что думаю, забрать двадцатый номер обратно себе. Как ты считаешь?

— Я считаю, что этот номер двадцатый ты должен вырвать с мясом, — коротко ответил я.

В субботу 27 ноября, которую Сева Бобров объявил выходным днём, я прилетел в Москву. Из Горького у нас был ежедневный утренний рейс, вот им я и Боря Александров махнули не глядя до столицы нашей Родины. Когда Бобров вчера на вечеринке узнал моё неперемное желание порешать свои личные вопросы, то не поверил.

— В ЦСКА собрался на переговоры?

— Не согласишься Михалыч, именно туда я и еду. Нужно мне встретиться там с кое-кем.

— С Тарасовым?! Бежишь с тонущего корабля?! Да я тебя после этого знать не желаю, — обиделся главный тренер. — А всё из-за вас! — Накинулся он на начальника команды Иосифа Шапиро. — Машину парню зажали. Квартиру тоже того. Теперь как хотите, так и улаживайте этот конфликт.

— Да, ё-моё, Иван с Женькой Соколовой хочет встретиться поговорить, — вступился за меня «Мальш».

— Вот, Всеволод Михалыч, конфликт улажен, — крикнул довольный тем, что делать ничего не надо Йося Шапиро.

— Всё равно отпустить не могу, — упёрся Бобров. — В субботу у нас выходной, а кто на воскресную утреннюю тренировку придёт?

— Михалыч, я возьму забитыми шайбами в игре с Локомотивом, — я прокашлялся, подумав, сколько пообещать тренеру скряге. — Две забью.

— Три! — Махнул рукой Сева Бобров.

— И я с Иваном за компанию поеду, — сказал Боря Александров. — Одну шайбу забью «Локомотиву».

— Две! — Хлопнул рукой по столу Всеволод Михалыч.

— Интересное кино, получается, — подошёл подвыпивший Коля Свистухин. — Три — Тафгай, две — «Мальш», и того выходит — пять. А мы значит без забитых уйдём? Я не

согласен.

— Хорошо, и ты Свистухин две забьёшь, — ухмыльнулся Бобров.

— Вот это другой разговор, — икнул, разворачиваясь к столику с выпивкой Николай.

В Москве, когда мы доехали на метро до дворца спорта ЦСКА, я обратил внимание на новенький большой портрет товарища Ленина над входом в само это уже древнее здание. То ли облупившуюся шпукатурку маскируют идейно-выверенным портретом, то ли установили в воспитательных целях? Чтоб хоккеисты, фигуристы, а так же волейболисты с баскетболистами не забывали, кто за ними круглосуточно бдит.

На служебной проходной мы с «Малышом» показали наши спортивные торпедовские удостоверения, и, сделав морды кирпичами, проследовали внутрь на ледовую арену.

— А если фигуристы сейчас тренируются в другом месте? — Спросил чего-то разволновавшийся Борис.

— Значит не судьба, — хмыкнул я. — Да ты расслабься, я буянить не собираюсь. Если у Женьки там с кем-то завертелось, это её выбор. Ну, хорошо, один раз могут вспылить и вмазать в глаз. Это максимум.

Мы прошли по коридору, по которому уже доводилось один раз ходить, когда играли здесь с ЦСКА и вышли на ледовую арену. Фигуристов и фигуристок здесь было человек семь или восемь. Сосчитать точнее, когда они все носятся, как угорелые было нереально. Но Женьку, которую какой-то мужик таскал на «удочке» моей конструкции я увидел сразу.

— Вон она раздуется, — пробубнил Александров, когда мы встали у самого борта.

— Я ещё близорукостью не страдаю, — пробормотал я, всё больше убеждаясь, что моя фигуристка не просто тренируется с этим мужиком, в котором я распознал лучшего специалиста по фигурному катанию в Союзе Станислав Жука, но и тому, что между ними что-то есть.

— Бьём морду? — Спросил «Малыш» и, не дожидаясь моего отрицательного ответа, громко свистнул, сунув два пальца в рот. — Эй! Фуфел! Кати сюда базар есть! — Гаркнул он.

На катке все временно остановились и уставились на нас. А тренер Жук отдав «удочку» Женьке покатил к нам. «Зря, что ли летели из Горького?» — подумал я и, когда наставник фигуристов подъехал, без разговоров выбросил правый прямой в подбородок.

— Это конечно не «Сапсан!», но ехать можно, — сказал я, когда фирменный поезд «Вятка», потащил нас с «Малышом», стартовав с Ярославского вокзала обратно из Москвы в Горький.

— Кончено можно, это же купе, а не плацкарт, — улыбнулся Боря Александров, снимая пальто и выкладывая на раскладной столик бумажный кулёк с пирогами с яйцом. — Ночью уже будем дома. И завтра на тренировку утреннюю успеваем. Ну её, эту Москву, ноги только гудят. И хорошо, что в милицию не загремели на пятнадцать суток.

«А могли бы, — подумал я. — Но тренер Станислав Жук повёл себя по-мужски. Вышли потом поговорили на повышенных тонах без неуместного рукоприкладства. Расставили все точки над «и». С одной стороны он был прав, Женьке Соколовой с её прыжками можно было запрыгнуть на олимпийский пьедестал в Саппоро. А с другой был прав я, так как кое-какие неприятные подробности из тренерской деятельности Жука знал, само собой без стопроцентных доказательств. Ладно, Женька не маленькая девочка. Это её выбор».

— Ниночка, а вот и наше купе! — Высоким голосом пропел, скорее всего, наш будущий сосед на ближайшие несколько часов, который очень сильно напомнил мне лицом и телосложением актёра Моргунова.

«Бывалый» и «Бывалая», окрестил я про себя вошедшую внутрь парочку. Ведь женщина тоже была под стать своему супругу. Рыжие волосы, пышный бюст, и там ниже талии, у мадам Грицацуевой, было очень далеко за 90-то сантиметров в объёме. Наши попутчики с шутками и прибаутками, про свою неуклюжесть, разложили чемоданы и, посмеявшись над нашими пирожками, на столик выложили, копчёную колбаску, солёные грибочки, жареную курицу и бутылочку коньяка с пятью звёздочками на этикетке.

— Едем в Киров на симпозиум музейных работников, — подмигнул нам «Бывалый» представившись Иннокентием, — пожалуйста, угощайтесь.

— Благодарствую, у нас спортивный режим, — сказал я, хлопнув по рукам «Малышу» Александрову, который потянулся к чужим грибочкам с колбасой. — Сейчас чай с пирожками попьём и спать.

— Молодые люди спортсмены? — Неожиданно низким голосом спросила Ниночка «Грицацуева». — Каким видом спорта занимаетесь?

— В хоккее играем за горьковское «Торпедо», — простодушно ответил мой юный друг.

— Во втором составе на первенство города, — добавил я.

— А неплохо у вас за второй состав платят, — издал короткий смешок Иннокентий «Бывалый», кивнув на нашу дорожную, хоть и отечественную одежду.

— У нас товарищ Иннокентий спорт любительский, мы сначала смену на заводе отстоим, а потом уже за шайбой носимся, а костюмы и пальто нам по профсоюзной линии помогают приобретать со скидкой, — сказал я, залезая на вторую полку, украдкой показав Боре кулак.

Монотонное потряхивание вагона и ритмичное постукивание колёс, а так же унылый и однообразный пейзаж за окном постепенно погрузили меня со всеми своими неприятными мыслями в короткий сон. И в этом сновидении я всё ехал куда-то, потом карабкался вверх, а потом почему-то звал на помощь, которая, наконец, пришла, ведь чья-то рука схватила меня за плечо и стала дёргать из стороны в сторону.

— Иван! — Позвал меня Борис, дёргая за плечо, когда я открыл глаза. — Одолжи сто рублей.

— Мороженого захотелось? — Пробормотал я, переворачиваясь на другой бок. — Что ты сказал? — Я окончательно проснулся.

— Отыгаться хочу у музейных работников, — виновато улыбнулся «Мальш». — Одолжи сотню, дома отдам. Эта рыжая так в подкидного дурака играет, закачаешься. Но я её тоже сначала её пару раз обыграл.

«Обыграл, мать твою! Игровой автомат нашёлся, все деньги в него вбухаю, зато потом будет что на кладбище вспомнить, лёжа под землей», — подумал я, чертыхаясь и спускаясь вниз.

— Где эти музейные работники? — Посмотрел я на «Мальша», уши которого сами просились в мою крепкую ладонь для пластической операции.

— Есть желание отыгаться? — Двери нашего гостеприимного купе отварились, и первым влезла в него круглая довольная ряшка Иннокентия. — Ниночка у нас чемпион музея в подкидного дурака. Не советую. Ибо это талант.

Пара «Бывалого» и «Былой», внеся в душноватое купе неприятный сигаретный запах, уселась напротив.

— Сколько мой мальчишка проиграл? — Спросил я, еле сдерживание горячее желание вlepить смачную оплеуху Александрову.

Поняв по выражению моего лица, что сейчас буду воспитывать, Боря тут же отсел как можно ближе к выходу.

— Мы же всё понимаем, — немного замялась мадам «Грицацеева», — всем деньги тяжело достаются. Особенно нам работникам музея. Поэтому если вы не отыграетесь до вашего Горького, мы вернём половину проигранной суммы. То есть ровно семьдесят пять из проигранных ста пятидесяти.

«Сто пятьдесят как с куста», — я ещё раз глянул на Мальша и, вынув из внутреннего кармана пиджака двести рублей, хлопнул их на стол:

— Играю на все, один раз и баста.

— Ну, Ниночка не подведи музей! — Ухмыльнулся «Бывалый» Иннокентий.

А Ниночка своё дело знала хорошо, колода в её руках летала, как шайба на крюке моей клюшки. Даже значительно лучше, как у Мальцева и Харламова. И когда она сдала по шесть карт и выложила одну мастью вверх, которая показала, что козыри в последней игре будут пики, я тяжело вздохнул.

— Напомните правила, — пробурчал я.

— У кого меньший козырь тот и ходит, — пожал плечами толстяк.

— У меня меньший, — сказал я и длинным хлётким боковым ударом отправил «Бывалого» смотреть «кино», ну или что там, в отключке, ему покажет древнегреческий бог Морфей. — «Мальш» проверь карманы музейного работника. А ты не дёргайся, — зашипел я на Ниночку.

— Я сейчас позову милицию, — зашептала «Грицацеева», и полезла в сумочку.

— Не дёргайся, — повторил я и, чтобы слова мои быстрее дошли до женщины, вlepил ей смачный щелбан в лоб.

Борис быстро похлопал по карманам пиджака Иннокентия и вытащил складной нож ручной зонной работы с кнопкой, который толстяк носил с собой, конечно, «исключительно для разделки колбасы».

— Вы не имеете права, мы простые работники музея, я могу билеты показать, а деньги ваши я сейчас вам отдам, — затараторила Ниночка. — Играть не умеете, а садитесь. Сами виноваты.

— Помнишь «Мальшу» я говорил, что у меня очень хороший глазомер? — Спросил я Бориса, посмотрев ещё раз внимательно на узорчатую рубашку игральной карты, где были еле заметны маленькие проколы, сделанные тонкой иглой. — Карты эти ваши в колоде краплёные. И ведь кто-то в кассах жэдэ вокзала этим «каталам» информацию слил? Дескать, едут богатые хоккеисты. А в чемоданах, наверное, пусто? Потому что выиграете своё и сойдёте во Владимире.

— А ты часом не мент? — Криво усмехнулась «работница музея». — Так ничего не докажешь.

Услышав волшебное слово «мент», внезапно пробудился толстяк, между прочим, зря, потому что второй мой удар, который я тут же докинул в добавку, ещё неизвестно как может сказаться для физического здоровья в будущем? Хотя, если хорошо подумать, зачем толстяку, который обманывает простой народ в поездах здоровье?

— В том-то ваша и беда, что я не мент. — В доказательство этому второй щелбан отпечатался на лбу наглой мухлёвщицы. — Деньги на бочку, быстро! Иначе буду вас учить летать через окно поезда на ходу.

— Без парашота? — Уточнил, посмеиваясь Александров.

— Да, пусть сами ухитряются ловить телом восходящие потоки воздуха, как в своё время сказал, дедушка русской космонавтики Константин Циолковский. Или он этого не говорил? — Я почесал свой затылок. — Вот мы и проверим.

— Подавитесь, — прошипела Ниночка и бросила на стол свои нетрудовые доходы. — Я же говорила, что не надо с хоккеистами связываться! — Разрыдавшись, женщина шлёпнула ладонью своего без чувственного напарника.

— Жадность фраера сгубила, — брякнул Александров.

На базу «Зелёный город» мы приехали примерно в третьем часу ночи. Ухо я всё-таки «Мальшу» накрутил, но без садизма, можно сказать любя. И Боря, мой воспитательный массаж воспринял без обид. Тем более с картёжных «катал» мы вытрясли почти полторы тысячи рублей. Половину суммы я решил перевести на счёт детского дома, где жил и учился мой предшественник Тафгаев Иван из этого времени. Ну и четыреста рублей взял себе, и со словами, что семьсот пятьдесят на два не делится, триста пятьдесят отдал «Мальшу», хоть он этого и не заслуживал.

— А хорошо съездили, — улыбнулся мой юный друг, потирая припухшее ухо. — Нужно будет повторить.

— Обязательно повторим, когда у тебя ухо заживёт, — кивнул я. — Причём без всяких поездок в Москву. А пока хватит глупостей, нам ещё чемпионат до декабрьского перерыва нужно достойно доиграть. И со второй сборной 12-го декабря не обмишуриться.

В жилом корпусе, где, скорее всего, кроме молодежи и Севы Борова никого не было, первым кто выбежал нас встретить был черный большой кот Фокс, который поднял свою умную мордочку с немим вопросом: «Пожрать чё принёс?».

— Видать, придётся мне его всё же укотерить, — пробормотал я, вынимая из кармана бумажный пакет с последним, не съеденным пирогом с яйцом.

Следующие четыре дня после поездки в Москву, чтобы в голову не лезли всякие ненужные мысли, я всю нерастрченную на личном фронте энергию пустил в тренировочный процесс. Утром пахал на катке, днём в тренажёрке бил рекорды, радуя нашего тренера по атлетике Платона Хомулёва, и ещё перед сном на точность метал с кистей шайбы в деревянный щит, который я прислонил к нашему жилому корпусу. Воскресенье, понедельник и вторник, подражая мне, рядом до последнего держался и Боря Александров. Но в среду 1 декабря в первый день зимы вечером психанул и он.

— Да ну тебя Иван, — махнул Борька рукой, закинув клюшку на плечо, — ты как хочешь, а я с Алёнкой в кино пошёл. У нас сегодня в столовой фильм про индейцев крутить будут. Называется «Оцеола» с Гойко Митичем, между прочим, в СССР его ещё никто не видел. А на эту шайбу я уже смотреть не могу. Тошнит!

— Понимаю, — я прицелился и с куска фанеры клюшкой запустил резиновый диск точно в верхний угол деревянного щита. — Алёнка всяко лучше шайбы. Честно говоря, я думал ты и двух дней не протянешь моих тренировок. Только это, вы там особенно не хулиганьте, а то пока шестнадцать лет — ума точно никакого нет. — Сказал я и снова метнул шайбу в щит.

— Знаю, — недовольно искривил лицо «Малыш» и полетел напяливать вместо синего спортивного костюма с оттянутыми коленками первые в своей жизни джинсы, которые ему подогнали за двести рублей знакомые фарцовщики наших хоккеистов.

Но в одиночестве я надолго не остался. Я сделал чуть больше десяти бросков, как за угол жилого корпуса завернул Сева Бобров. В пальто, в трико, в вязаной шапочке и кедах, одетых поверх шерстяных носков.

— Тафгаев, ты мне знаешь, как уже надоел своим бесконечным бум-бум по доскам? — Спросил он.

— Знаю, Михалыч, — упрямо пробормотал я и поразил нижний угол деревянного щита впритирку с предполагаемой штангой. — Я обещал хет-трик с «Локомотивом» сварганить? Теперь терпи.

— Хоть бы с бабой, с какой спутался, — зло пробормотал Бобров. — Хрен с ним с хет-триком. Забьёшь две банки и нормально. Только прекрати колотить в эти доски. От них итак скоро одни щепки останутся. Пойдем, кофе попьём настоящий бразильский.

— Умеешь ты, Всеволод Михалыч, с игроками находить общий язык, за что тебя и уважаю. Пятьдесят бросков, — принялся торговаться я.

— Пятнадцать! — Топнул ногой Сева. — Или про кофе забудь!

— Пятнадцать и ещё пять, и тогда вода нам как земля, и тогда команда нам семья, — я почесал затылок и согласился с главным тренером, что в фанатизме нет ничего хорошего. — Пошли пить твой кофе.

В комнате Боброва я увидел уже привычную картину. Книги, справочники, газеты и его бумаги буквально повсюду. А так же на столе лежал макет хоккейного поля с чёрными и белыми шашками на нём.

— 29-го «Динамо» неожиданно проиграло «Спартаку» 2: 3, - сказал Всеволод Михалыч, поставив кипятить воду в электрочайнике. — ЦСКА обыграл «Крылья» 6: 3. Завтра 2-го декабря «Крылья» сыграют с «Динамо», а ЦСКА с «Химиком» и всё, первая сборная начнёт подготовку к призу «Известий». Она сначала проведёт три игры 5-го со «Спартак», 8-го с «Динамо» и 10-го с ЦСКА. Как прикажешь мне со второй сборной играть против команды Чернышёва и Тарасова 12-го декабря, когда мы сами соберёмся первый раз 11-го числа?

— В жизни вообще мало справедливости, — согласился я. — Михалыч, водичка закипела.

Сева Бобров ещё что-то тихо себе под нос пробубнил, пока возился с кофе, а взял рукописную таблицу главного тренера и примерно представил, как она может выглядеть к 13 декабря, когда мы сыграем свой 20-ый матч. Получалось очень красиво, наше «Торпедо» могло уйти на перерыв в чемпионате на первом месте, если конечно дважды обыграем «Локомотив» и «Крылья советов».

— Давай ещё раз обсудим составы сборных. — Бобров дал мне кружку с кофе. — У главной команды страны две пятёрки из ЦСКА, одна из «Спартака» и одна из «Динамо». У нас две пятёрки из «Торпедо», одна из «Спартака» и одна из «Крыльев». Я решил защитника Гордеева тоже взять в сборную, некогда нам командные взаимодействия наигрывать за один день. Смотри сюда, — Сева пересел к макету хоккейного поля и расставил на нём шашки.

Целых полчаса я спорил с Бобровым — кто против кого должен выходить на лёд? Он предлагал, что бы спартаковцы сыграли друг против друга, «Динамо» против «Крыльев», а две пятёрки «Торпедо» против двух пятёрок ЦСКА. Я же настаивал, что против «Динамо» должны биться спартаковцы, а против «Спартака» из первой сборной наши «Крылья советов».

— Да почему! — Взревел всегда выдержанный Бобров.

— Всё дело Михалыч в центрах нападения. Если против динамовца Мальцева выйдет наш Свистухин, которым мы усилим пятёрку «Спартака», он и сам не сыграет и Мальцеву не даст. А против Шадрина в центре легко сработает наш более скоростной Анисин из «крылышек». Всё дело в центрах нападения, которых у нас в СССР готовить не умеют. Допустим, появился молодой долговязый парнишка, у которого стартовая скорость не очень, немного неповоротливый, зато голова светлая, его возьмут и сунут в защиту. Ведь мелкие, быстрые и резкие крайние игроки они сразу на поле выделяются, а с центрами возиться надо дольше.

— Ты, Тафгаев, хочешь сказать, что наши тренеры не умеют работать? — Сева от возмущения вскочил со стула.

— Беда всей нашей страны, что в ней слишком много всего. — Я хотел сказать Боброву, что полно земли, пресной воды, полезных ископаемых, леса, много ещё чего разного и, что небольшого ума проходимец, прорвавшийся во власть, может с этого легко стричь бабки, скидывая копейки народу, но вовремя заткнулся и перевёл разговор на спорт. — Много у нас, Сева, хоккейных гениев. Поэтому любой средненький тренер, которому позволят большинство этих самородков забрать себе в команду и будет побеждать.

— Ладно, может ты и прав, — уже более спокойно сказал Бобров и сел на место. — А вдруг мы первую сборную разобьём в пух и прах, как ЦСКА в недавнем матче? Тем более Коноваленко на эту игру от первой команды мы спрячем. Что ж тогда получится, ерунда какая-то?

— А за это пусть у Федерации хоккея голова болит. Ещё по кофе? — Я хитро посмотрел на улыбающееся лицо Севы Боброва, который наверняка уже думал о том, что скоро сам возглавит главную команду страны. Так зачем откладывать это дело на потом?

В четверг 2-го декабря на утренней тренировке я, забытый и одинокий, вдруг понадобился буквально всем. Первым, меня обрадовал прямо перед выходом на лёд начальник команды Йося Шапиро. Он подбежал в тот момент, когда я снимал чехлы с

КОНЬКОВ.

— Иван, решил я твою проблему. — Стал нашёптывать мне Йося. — Будет тебе вечером новый автомобиль взамен «Победы». «Волга» ГАЗ — 21 УС 70-го года выпуска, конечно во временное пользование. Только в Москву в ЦСКА больше на переговоры не уезжай. Вся область на тебя надеется.

Я огляделся по сторонам, и подумал: «Кто же это такой умный — пустил слух, что я ездил в ЦСКА на переговоры? Неужели Бобров пошутил? Ну, Всеволод Михалыч, будет и тебя толк в будущей сборной СССР».

— Смотри, Йося Львович, если к вечеру машину не пригонят, опять в Москву улечу, — ухмыльнулся я.

— Свят, свят, свят, — перекрестился наш начальник команды, который слыл убеждённым атеистом.

А спустя час тренировки у бортика замаячил писатель, муж учительницы литературы, размахивая бумажной папкой, и судя по толщине — в ней уже что-то было.

— Михалыч, на пять сек? — Отпросился я у главного тренера.

— «Локомотиву» забьёшь три, — пробурчал Бобров.

«Вот жучара, ещё недавно был разговор про две шайбы! Ничего, ещё не день игры — воскресеньё», — подумал я и поехал к писателю.

— Что ж вы, Сергей Викторович, конца тренировки не дождались? — Спросил я писателя.

— Извините, Иван, первые главы написал, но накопилось множество мелких вопросов. Творческого терпения не хватает, когда получается хорошо, — тихо ответил мужчина. — Меня интересуют особенности средств связи? Потом каким оружием ведутся боевые действия на планетах Империи? Как выглядят роботы? Каким внешним изменениям подверглись люди будущего? И ещё с десятков разных менее существенных вопросов.

— Посидите пока на трибуне, через час сходим, пообедаем и я всё что смогу, расскажу, — коротко бросил я и полетел обратно отрабатывать атаку схода со своим игровым звеном. — «Мальш» не спи, пас!

А через двадцать минут, когда я присел на минуту передохнуть, со спины подкрался шаман Волков. Волосы всклокочены, взгляд ненормальный, брезентуха грязная, и как его только на проходной во дворец спорта пропустил?

— Нужно срочно написать письмо Брежневу, — зашептал Волков, — о том, то ожидает страну в будущем.

— Пишите Миша, пишите, — сказал я не глядя на странного мужчину. — Вас даже в психушку не будут прятать, когда узнают, что вы местный шаман любитель. Порчу наводите на трудовой народ, и замыливаете передовикам производства сглаз, чтоб они завалили квартальный план.

— Хорошо, не хотите писать Брежневу, давайте напишем Андропову, — стоял на своём шаман. — Он в восьмидесятые первым начал борьбу с бюрократизмом.

— Сильная власть всегда начинала с того, что одних бюрократов меняла на других, более преданных. А по сути, на место менее вороватых чиновников приходили настоящие акулы воровства. — Прокашлялся я, не зная как послать подальше беспокойного товарища.

— Так что же вы предлагаете? — Сверкнул дикими глазами Волков. — Мы ведь как «Титаник» идём прямиком на айсберги.

— Я предлагаю тебе, шаманидзе, успокоиться и дождаться конца моей тренировки, —

психанул я и полетел на лёд, обрабатывать игру в неравных составах.

После тренировки я сказал «Мальшу», что у меня встреча с местными газетчиками, поэтому попросил его сегодня отдохнуть денёк от меня, зануды. И пообещав Боброву, что в тренажёрном зале поработаю позже индивидуально, повёз на такси свою странную компанию, писателя и шамана, в кафе «Чайку», что на берегу Волги. Место — проверенное, меню скромное, но питательное, обслуживающий персонал — равнодушный и ненавязчивый.

«Что-то неуловимое в глазах писателя Виктора Сергеевича и шамана Волкова было схожим. Оба ненормальные», — думал я, медленно поедая курицу, в ожидании каверзных вопросов и идиотских предложений.

— Вы наелись? — Не выдержал первым писатель, которому я купил пару кофе и одно мороженое. — Итак, начнём со средств связи.

— Тут всё просто. — Я лениво откинулся на стул. — Все планеты Империи объединены единой компьютерной сетью «интернет», в которую можно зайти с любого, э... С любого карманного плоского телевизора, размером с ладонь или даже меньше.

— Очень «интересно», — зло глянул на меня шаман, которого этот разговор не касался.

— Если вам не интересно, то вы можете оставить нас одних, — обиделся писатель.

— А чем вам в будущем простые ламповые телевизоры не угодили? — Возбуждился Волков. — Засунул его в рюкзак, как рацию, и гуляй себе. Между прочим, на нём можно и отобедать, если случайно забрёл в лес за грибами.

— Не обращайтесь внимания, — я отмахнулся от вредного шамана. — А вот военные действия — это я вам скажу отдельная песня. Представьте целая эскадрилья летающих дисков, которые управляются дистанционно и стреляют самонаводящимися ракетами.

— То есть один человек с маленького компьютера может ими управлять? — Почесал затылок Виктор Сергеевич.

— А если я ударю по ним радиопомехами? — Влез опять шаман Волков.

— Вот в такого радиста как ты первая ракета и прилетит, — заткнул я представителя из древнего 1985 года. — Дальше, внешность. Солдаты — киборги, смесь человека и разных электронных механизмов, вживлённых в тело, для большей силы, скорости и меткости. Богатеи вообще могут позволить себе всё тело сделать молодым и красивым. А бедные? Бедные — они и в Африке. Роботы? Да без разницы, какие они будут. И на животных будут похожи, а на человека и на стиральную машину марки «Рига» на колёсиках.

— Ерунда, — зло прошипел шаман.

И лишь когда довольный писатель удалился трудиться над литературным шедевром будущего, я объяснил свою простую идею недовольному Волкову. Что сначала пишем пророческий роман, затем ближе к 1985 году запускаем слухи, что всё в романе есть суцая правда, тем самым спасём десятки тысяч людей на национальных окраинах от надвигающейся расправы. И они смогут там продать свои квартиры и спокойно уехать, а не бежать в одних трусах.

— А СССР тебе по боку? — Вспылил шаман.

— Станный ты человек, Волков. — Я придвинулся поближе к товарищу из 85-го года, чтобы наш разговор никто случайно не подслушал. — Я половину жизни играл в хоккей, другую половину занимался перепродажей круп, макарон, сахарного песка и муки. Как я по твоему должен спасти СССР, в котором множество противоречий национального характера

и экономических косяков, где люди у власти не меняются десятилетиями? Я не помню, в каком году секретарь ЦК КПСС Кириленко, второй человек в государстве сказал, что он думает с Леонидом Брежневым в один унитаз, перепутав слово «унитаз» со словом «унисон».

— Всё с тобой ясно, — махнул рукой шаман, затем гордо встал и пошёл на выход.

После ужина на базу «Зелёный город» пригнали мою новую временную машину. «Не хуже чем у Коноваленко», — подумал я, сделав небольшой крюк по пустынной дороге, которая через лес вела на нашу спортивную базу. Но на этом неожиданности этого дня не закончились. Ко мне в жилой корпус, когда я резался в настольный хоккей с «Малышом» принесли с проходной телеграмму: «Прилетаю 4 декабря 6 ч. Буду здесь на конкурсе песни. Ирина Понаровская».

— Чё едят? — Поинтересовался мой юный друг.

— Чего только не едят. Бани все хотят закрыть, раз. Водку разбавить до двенадцати градусов, два. И «Диснейленд» построить посреди непроходимой тайги, три.

— Чего построить? — Опешил Александров.

— Ничего, лучше скажи, где мне до утра цветы достать хоть какие-нибудь? — Я посмотрел на одинокий фикус, стоящий на окне в холле нашего жилого корпуса, который зачем-то покусали малообразованные коты.

В аэропорт «Стригино» я примчался около пяти часов утра. Так чтобы наверняка не разъехаться с Ириной Понаровской. Завернул в газетку фикус, стрельнул у главного тренера кофе, чтобы не проспать, и вот я здесь в зале ожидания, сплю, укутавшись в пальто. А когда женский монотонный голос объявил рейс из Ленинграда, в моей крови сразу же забурлил адреналин, который обычно бодрит меня при выходе на лёд перед важнейшими матчами. И я, как и ещё с десятков человек, втиснулся в узкий неудобный коридор для встречи выходящих с рейса пассажиров, и принялся высматривать группу музыкальных товарищей с громоздкими инструментами. Каково же было моё удивление, когда передо мной остановилась одна Ирина с маленьким чемоданчиком в светло-сером пальто и в красном пуховом платке.

— А где руководитель, то есть дирижёр? Лауреат и союзная знаменитость? — Я вытянул шею, чтобы рассмотреть остальных музыкантов.

— У остальных музыкантов завтра в воскресенье три концерта во Владимире, где я должна быть в двенадцать часов дня, — улыбнулась Ирина. — А ты мне одной не рад?

— Я не рад только одному, цветов ночью в декабре, к сожалению, не купить, поэтому... — Я пошарил по карманам. — Кажись, фикус где-то оставил. Ерунда, всё равно его коты обгрызли.

— Коты? — Удивилась певица.

— Да целая банда, которая сейчас хозяйничает у нас в жилом корпусе на базе. Куда тебя везти? — Я забрал у девушки маленький легкий чемоданчик. — У тебя в гостинице бронь?

— Нет, — пожала плечами Ирина. — Я просто взяла и приехала. На конкурс вап посмотреть. У вас в Горьком какой-то ВИА появился, «Высокое напряжение», кажется. Играют так себе, но песни хорошие, поэтому Толя Васильев меня и отпустил.

— Эх, молодость, — я взял певицу за руку и повёл в машину.

Ранее субботнее утро любого советского города похоже друг на друга, как братья близнецы. Пустые улицы, минимум транспорта на дорогах, а так же полное отсутствие работников ГАИ, потому народ дружно отсыпается после тяжёлой трудовой недели. А сегодня, прямо как в сказке, повалил большими хлопьями, ещё не изгаженный сажей, белый снег. «Всё-таки отчаянная она девчонка, — думал я, управляя машиной и слушая рассказы Ирины о нелёгкой гастрольной доле. — Просто взяла и приехала ко мне! Как всё же переменчива жизнь».

— А куда мы едем? — Наконец спросила девушка, широко распахнув огромные карие глаза, когда моя машина въехала в лес.

— Едем в лес, кормить белок. Шучу, — усмехнулся я, заметив испуг и растерянность на лице Ирины. — База у нас здесь находится спортивная, чтобы легкие дышали высококачественным кислородом. Сейчас примешь душ, затем положу тебя в своей комнате. А днём пойдём на конкурс песни. Лично познакомлю с ребятами из «Высокого напряжения», я их знаю как облупленных. А завтра рано утром отвезу тебя во Владимир. Там ехать-то всего чуть больше двухсот км. Как тебе культурная программа?

— А где ляжешь спать ты? — Насторожилась девушка.

— В отличие от других советских хоккейных команд, у нас в «Торпедо» принято заезжать на базу лишь в день перед игрой. И сейчас в корпусе комнат пустых полно. Ещё

диван имеется в холле. — Ответил я, не разобрав, либо Ирина этому факту рада, либо огорчена.

В девять часов утра меня, досматривающего последние сны на диване в холле, разбудил отчаянный стук в дверь моей комнаты. Кота Фокса я аккуратно спустил с живота на пол и посмотрел, кто там спозаранку безобразничает? Оказалось, в мою дверь ломился Всеволод Михалыч.

— Тафгаев открывай, дверь сломаю! — Крикнул он.

— Михалыч, туалет в другой стороне, — окликнул я главного тренера. — Но если занято и там, то можно и до леса рвануть.

— А там кто? — Уставился Бобров на меня.

— Звезда советской эстрады после долгого перелёта отсыпается. — Я отряхнул кошачью шерсть Фокса со своего спортивного костюма. — Приехала сюда на конкурс песни и пляски.

— Какая звезда? У нас через два часа тренировка, а завтра игра! — Сева поднял указательный палец вверх, как будто нам предстоял матч с ЦК КПСС.

— Какая звезда? Сьюзи Кватро, конечно же. Кто ещё может спать в моей комнате в субботу утром? — Улыбнулся я.

— Совсем распустились! Пороть вас некому! Сегодня Сьюзи эта самая Кватра, а завтра Бриджид Бардо притащите?! Чтоб через десять минут был на завтраке! — Махнул на меня рукой, как на пропащего человека, Сева Бобров. — Завтра «Локомотиву» четыре забьёшь, понял?

— Учти Михалыч, сейчас весь боезапас расстреляют на «Локомотив», потом на твою сборную патронов не хватит, — предупредил я злого тренера, который раздражённо в одиночестве пошагал на ужин.

Песенный конкурс «Серебряные струны», который приурочили к круглой дате 750 лет основания нашего города на Волге великим князем Юрием Всеволодовичем, мы посетили большой компанией. Ко мне и Ирине Понаровской примкнули Боря Александров с Алёнкой и главный тренер Сева Бобров, который перед сложнейшими декабрьскими матчами тоже решил развезаться. С высочайшего благословления Обкома конкурс устроили в ДК Автозавода, начало назначили на 14.00, а окончание выступления всех музыкальных коллективов, которым давали сыграть по три композиции в 19.00. Затем должен был быть часовой перерыв, и уже заключительная часть с вручением премий и повторным выступлением победителей с 20.00 и до 22.00. Кстати, когда в столовой на ужине я представил Ирину Понаровскую нашему наставнику, он смягчился и снова вернул мой план по заброшенным шайбам с «Локомотивом» к трём штукам. Вот в чём волшебная сила очаровательной улыбки Ирины.

— Когда наши петь будут? — Ворчал Бобров целый час, пока выступали представители других регионов.

— Всеволод Михалыч, хорошо же поют, — улыбалась Понаровская.

— Почему-то когда поют хорошо, обязательно хочется в буфет? — Нетерпеливо поёрзал на месте главный тренер. — Тафгаев пойдем по бутылочке пива... Ах да, тебе же нельзя. Тебе, кстати, тоже нельзя, — шепнул он Боре Александрову, который как раз против буфета не возражал. — Вот в Большом театре, я вам скажу, вот такой буфет! — Бобров показал нам

большой палец вверх. — Съездим в него ещё, покажу.

Вообще странно, мы пришли к пяти часам дня. Наши должны были выступить в пять тридцать, а уже почти шесть, а их всё нет и нет. Так как на первую часть конкурса вход в зал ДК был бесплатным, народу, чтобы послушать заводской ВИА «Высокое напряжение», который лабал пока только на хоккейных матчах, набралось уйма. Мы ещё удачно успели занять свободные сидячие места, ведь остальная часть зрителей стояла и толкалась в проходах.

Я посмотрел в программу конкурса, впереди оставались лишь два коллектива — это ВИА «Ариэль» из Челябинска под руководством Валерия Ярушина и московское ВИА «Скоморохи» Александра Градского, для которых выделили по двадцать минут игрового времени. Однако вышедший на сцену конферансье объявил наше хоккейное ВИА «Высокое напряжение». И из-за кулис выбежали с гитарами хорошо знакомые мне пареньки, подстриженные волосатики Толя и Коля. Потом худой как спортсмен из концлагеря Савелий встал за синтезатор и Захар, самый физически крепкий из ребят сел за барабаны. Кстати, Захар сам когда-то играл в хоккей, надёжный парень. Он же и отщелкал барабанными палочками четыре раза, после того как музыканты немного поднастроили гитары, и наконец зазвучало что-то такое отчего не хотелось выйти в буфет за пивом. А именно, проигрыш из композиции «Мой адрес Советский союз». Неожиданно почти все кто стоял в проходах между сидячими местами и у самой сцены запрыгали под несущуюся заводную простенькую мелодию:

Колеса диктуют вагонные,
Где срочно увидеться нам.
Мои номера телефонные
Разбросаны по городам...

— Вот это я понимаю, — шепнул Бобров. — Наша песня — хоккейная.

Заботится сердце, сердце волнуется,
Почтовый пакуется груз.
Мой адрес не дом и не улица —
Мой адрес — Советский Союз!

Когда ребята грянули второй раз строчку припева, то запели вокруг и собравшиеся специально на них зрители. Зал можно сказать встал. Около прохода засуетился наряд милиции в количестве трёх человек, но окинув грустным взглядом толпу прыгающего народа, решил выждать и не вмешиваться в творческий танцевальный порыв тоскующей без больших развлечений публики.

— Обязательно познакомь меня с этими парнями, — шепнула Ирина Понаровская. — Это же настоящий хит!

— Это я тебе твёрдо обещаю, — улыбнулся я.

— Мой адрес не дом и не улица — мой адрес — Советский Союз!!! — Первая песня наших заводских самодеятельных музыкантов потонула в криках и овациях народа.

— Привет Горький! — Крикнул в микрофон Колян. — Следующая песня называется «Не повторяется такое никогда», если сможете, приглашайте на медленный танец ваших подружек! Поехали, — оглянулся он на барабанщика.

В школьное окно смотрят облака,
Бесконечным кажется урок.
Слышно, как скрипит пёрышко слегка
И ложатся строчки на листок...

— Чудесная музыка, и чудесная песня, — пробормотала Понаровская с широко открытыми и без того огромными глазами.

— Про мой адрес было лучше, — заметил тихо Бобров.

— А мы танцевать пошли, — Боря Александров схватил Алёнку за руку и потянул в проход между кресел.

Я может быть, тоже пригласил бы Ирину, но если встану, то человек пять должны будут куда-то сесть, а в зале места нет. Да и потом мою певицу сейчас лучше не беспокоить пока она не насладились красивой мелодией и текстом:

Первая любовь... Звонкие года...
В лужах голубых стекляшки льда...
Не повторяется, не повторяется,
Не повторяется такое никогда!

Я украдкой посмотрел на членов жюри, которые сидели за отдельным столом центре зала. И обратил внимание, как они по-разному реагировали, кто-то морщился, как будто проглотил лягушку, а кто-то блаженно улыбался. Наверное, что-то в розыгрыше главных призов Всесоюзного конкурса пошло не так. Видать останутся «Скоморохи» без обещанного главного приза.

— Мы хотим закончить своё небольшое на сегодня выступление, — сказал немного запыхавшийся Колян в микрофон, — новой песней «Всё, что в жизни есть у меня»! Танцуют все!

Николай провёл по всем струнам, взяв какой-то аккорд и начал композицию, которая скоро станет хитом номер один всего застойного СССР, в медленном темпе:

Мир не прост, совсем не прост.
Нельзя в нем скрыться от бурь и от гроз.
Нельзя в нем скрыться от зимних выюг.
И от разлук, от горьких разлук...

А после первого четверостишия барабанщик Захар выбил новый ритм своими палочками и парни вжарили с другим более драйвовым темпом. И пользуясь нерасторопностью органов правопорядка, зрители подняли руки вверх и принялись прыгать в такт, хлопая в ладоши:

Всё, что в жизни есть у меня!
Всё, в чем радость каждого дня!
Всё, о чем тревоги и мечты
Это всё, это всё ты...

Выступление ансамбля «Ариэль», который ещё не обзавелся хитовыми песнями, что громко выстрелят в году семьдесят пятом, а так же творчество непонятных народу «Скоморохов» прошло более мирно и благополучно. Никто не прыгал и не танцевал, на сцену с криками «Коля я тебя люблю!» не лез. В общем, зря приехавшее милицейское подкрепление могло спокойно отчаливать в отделение, что оно собственно и сделало, оставив на всякий случай ещё трёх милиционеров в зале. Отчалил на спортивную базу и Сева Бобров, предварительно мне и Александрову пригрозив пальцем и напомнив про завтрашнюю игру и строгий спортивный режим.

— Михалыч, всё будет хоккей, потому что это всё, что в жизни есть у меня, и в чём радость каждого дня! — Пообещал я, прощаясь на улице перед зданием ДК.

— Завтра забьёшь четыре шайбы, — пробурчал Всеволод Михалыч, усаживаясь в такси.

И пока строгое жюри конкурса совещалось, кому дать главный приз, кому дать поощрительный, а кому вообще ничего, я познакомил Ирину Понаровскую с музыкантами нашей заводской самодеятельности, которые сегодня весь зал поставили на уши и спутали все карты заведомым фаворитам. В знакомой уже комнатухе, было сильно накурено и необыкновенно тесно, но мы вместились тютелька в тютельку, так как я просунул на репетиционную базу ансамбля лишь голову.

— Ребята вы просто не представляете, какие у вас замечательные песни, — восторженно тараторила Ирина. — И мне есть с чем сравнивать, я ведь всё-таки работаю с «Поющими гитарами».

— Да, — протянул, посмеиваясь, басит Толя. — Это называется талант.

— Безусловно, кто же автор ваших шедевров? — Понаровская перевела взгляд с одного музыканта на другого, а затем и на третьего.

— Тут, Ирина, дело такое, — пискнул худосочный Савелий, — нам песни эти помог написать вот он, Иван.

— Наш Ваня Тафгаев личность выдающаяся, — подтвердила его слова фигуристка Алёнка, которая сидела у Бориса на коленях, так как кроме малой площади в комнате не хватало и мебели, в частности, стульев. — И все это знают, но молчат. Да, да. Где бы ваше «Торпедо» болталось, если бы не Иван? — Спросила она «Малыша». — Севу Боброва сюда привёз. И тебя Боря выгацил из Усть-Каменогорска. Я даже про такой город никогда не слышала. А ещё он недавно «удочку» для отработки прыжков в фигурном катании изобрёл, и теперь моя подружка Женька в Москве готовится к Олимпиаде.

— Аха, — улыбнулась Ирина. — Разыгрываете? Ну, хорошо, я поверила, пусть тогда Ваня напишет песню прямо сейчас для меня.

— Давай Иван не посрами Горький, — сказал солист Коля и тут же нырнул, спрятавшись за спины товарищей.

— Ну, вы даёте, — протянул я, почесав затылок. — Песню прямо сейчас? Если только в виде исключения? — Я посмотрел на красавицу Понаровскую. — Так! — Я хлопнул в ладоши. — Давай ручку, тащи бумагу, которая всё стерпит, сейчас попробую изобразить майонез Огинского, то есть, конечно, полонез, или что-нибудь в подобном духе.

«Что ж такое я ещё помню? Хотя бы куплетик с припевом, — я усиленно напряг извилины, рисуя шариковой ручкой на листке тетрадной бумаги в клетку жирную точку. — Хоть бы половину припева. Ну! Бездарность! Стоп! Сегодня же снегопад, снег кружится, летает, летает. И позёмкою клубя, заметает зима, заметает, всё, что было до тебя... А дальше? Однажды в студёную зимнюю пору я из лесу вышел, отец мой да я? Нет — это вроде

не из той оперетты».

— Ваня ты придумал? — Ехидно заулыбалась Ирина.

— Даже не сомневайтесь, сейчас ещё раз затылок почешет и придумает, — ответила за меня Алёнка. — С «удочкой», кстати, было точно так же.

Не знаю, что вдруг такое произошло, но в голове внезапно просветлело и простые слова куплета песни, как из плотного тумана выплыли прямо перед глазами. И мне как хоккеисту команды мастеров только и осталось, что не прощёлкать опасный момент у ворот соперника, то есть как можно быстрее эти слова записать.

— Понимаю подчёрк у меня не каллиграфический, и вообще это не подчёрк, это корявые муки совести, которые распластались зачем-то на бумаге. Слушайте! — Я с гордостью взял вспомненное мной произведение и прочитал, как ученик на уроке литературы:

Такого снегопада, такого снегопада

Давно не помнят здешние места...

Процесс награждения участников Всесоюзного конкурса «Серебряные струны», шёл хоть и медленно, но своим чередом. Сначала вручали грамоты, со специальными денежными призами ансамблям, которые не опустились ниже определённого уровня. Затем награждали тех, кто «прыгнул» в своём творчестве чуть выше головы. Ну и на самый финал оставили первые призы и премии для челябинского «Ариэля», московских «Скоморохов» и горьковского «высокого напряжения». На всё это я, Борис, Алёнка и Ирина Понаровская взирали из-за кулис, так как пока мои музыканты с Ириной разучивали новую песню «Снег кружится», билетов на зрительские места не осталось, а в проходы больше никого не пускали.

— И наконец, победителем нашего Всесоюзного конкурса «Серебряные струны» стал ВИА «Высокое напряжение» город Горький! — Крикнул конференсье и под аплодисменты пригласил на сцену автозаводских музыкантов. — В конкурсе победила песня «Все, что в жизни есть у меня»!

Дальше ребятам вручили какую-то стеклянную штуку, чтобы, когда они её разобьют, им был что вспомнить. А затем парни взяли в руки инструменты. И вдруг на сцену рванула Понаровская, она что-то шепнула парням, и эти балбесы вместо песни победительницы затаили «Снег кружится», под недовольное перешёптывание авторитетного жюри:

Такого снегопада, такого снегопада

Давно не помнят здешние места...

А снег не знал и падал, а снег не знал и падал...

Земля была прекрасна, прекрасна и чиста...

— Отнимут теперь первую премию, — сказал Боря Александров, предчувствуя неприятности.

— Не имеют право, — буркнула Алёнка.

— Эх, Алёнка, даже не сомневайся, — я почесал затылок. — Сейчас влепят две минуты за неспортивное поведение, за неуважение к членам жюри и улетит главный кубок в Москву. Вон, Градскому. — Я кивнул на расплывшееся в улыбке широкое лицо руководителя «Скоморохов». А мои ребята и Ирина, как ни в чём не бывало, пели:

Снег кружится, летает, летает,
И позёмкою клубя,
Заметает зима, заметает
Всё, что было до тебя...

Когда ДК Автозавода опустел, и мы на крыльце прощались с музыкантами, под падающий и кружащийся на улице снег, Коля рявкнул:

— Да, пое...ь на главный приз! Зато будет, что вспомнить!

— Тем более мы уже четвёртую песню регистрируем во Всесоюзном управлении по охране авторских прав, — улыбнулся клавишник ансамбля Савелий.

— Я смотрю, ты хоть и хлипкий, но далеко пойдешь, — хмыкнул я.

— Тоже самое говорит и мой папа, профессор кафедры высшей математики, — важно ответил пианист. — Да, Иван, а тебя вписать, как автора текста?

— Не, — отмахнулся я. — Когда в борт меньше вписывают, всегда лучше спишь. Давайте друзья мои прощаться. Отличный был финал.

— Великолепная песня, — пустила несколько маленьких слезинок Ирина Понаровская, когда я всех скопом обнял своими огромными руками.

Глава 8

Нашу игру с московским «Локомотивом» в воскресенье 5 декабря, как последний домашний матч в этом уходящем в историю 1971 году решено было обставить с помпой. То есть с торжественными речами, с оглашением планов и намерений, в общем, с серьёзным докладом минут так на тридцать тире сорок. Не знаю, почему торжественным моментом проникся Всеволод Михалыч, но уже на обеде за два с половиной часа до игры главный тренер начал рассказывать о том, что хоккейный коммунизм для города Горького уже не за горами. Он активно живописал, что подражая спортивным успехам «Торпедо», поднимется в класс «А» в первую лигу и наш горьковский «Полёт». И вообще...

— Тебе не интересно, Тафгаев? — Остановился около меня Сева Бобров.

— Хорошо говоришь, Михалыч, — согласился я, пытаюсь поудобней расположиться на стуле в столовой, чтобы ещё чуть-чуть поспать. — Добавь ещё про межпланетный хоккейный турнир между Горьким и Большой Медведицей и можно будет закругляться.

За столами раздались тихие смешки.

— Кхе, — кашлянул главный тренер. — Через сорок минут всем быть в автобусе, опоздавшие поедут во дворец спорта на такси. Смирно, вольно, разойтись. А ты чего, Тафгаев весь день спишь? На завтрак не встал. До обеда даже в настольный хоккей не вышел отыгрываться. Кстати, гони пятёрку.

Я встал со стула, перед глазами летали от недосыпа цветные круги, обнял опешившего Боброва, и сказал:

— В Москве в настольный хоккей отыграюсь, а сейчас мне, Михалыч, главное до игры выспаться. Иначе четыре обещанные банки «Локомотиву» не забью.

— А ты ночью, чем вообще занимался? — Стал о чём-то догадываться главный тренер.

— Эта ночь сон уносит прочь, эта ночь... Думал я всё над перспективами развития горьковского хоккея, вот и не спалось. Кстати, в автобус меня не забудьте посадить, — брякнул я и быстренько побрел в свою комнату, чтобы ещё сорок минут похрапеть.

Улётная получилась сегодняшняя ночька, ну, про первую её половину ничего говорить не буду, а вот всю вторую часть я баранку крутил до Владимира и обратно. Снег валит, на дороге никакой очистительной техники и в проекте нет. Чудом за шесть часов туда и сюда обернулся. И как сегодня шайбу гонять, даже не представляю. И что ж этот Владимир в былые времена поближе не основали? Вот кому сейчас претензии за плохую игру предъявлять? Владимиру Мономаху, который на Клязьме возвёл крепость или Андрею Боголюбскому, который туда перетащил столицу Руси? А может кинуть «предьяву» монголо-татарам, которые во всей этой древней истории с переносом столицы из Киева во Владимир замешаны? Между прочим, некоторые историки считают, что не было никакого ига, а была обычная междоусобица, которую потом списали на бедных монголов из далёких степей. Ну, не понимали дикие князья прошлого, что дружить, торговать и богатеть — в сто раз лучше, чем враждовать, воевать и при этом беднеть.

В раздевалке, перед выходом на раскатку, Сева Бобров вместо привычных схем на железной доске с магнитиками прикрепил турнирную таблицу, на которой уместились лишь четыре первые команды чемпионата:

И В Н П РАЗНИЦА ОЧКИ

ЦСКА (М.)	19	14	3	2	121 — 60	31
Динамо (М.)	21	13	4	4	81 — 54	30
Торпедо (Г.)	16	11	3	2	77 — 53	25
Спартак (М.)	20	9	2	9	70 — 72	20

— Посмотрите сюда, — Сева ткнул обратной стороной шариковой ручки в наше «Торпедо». — ЦСКА, «Динамо» и «Спартак» все свои игры до декабрьского перерыва уже провели. Нам же осталось ещё четыре матча. Два с «Локомотивом» и два с «Крыльями советов»...

«Двадцать пять плюс восемь получается тридцать три очка и первое промежуточное место, — услышал я, снова засыпая. — Ирина, какая пылкая девушка. Договорились, что приедет ко мне, когда у нас будут московские игры. Нужно только телеграмму дать в Ленинград, чтобы она знала, в какой гостинице я буду спать».

— Тафгаев! — Крикнул Сева Бобров. — Что я сейчас сказал?

— То, что сказал сейчас нам самый талантливый тренер в отечественном хоккее, — чётко произнёс я, оторвавшись от лавки, — не имеет значения! Нужно выходить и делать своё дело, то есть побеждать! Так не посралим Родину, мать вашу!

— Кхе, этого я не говорил, но посыл верный, не посралим, кхе, — ещё раз прокашлялся Всеволод Михалыч. — Пошли мужики на раскатку.

Хоккеисты, которые устали от всевозможных речей, облегчённо выдохнули и, взяв в руки клюшки, потянулись на выход. Я же присел обратно, и когда для меня освободилась вся длина лавки, удобно улёгся на бок и протянул ноги в зашнурованных коньках.

— Идите, идите, — похлопал по плечам Бобров тут же остановившимся спортсменам. — Я сейчас с ним индивидуально побеседую. Иван, — главный тренер потолкал меня в бок. — Ты случайно не отравился чем-нибудь, может скорую вызвать?

— Нормально Михалыч, это я так силы накапливаю перед голевым подвигом. — Я широко зевнул. — Первую серию снимайте пока без меня. Четыре шайбы, которые я должен забить всё равно на три не де...

— А ну вставай! — Гаркнул Бобров, хлопнув меня клюшкой по пятой точке. — Я тебе покажу первую серию! Я тебе сейчас устрою кинопоказ «Майора «Вихрь»!»! Ты у меня сейчас все четыре банки в первом периоде заклепаешь!

После того, как клюшка крюком плашмя в очередной раз опустилась на мой бок, подумав о том, что поспать мне всё равно нормально не дадут, я сел и протёр глаза:

— Кстати, а этот майор «Вихрь» в конце фильма оказался советским шпионом или немецким?

— Христом-богом прошу, иди, пожалуйста, на раскатку, — взмолился несчастный главный тренер.

— Вихри враждебные веют над нами! — Заголосил я, выходя из раздевалки.

Не сказать, что во время первого периода мне как-то заметно полегчало, но после того, как хоккеисты московского «Локомотива» в пятый раз моё тело впечатали в борт, радужные круги перед глазами исчезли. Осталось только вспомнить, как выигрывать вбрасывание, и начать хоть иногда цепляться клюшкой за шайбу, которая часто из поля зрения куда-то исчезала. И очень хорошо, что мои юные партнёры по звену, Александров и Скворцов старались комбинировать чаще друг с другом, чем пасовать мне, поэтому свой микроматч к первому перерыву мы отбежали вничью, 0: 0. И вообще, эти ноли под недовольный свист

трибун так и остались гореть на табло, когда мы и московские гости потопали в раздевалку, чтобы попить там чайку и послушать о том, кем на сей раз считают нас главные тренеры.

— Ползаете по льду как «сонные тетери»! — Тыча ручкой в турнирную таблицу, с пылом высказал нам Сева Бобров. — До первого места рукой подать! Так что ж вы не подаёте?

— Эх, сейчас бы Михалыч, твоего фирменного кофе бразильского. — Сказал я и похлопал себя ладонями по щекам.

— Нате, пейте оглоеды, — пробормотал Бобров, вынимая из своей сумки банку с кофе.

Друзья фрезеровщики горьковского автозавода Казимир Петрович и Трофим Данилыч, сегодня выдали двойную норму. Для этого мужики сократили обед до десяти минут, и никаких политинформаций в своей коморке, под чефир, спиртик и прочие вредные для здоровья вещества не устраивали. А всё из-за того, что мастер ремонтно-инструментального цеха Ефимка, где-то раздобыл два билета на последний в этом году хоккей, ну и устроил соцсоревнование.

— Издевается сволочь, — приговаривал Трофим Данилыч, фрезерую одну заготовку за другой.

— В военное время и не такое терпели, — подначивал его друг Казимир. — Ничего, мы только на хоккей ходим, потом на нервах Ефимки отыграемся. Специально весь квартальный план ему зарежем.

— Отольются мышке, кошкины слёзы, — сжав зубы, терпел сегодняшнюю гонку за рекордом Данилыч.

И вот на трибунах дворца спорта «Торпедо», далеко не на самых лучших местах, работники с завода после первого периода растерянно смотрели друг на друга.

— Казимир, а это чего сейчас такое в первом периоде было? — Почесал затылок, чувствуя, что его жестко надули Трофим Данилыч. — Это вот за это мы сегодня жилы рвали? Без спиртика и политинформации? Да я, может быть, спокойно заснуть не могу, если не узнаю, какая в мире идёт с мировым империализмом борьба!

— Может ещё разбегаются? — Задумчиво протянул Казимир Петрович. — У меня с молодой женой тоже иногда такое случается, но потом как разыграемся... В общем, даже молодые позавидовать могут.

— Да я сейчас жалобу министру советского машиностроения накатаю, если они не устроят тут то, что ты вытворяешь с молодой женой под одеялом дома! — Данилыч встал с места и громко свистнул, когда на лёд выехали игроки в новеньких оранжевых свитерах с красивым логотипом кота с одной стороны и в стареньких беленьких хоккейных фуфайках без логотипа с другой.

— «Коты» дави «паровозов»! — Заорал какой-то болельщик с соседнего места и тоже свистнул, сунув два пальца в рот.

Потом главный судья под выкрики и недовольный свист трибун произвёл вбрасывание в центральном круге и шайбой тут же завладели эти самые «коты». И действительно начался самый настоящий штурм ворот московских железнодорожников.

— Молодец Бобёр вставил нашим обалдуям куда следует, вот они и забегали, — удовлетворённо крикнул Трофим Данилыч, присев на место.

«Первую смену отыграл на своём уровне, — подумал я, переводя дух на лавке. — Сейчас

бы ещё забить, и совсем станет хорошо».

— Иван, а ты чем ночью-то с Ириной занимался? — Ухмыльнулся «Малыш», который не ожидал, что я буду в такой неважнецкой форме.

— Вообще о таких вещах нормальные мужики не треплются — это раз. Песни новые сочиняли — это два и как крикну, сразу пасуй на меня — это три. — Я посмотрел на главного тренера. — А не то мне Бобров, если четыре банки не заклепаю, всю плешь проест.

— Смена! — Скомандовал Всеволод Михалыч.

Московская хоккейная команда «Локомотив» была одной из старейших в стране. Возможно, она звёзд с неба не хватала, но уверенно давал бой фаворитам. А в 1961 году вообще финишировала на третьем месте. Были у железнодорожников Москвы в 60-е годы достижения и на международной арене. Они взяли два кубка Шпенглера и один кубок Бухареста. Но сейчас шли уже 70-е, которые отправят хоккейный «Локомотив» на самый далёкий запасной путь. Так как талантливых игроков оттуда нещадно тащили. Например, ЦСКА прикарманил Бориса Михайлова и Женю Мишакова, «Спартак» увёл Евгения Зимина а «Динамо» цап-царапнуло вратаря Сашу Пашкова.

Но горькая участь в будущем пятой московской команды или «пятого колеса», как ещё называли «Локомотив», нас по большому счёту не волновала. Тем более меня, потому что мне нужны были шайбы, горьковскому «Торпедо» — очки, Севе Боброву — тренерская слава, а зрителям на трибунах — только победа.

— Скворец, пробрось по борту! — Крикнул я, ворвавшись в зону атаки справа, оставив за спину шайбу Сашке Скворцову, с которым мы разыграли «паровозик».

Затем я ломанулся на пятак, сметая всех, кто встал на пути, кого-то при этом опрокинул на лёд, а кто-то успел, падая заехать мне рукой в глаз. Но шишки и синяки считать буду потом, сейчас хотелось считать голы и результативные передачи. Борька Александров сразу разобрался в том, что мы задумали, и поэтому слева по большой дуге объехал всю защиту «Локомотива», и уже за воротами в касание переправил шайбу, которая неслась вдоль борта мне на пятак. К сожалению, вратарь гостей Валера Зубарев успел сунуть клюшку под прострел «Малыша» и резиновая шайба подскочила вверх на полметра. «Бить с лёта или не бить?» такой вопрос даже не стоял перед моими воспалёнными бессонницей мозгами. Я махнул клюшкой почти на удачу, и шайба с огромной скоростью вонзилась в сетку ворот москвичей, 1: 0.

— Гооол! — Долгожданно запрыгали зрители на трибунах, а музыканты за воротами вжарили «Personal Jesus» из «Depeche Mode».

— Вот это уже что-то, — встретил нас у скамейки запасных улыбающийся Сева Бобров. — Мужики! Нужно ещё одну забить. За котов!

Однако «Локомотив» команда опытная и так сразу она не посыпалась. Железнодорожники наоборот ещё сильнее окопались около своей зоны и продолжили терпеть наши наскоки в вязкой защите в надежде на контратаку.

— Кулик, — перед вбрасыванием в зоне «Локомотива» я, прикрыв рот рукой, сказал защитнику Саше Куликову. — Сейчас переведёшь на Гордея, и рви на пятак, будем вместе шайбу заталкивать.

— А чё сам? — Заупрямился Куликов, который рисковать в защите не хотел.

— Не видишь, «паровозы» висят как макаки на моих руках, — обозлился я. — Голы хером прикажешь забивать? Двигай булками, не ленись!

Я встал на точку и посмотрел на рижского судью Пликшкиса, как на своего кровного

врага. Сколько можно позволять эту вольную борьбу? Ладно, когда один за руки держит, так второй защитник приноровился хватать мою клюшку и сжимать её у себя под мышкой.

— Товарищ судья, — сказал я, вспомнив какое-то латышское ругательство, этому Пликшкису, пока готси не спеша проводили смену своих игроков. — Они мою клюшку «кура», «кура», мать твою, что ж ты не свистишь?

— Йохайды играй давай, — улыбнулся рижанин.

«Что значит эта ойхайды?» — подумал я, выигрывая вбрасывание и вламываясь на пятак к воротам гостей, при этом получая удары в корпус и отвешивая их взамен.

— Отцепись от клюшки сука! — Зло зашипел я на находчивого железнодорожника. — Это тебе не рельса и не шпала! Отцепись, убью!

Но лишь через несколько секунд, когда на подмогу ворвался в самую горячую точку на хоккейном льду Саша Куликов и толкнул в плечо наглого москвича. И я, наконец-то, смог почувствовать себя не борцом без клюшки, а хоккеистом с клюшкой. Не ожидая такого смелого рейда к чужим воротам своего напарника, второй наш игрок обороны Вова Гордеев быстрее передал шайбу на левый борт «Малышу». А Боря уже при получении шайбы ловко обманным финтом убрал защитника гостей, и набросил её на ворота. Снова пришлось бить с лёту. Слава, советскому спорту, я попал и по шайбе и шайбой в ворота, 2: 0. Второй наш успех трибуны встретили уже не так бурно, потому что к хорошему быстро привыкаешь.

— Вы чего там устроили? — Кинулся вместо поздравлений обвинять меня Сева Бобров. — А если бы защитника обрезали? А?

— Михалыч, ты скажи лучше этому «кура йохайды» со свистком, чтоб он хоть чуть-чуть с захватом клюшки боролся, нервы же на пределе, убить могу! — Зло выпалил я и уселся отдыхать, потирая ушибленный глаз.

Не знаю, что дальше произошло, не обратил внимания, отвлёкся, может судья сделал устное внушение, может гости сами решили, хватит искушать судьбу, но «паровозы» от клюшки моей отцепились. И вообще игра постепенно пошла на встречных курсах. «Локомотив», разозлившись сам на себя, попёр на ворота Коноваленко.

«Вот такой хоккей я люблю», — радовался я, когда в следующей смене мы поймали москвичей на контратаке. Я длинным пасом отправил «Малыша» в прорыв и сам тоже поспешил следом. А Боря сегодня был в ударе. Накрутил двоих так, что любо дорого было смотреть. И буквально через пару секунд на одинокого вратаря гостей Зубарева мы выскочил вдвоём, Скворцова в это время жестко приняла на корпус, и нарушение это судьи вновь пропустили. Александров показал, что сделает пас на меня, уложил вратаря на лёд, и вместо того, чтобы катнуть шайбу в пустые ворота отдал мне! Я от неожиданности чуть не промахнулся. И хорошо, что этого не произошло. Красный фонарь вспыхнул, а табло отобразило уже приятные глазу цифры — 3: 0.

— Артисты мюзик-холла! — Бросил недовольно Бобров, когда мы вернулись на скамейку запасных.

— Михалыч, так организуй гастроли за рубежом, джинсами затаримся, магнитофонами, правда, мужики?! — Под хохот всей команды ответил я.

— Аха, танец белых голубей, — пробубнил Всеволод Михалыч.

— Рассчитаемся, — улыбнулся я, похлопав «Малыша» по каске. — Честно, не ожидал.

— Тебе сегодня нужнее, — расплылся в открытой симпатичной улыбке юный мастер прорыва.

После этой третьей шайбы «Локомотив» подсудулся. Вперёд большими силами больше

не лез, а в защите вновь включил свою неприятную вязкую с множеством зацепов защиту. А когда до конца второго периода оставалось ещё сорок секунд, почётные железнодорожники «допросились». Рижский судья «кура йохайды» Пликшкис свистнул задержку клюшки на нашем центрфорварде Саше Федотове и оставил москвичей вчетвером. На розыгрыш большинства Сева Бобров бросил мою пятёрку, наверно решив, что защитник Куликов вполне сойдёт за нападающего. Кстати, правильно решил, потому что именно после его пушечного выстрела я затолкал четвёртую шайбу в ворота, попавшего под раздачу, «Локомотива».

Как я пришёл в раздевалку на второй перерыв, честно, запомнил смутно, так как когда меня поздравили с «покером», так в хоккее называют четыре забитых гола, мой организм начал медленно, но верно вырубаться. И пока хоккеисты в раздевалке пили чай, травили байки и соображали, где сегодня собраться, чтобы отметить последнюю домашнюю игру этого года, я лег на массажный стол и уснул.

Мне снились мягкие губы Ирины, её большие серые глаза, нежные руки, а потом вдруг в сон ворвался директор завода «ГАЗ» Иван Иванович Киселёв и заорал:

— Какая сегодня замечательная игра! Какие вы большие молодцы! Банкет за мой счёт! А Тафгаев ну просто... А чего же он у вас здесь спит? — Спросил директор.

На что во сне появился Сева Бобров и ответил:

— Это у нас новый способ настройки хоккеиста на нужный результат. Внушаем спящему человеку, сколько он должен в игре забить. Новая разработка советской спортивной медицины.

— Да? Тогда, не будем его будить, — тихо сказал директор и ещё раз напомнил шёпотом про сегодняшней банкет в ресторане.

Банкет в ресторане «Волна», лично мне напомнил День рождения маленького ребёнка, который сидит в углу и ковыряет в одиночестве новые игрушки, а за столом родители и их друзья с музыкой, танцами и алкоголем веселятся. Так и здесь, наша команда скромно попивала сок и минералку, заедая её бутербродами и маленькими салатиками, а директор завода, представители Обкома и Горкома, и другие важные почётные товарищи гуляли. Среди пирующей «важнаты» я заметил и Василька с «принцессой» Снегирёвой. Она капризно морщила носик, а мой бывший сосед по комнате метался в поисках лучших угощений и напитков. «Всё что не делается всё к лучшему», — улыбнулся я, кивнув знакомой парочке.

— Иван, — подошёл ко мне директор завода Киселёв с фужером шампанского. — Всё спросить хочу, почему ты на третий тайм-то не вышел?

Я посмотрел на посмеивающегося Севу Боброва, который мне уже успел рассказать, что произошло в перерыве перед третьим периодом, и немного помявшись, ответил:

— Советская спортивная медицина, Иван Иванович, мучительно ищет пути расширения способностей человека, но не всегда находит. Вот и в этот раз, что-то во сне пошло не так. Будем пробовать дальше, я прав?

— Знаешь, — задумался директор. — А давай играть по старинке, ну их, эти научные эксперименты.

— Не знаю, не знаю, не думаю, что прогресс возможно остановить, — кивнул с очень серьёзным видом я. — Вот если вы мне квартиру дадите, то я с этими академиками при встрече по-другому поговорю.

— Понял тебя, — коротко ответил Иван Иванович и побежал к более важным гостям.

А в это время на сцену под оглушительные аплодисменты поднялся заводской ансамбль «Высокое напряжение».

— Всё, что в жизни есть у меня! — Улыбаясь пьяненькой кривой улыбкой, объявил уже хорошенький Колян, которому видать сегодняшней матч очень хорошо зашёл.

Гитаристы ударили по струнам, барабанщик палочками брякнул по барабанам, а продуманный пианист Савелий хлопнул по клавишам и пошла настоящая веселуха, с которой команде нужно было от греха по-тихому лить. Ведь через три дня в Москве нас уже поджидали «Крылья советов» со спаренной игрой и первая сборная СССР, и не дай Бог кто-нибудь сейчас не утерпит и пустится в разнос. Во-первых, я уши оторву, во-вторых, Бобров из сборной выгонит, и в-третьих, ещё что-нибудь потом придумаем.

— Неплохо сыграли, — сказал Сева Бобров, остановившись рядом со мной. — А как Боря Александров заиграл? И окреп, и поуменел. Во втором периоде три раза отдал тебе на крюк, а в третьем две обещанные забил и ещё одну передачу выложил Скворцову. Разгром 7:0 — это уже не шуточки.

— Я, Михалыч, иногда на «Малыша» смотрю, вот по стилю — вылитый Тёма Панарин. Тот же правый хват, те же габариты, резкий, задиристый. — Поддакнул я, выискивая на столе какой-нибудь бутерброд с мясной нарезкой.

— Панарин? — Задумался Бобров. — А он тоже, что ли в Усть-Каменогорске играет? Так давай его к нам перетащим, поставим его к Свистухину в третью тройку нападения, а дальше посмотрим, как он себя проявит.

— Что Михалыч говоришь? — Я нашёл взглядом хороший кусочек окорока и насадил его на вилку. — Кого ты хочешь ещё перетащить?

— Я говорю Панарина твоего к нам в «Торпедо», чего он там, в Казахстане забыл? — Бобров посмотрел на бутылку конька и выразительно прокашлялся.

— В этом сезоне точно не получится, пусть Тёма чуть подрастёт, но потом в будущем, летом, если время будет, вместе съездим, может он нам ещё не подойдёт, — улыбнулся я, проклиная себя за забывчивость. — Всеволод Михалыч, пора команду уводить на перерыв. Как ты считаешь?

— Как бы не сорваться, — задумчиво, пробормотал Бобров. — Выгоняй народ на улицу, автобус давно ждёт!

Утром во вторник 7 декабря наши полусонные тела автобус привёз в знакомую уже московскую гостиницу «Юность». Конечно, отсюда мотаться было неудобно на Ленинградский проспект в ледовый дворец ЦСКА, где нам предстояли две спаренные игры с «Крыльями», игра с первой сборной СССР и ещё один матч с московским «Локомотивом», но ходить по первому утреннему снежку на тренировки во дворец спорта «Лужники» было комфортно. Да и к тому же начальник команды Йося Шапиро сказал, что в гостиницу «Аэрофлот» поближе к домашней арене московских армейцев наше «Торпедо» селить категорически отказались, мотивирую это тем, что стюардессам пилотам самолётов тоже нужен полноценный отдых. Лично я сделал вывод такой, что министерство машиностроения и министерство гражданской авиации элементарно не сошлись характерами. Правда, почему чиновники решили, что советской стюардессе муж хоккеист не пара — осталось загадкой.

— Вы мальчишки у нас скоро здесь пропишитесь, — улыбалась приветливая женщина на стойке регистрации, принимая наши паспорта.

— Не успеем, — подмигнул работнице гостиницы Свистухин. — Через девять дней уже летим в Финляндию. А чем вы вечерочком занимаетесь?

Мне же опять поплохело, и в голове завертелась и закружилась, непонятно откуда взявшаяся там «метель завихруха». Я сразу же присел за невысокий журнальный столик в холле гостиницы, предварительно отдав свой паспорт «Малышу».

Вот что значит для советского человека выезд в кап. страну! Сразу нервы напрягаются, словно натянутая струна. Но не в одних нервах дело, вчера по-быстрому, чтобы бдительное правительство выпустило «за рубеж», меня задним числом приняли в комсомол. В тот самый настоящий Ленинский. И уже почти полностью успокоившийся голос в голове «взорвался», дождавшись долгожданного комсомольского билета и значка. Начало было безобидным — крики, революционные песни, а потом весь мозг обожгло огнём так, что я чуть не рухнул «от радости» на пол. Затем меня долго тошнило и мутило. Само собой нашей комсомольской ячейке сказал, про магнитные бури, про неудачные дни в гороскопе и ещё, что отравился компотом из несвежих сухофруктов в столовой. В общем, тогда от меня отвязались, тем более вечером мне было уже намного лучше.

А сегодня в гостинице опять началось помутнение. Поэтому после оформления документов на ресепшене я почти как в тумане добрёл до своего номера. И тут же побросав вещи, ключики и хоккейную форму в бауле на пол, прямо в одежде рухнул на кровать. А немного напуганному Боре Александрову сказал, чтоб завтракать шёл без меня, мотивируя это разгрузочными днями, так как перекачался в тренажёрке и теперь должен немного «подсушиться», чтобы скорость на льду не пропала.

— Может Тамаре сказать? — Заволновался мой юный друг. — Пусть вколет тебе витаминов. Как ты в таком виде завтра играть будешь?

— Всё нормально, — пробормотал я. — Отлежусь часок, другой и всё пройдёт. Бобров же домой к жене уехал, вот и славненько. Никому ни слова.

«Малыш» пожал плечами, зачем-то потрогал мой лоб и пошёл в ресторан, ведь он от большого на всю голову голоса в голове не страдал, а вот аппетит в последние дни у Борьки разыгрался, что надо. Как признался он — от волнения из-за скорого выезда в капиталистические страны: Финляндию и Швецию, о которых даже в газетах ничего не

читал.

«Что же это со мной? — подумал я, переворачиваясь с боку на бок. — Температуры нет, озноба, что бывает при гриппе, тоже. В голове полная тишина, хотя вчера перед сном специально никаких статей этих ленинских не читал. Откуда же головокружение и слабость? Неужто помираю в самом рассвете лет и хоккейной формы? Кстати о форме, я же в гонке бомбардиров, после четырёх шайб «Локомотиву» вышел на третье место. Первый на сегодня Харламов, у него 21 шайба и 12 результативных передач, второй Викулов, у него 24 шайбы + 6 ассистов, а у меня 21 + 9 и ещё целых три игры в запасе. С ума сойти, о чём я перед смертью думаю!»

И вдруг я провалился в глубокий и странный сон. Первое что увидел, это свои маленькие детские ручки, которыми я мну пластилин. Соединил все брусочки синий, зелёный, белый, чёрный и жёлтый, и перемешиваю их в однородную серую массу. Нелёгкое это занятие даже для подростка, а я, сидя на полу, упрямо мну и слышу за спиной разговор своего деда с соседом, который жил через забор.

— Никогда я особо ни во что не верил, — говорит дед. — Нет, на фронте, конечно, случалось всякое, и люди умирали от простой царапины и наоборот выживали после страшных ранений. Но чтоб совсем чудо какое произошло, такого не встречал.

— Давай по маленькой, за то, что живы остались, — предложил сосед, когда я повернул своё детское личико и увидел за столом двух крепких не совсем ещё старых мужчин, комнату, в которой прошло моё детство, часы ходики с кукушкой на стене.

«Сколько же мне сейчас во сне лет? — прилетела сразу мысль. — Пять или шесть? Помню, был какой-то пластилин, потому что других игрушек не было. Обалдеть».

Мужики же в это время закусили чем-то, мне, мелкому, из угла комнаты, сидя на полу, не разглядеть и дед, разомлев от «беленькой» разоткровенничался:

— Помнишь, я одно время животом мучился? Осколок какой-то с войны не дорезали, вот он и гулял у меня внутри. Когда же это? — Дед почесал затылок. — Как сейчас помню, дело было 7 декабря 1971 года. Операция нужна срочная, но операция это так — ерунда, она бесплатная. Деньги нужны на лекарство заграничное. Название у него мудрёное, да и не в том суть. Этот мелкий, года ещё нет, — дед кивнул на меня, — моя же без мужики родила, денег в доме ни копейки, а нужно тысячу рублей.

— А занять? — Предложил сосед, но потом подлил себе водочки, тяжело вздохнул и признался. — Хотя тут трёшку в займы не перехватишь, не то что тыщу.

— А я о чём, — дед отказался от водки и продолжил. — Надел я на себя всё свежее, стиральное, чтобы в гроб потом не клали в ерунде какой-нибудь. Ордена, медали это всё в комодке оставил, зачем они на том свете? Логично? Лёг, жду. Дочь моя тихо плачет, а Ванька спит, он вообще спокойный родился, ни крика от него, ни слёз не дождёшься. И тут Рыжик за окном загавкал и раздался звонок от калитки в дверь.

— «Костлявая» с косой пришла? — Напрягся сосед.

— Почтальонша газету принесла, — криво усмехнулся мой дедуля. — Дочь выбежала, возвращается обратно, а кроме газеты у неё в руках конверт без марки и адреса. Говорит, что в ящике почтовом лежал, заметила, когда с почтальоншей прощалась.

— Ну? Что в конверте-то? — Заёрзал от нетерпения на стуле сосед.

— Деньги, тысяча рублей, рублик к рублику. — Дед аж встал с табурета и нервно прошёлся взад и вперёд. — Кто оставил? Почему? Как вообще узнали, что деньги нужны на лекарство это заграничное, непонятно? А если по ошибке положили? А? Тут хочешь, не

хочешь, а поверишь во всякое сверхъестественное. Во как! Давай ещё по одной и всё, работать надо, халтурка у меня. Один ведь Ваньку своего поднимаю.

— Понятно, дочка-то на БАМ усвистала мужа искать, зачем ей теперь «прицеп»? — Недовольно кивнул сосед, глядя на меня.

«Сибирский цирюльник! А дед ведь упоминал и не раз про эту чудную историю, только сумму не называл и день, когда деньги какой-то неизвестный ему в почтовый ящик подложил. Спас тем самым от верной смерти, и не только его, но и меня», — подумал я и тут же проснулся. В следующее мгновение чёткое осознание того, что я должен сейчас срочно предпринять шарахнуло по мозгам как паровой молот.

«Какой сегодня день? — Я бросил взгляд на настенный календарь, который специально администрация гостиницы размещала в каждом номере, чтобы рассеянные командировочные день своего отъезда не проворонили. — 7 декабря, 1971 года! Это же сегодня вечером деньги должны у моего деда оказаться в почтовом ящике! Иначе сначала умрёт он, а затем и мелкому мне придётся не сладко, если вообще выживу». Недомогание, которое ещё несколько минут назад меня валило с ног, полностью куда-то испарилось. Я вновь был здоров и энергичен, хоть прямо сейчас на лёд! «Стоп! А сколько у меня есть налички?» — я распахнул сумку, порылся и вытащил кошелёк, все деньги из которого высыпал на кровать. Далее трясущимися от волнения руками пересчитал бумажные купюры. Вышло — тысяча семьдесят рублей с мелочью. То есть если бы не картёжные шулеры, которых я растряс в поезде, и если бы я польстился на джинсы за двести «рэ», то чтобы тогда произошло, даже думать не хотелось. Нет, я, конечно, смог бы занять эти недостающие шестьсот рублей у парней, но драгоценное время упустил бы.

«Кстати, сколько сейчас? — я посмотрел на «ЗиМовские» старенькие наручные часы. — Половина десятого! До Твери, точнее до Калинина, так город сейчас называется, расстояние примерно 160 километров. На такси за три часа точно доеду».

В этот момент в комнату вошёл довольный завтраком Боря Александров.

— «Малыш», выручай, сейчас бросишь баул с хоккейной формой мне под одеяло, и всем кто будет интересоваться, скажешь, что я выпил снотворного, сплю. Если проснусь — уши откручу!

— А ты куда? — Насторожился паренёк.

— Нужно срочно помочь одному очень хорошему человеку. Вопрос жизни и смерти! Вечером буду как штык!

Конверт без адреса и марки я взял на стойке регистрации на первом этаже гостиницы, там же и вызвал такси. Только водитель попался вредный, еле-еле уговорил его за пятьдесят рублей сгонять до Калинина и обратно. Половину дороги вперёд он ныл и жаловался на свою несчастную загубленную жизнь. Говорил, что с первой женой развёлся из-за нестыковых характеров, а новая молодая жена теперь пилит, что денег мало приношу. Утомил меня нытьём до невозможности! Пришлось доплатить ещё пятёрку, чтобы скрасить страдания горемыки-водителя и заставить его помолчать.

Когда же такси въехало в частный сектор Калинина на родную улицу, состоящую из почерневших деревянных домиков, то даже комок подкатил к горлу. В детстве казалось всё таким большим, улица широченная, дома высоченные, сарай дедовский — просторный и прочный, как средневековый замок. А сейчас всё какое-то мелкое, покосившееся, и на улице две машины вряд ли разъедутся.

«Кстати, крышу бы неплохо починить, — подумал я, вылезая из машины с пашечками и

осматривая своё неважноецкое «родовое гнездо». — Сейчас Рыжик заблажит, он у нас всегда любил на прохожих погавкать. Ну, ничего, конверт быстро брошу и бежать». Однако злющая собака огненно-рыжего окраса не залаяла. Наоборот Рыжик заскулил, запрыгал и замотал хвостом словно Карлсон пропеллером.

«Признал бродяга! — удивился я, сунув конверт в покрытый ржавчиной старый почтовый ящик. — Как же это он смог, если я меньше года назад родился? Нет, животные хоть и не говорят, но иногда что-то такое чувствуют, чего мы, люди, не унюхать, не разглядеть не в состоянии».

— В следующий раз пожрать чего-нибудь привезу. Сегодня впопыхах забыл. — Тихо пообещал я рыжему псу, бросив прощальный взгляд на дом далёкого своего беззаботного детства.

— И это всё? — Удивился водитель, сдавая на машине назад. — Мы три часа тряслись, чтобы бросить конверт в почтовый ящик? Почта же есть!

— Почта-то есть, но иногда время идёт на часы, и даже на минуты и на секунды. Кстати, «шэф», сейчас ещё нужно на телеграф завернуть, телеграмму в Ленинград напечатать, — я уселся на пассажирское кресло с таким облегчением, как будто бетонная плита упала с плеч.

Странные кружева иногда плетёт судьба, мой дед умрёт в начале нулевых, и до самой кончины будет ломать себе голову, кто же его тогда в 1971 году спас, оставив в ящике странный конверт с деньгами без адреса и почтовой марки? Всё мучился, не зная кого благодарить. А, в самом деле, кого благодарить, что я сейчас в 71-ом году играю в хоккей? Что какой-то фарцовщик вместо джинсов и электроники привёз в уездный Калинин ампулы с заграничным лекарством и в эти самые дни предложил их знакомому врачу? Кто вообще передвигает невидимой рукой шахматные фигуры на доске под названием жизнь?

— О чём задумались товарищ Тафгаев? — Спросил шофёр, устав молчать, уже на обратной дороге в Москву. — О хоккее? Я ведь болельщик со стажем, с детства за ЦСКА переживаю. За что же вы в этом сезоне моим две баранки организовали?

— Не правильно ты вопрос формулируешь, да и задаешь его не тому человеку, — усмехнулся я. — Ты лучше в «Советский спорт» напиши, спроси, почему ЦСКА, который на всех в стране наводит ужас, уже дважды уступил простой заводской команде из Горького? И куда смотрит товарищ Тарасов в преддверии Олимпиады в Саппоро?

— Ясно куда смотрит Анатолий Владимирович, — зло цыкнул водитель такси, — в будущее! А с вами мы поквитаемся 12 января, я этот день на календаре в кружочек обвёл красным карандашом, и на стадион приду обязательно. Разобьём ваше «Торпедо» в пух и прах.

На этих словах машину тряхнуло, и мы чуть-чуть не вылетели с трассы. «Водила» вовремя ударил по тормозам и с опаской посмотрел на меня. И хорошо, что на дороге было пусто, и никто не воткнулся нам в зад. А так бы до светлого будущего не доехали бы, или доехали бы, но не все.

В гостинице «Юность» я появился злым и голодным уже ближе к ужину. Как мне надоел этот таксист за время дороги. То ему наш хоккей не нравится, то жена молодая не так хороша, как рисовало до момента совместной жизни воображение. Но как он не ныл, больше я ему ни копейки не подкинул. Наоборот пригрозил, что старую премию в виде пяти рублей сейчас отниму, если он не заткнёт «своё автордио». Между прочим, угроза отнять премию

подействовала даже лучше, чем её добавить, поэтому я час успел в машине спокойно поспать.

Неожиданно для всей команды в ресторан гостиницы прибежал взволнованный главный тренер Сева Бобров. Выгнал из-за моего столика Вову Ковина и сам уселся на его место. Кто-то видать уже стукнул из лучших побуждений, что Тафгаев, то есть я, опять ведёт себя странно. Весь день спит, на завтраке не был, на часовую тренировку на льду не явился и ещё к тому же обед пропустил.

— Посмотри мне в глаза, — зашипел Сева Бобров. — Ты вообще здоров? Завтра играть-то сможешь?

— Партия сказала — надо! Комсомол ответил — есть! — Я ткнул пальцем на маленький значок на лацкане пиджака. — Была бы шамовка, что надо, и было бы куда присесть! Завтра у меня эти московские «Крылья» так полетают, что потом борта менять придётся. Гарантирую.

— Давай без порчи казённого имущества обойдёмся, — закричал Всеволод Михалыч. — Завтра сыграть нужно простенько, но со вкусом. Ясненько? И вот ещё что, после игры дашь интервью газете «Труд». Огромная просьба, не ври хоть нашей всесоюзной прессе, остановись, одумайся.

— Это когда я врал-то в последний раз, Михалыч? — Я отодвинул в сторону тарелку, где минуту назад была яичница, и принялся за салатик с курицей. — Скажу корреспонденту всё как на духу, конечно, исключительно в рамках социалистического реализма.

— Когда ты врал? — Опешил от моей наглости Бобров. — А кто меня вчера утром обрадовал, что мне вручён орден «Почётного машиностроителя 3-ей степени»? К которому прилагается премия в две тысячи рублей и бесплатная путёвка на юг на одну персону! Ходит, значит, вся команда по очереди меня старого дурака поздравляет, руку мне жмёт. Нужно только на завод срочно к директору сгонять, чтоб расписаться в ведомости. Я чуть от стыда не сгорел, когда в заводоуправлении узнал от самого Ивана Ивановича Киселёва, что такого ордена не существует. Ты мне скажи, когда ты не врал? А вы чё обалдуи смеётесь? — Шикнул главный тренер на Александрова и Скворцова, которые сейчас сдерживались из последних сил. — Только попробуйте завтра проиграть! Из второй сборной живо вычеркну, и назло вместо вас наберу ребят из «Крыльев».

— Не получится Всеволод Михалыч, — я выдохнул, оторвавшись от костных останков курицы. — Документы в Финляндию и Швецию уже не успеете переоформить. Рискуете нарваться на дипломатический скандал и уронить почётное знамя Советского спорта.

— Я это знамя сам подымал, имею право разок и уронить, — пробурчал Сева Бобров.

Хоккейный клуб «Крылья советов» достойно представлял профсоюз работников авиационной промышленности с самого момента своего основания, с 1947 года. А в феврале 1951-го «Крылья» вообще попали в историю, в том смысле, что первый телевизионный репортаж в Советском союзе состоялся именно с матча этой профсоюзной команды и московского «Динамо». В тот исторический день они бились в полуфинале первого кубка СССР по хоккею. И между прочим «Крылья» тогда обыграли «Динамо» 4: 3, а в финале с тем же счётом одолели и команду ВВС МВО, в которой был играющим тренером наш Всеволод Бобров.

Затаил наш главный тренер обиду на «Крылья советов» с тех далёких времён или нет, лично я не разобрался. Да и некогда было рефлексировать. В первом и во втором периодах

пятёрка Саши Федотова воткнула в ворота хозяев пять безответных шайб. Отличился два раза наш капитан и комсорг Лёша Мишин, дважды Толя Фролов и один раз забросил уже сам центральный нападающий Александр Федотов. Я же со своими «пионерами» гонялся эти две двадцатиминутки за тройкой московских нападающих Лебедевым, Анисиным и Бодуновым. Все трое резкие, шустрые, техничные. Недаром в 1974 году Вячеслав Анисин станет лучшим бомбардиром первенства, вся тройка получит почётный приз «Три бомбардира» от газеты «Труд», а сами «Крылья советов» выиграют во второй и в последний раз чемпионат СССР по хоккею. Если, конечно, будущее к тому моменту не изменится.

Перед третьим периодом Всеволод Михалыч важно прохаживался по раздевалке и украдкой бросал торжествующий взгляд на мою юную тройку. Севу так и подмывало поставить мне в укор отличную игру наших ветеранов, но видя, как с меня ручьём льётся пот, он этого делать не стал. Во-первых, не каждую игру мне забивать по четыре шайбы, а во-вторых, кто-то же должен был сдерживать основную ударную силу команды хозяев. Тем более что при игре на выезде преимущество хозяйского льда в том и заключается, что они смену пятёрок производят вторыми. То есть главный тренер «Крыльев» Борис Кулагин сознательно сам бросил пятёрку Анисина против моих ребят, надеялся, что я буду Вячеслава жёстко встречать в корпус и получать удаления, а я этого делать не стал. Каким-то шестым чувством догадался, что сегодня ко мне будут слишком равнодушны московские судьи Захаров и Хомутильников.

Поэтому в третьем периоде Кулагин поменял тактику. Пятёрка Анисина вышла в первой же смене против пятёрки Свистухина. И он тут же нарушил правила. Причём Николаас свистнули стандартный зацеп, который в каждой игре делают безнаказанно десятки раз хоккеисты всех стран мира.

— Вот, Михалыч, почему я сегодня такой смиренный, — криво усмехнулся я, готовясь выйти в бригаде меньшинства.

— Интересно девки пляшут, — пробормотал задумчиво Сева Бобров. — Поаккуратней там, в защите. Фёдоров, Куликов, Смагин и Тафгаев на лёд!

Наша новая бригада меньшинства наигрывалась на тренировках немного в другом составе, но раз Коля Свистухин присел в бокс для штрафников, за товарища пришлось отдуваться Володе Смагину. Не зря из него прошлый главный тренер Александр Прилепский пробовал сделать защитника, оборонительные навыки у Володи были на хорошем уровне. Кулагин же отрядил реализовывать численное преимущество защитников Гущина и Шаталова, и тройку нападения Лебедев, Анисин и Бодунов.

«Поаккуратней значит в защите, — подумал я, выигрывая у Анисина вбрасывание в своей зоне. — Сейчас я, Михалыч, тебе сделаю, поаккуратней».

— Вышли из зоны! — Гаркнул я скорее для порядка, когда шайбу через правый борт выбросил к воротам москвичей защитник Саша Куликов.

Мы буквально за пару секунд выстроились клином, трое игроков на нашей синей линии и выдвинутые вперёд я ближе к центральной красной черте. Нападающий «крылышек» Лебедев перевёл шайбу на Бодунова, который ускорился по нашему левому флангу и резко отпасовал на ход своему центральному нападающему Славе Анисину. Вот чего я ждал целых два периода!

«Ну, здравствуй Слава!» — мелькнула мысль в голове, когда я жестко принял на корпус быстрого и маневренного хоккеиста. Три тысячи зрителей на трибунах, которые уже очень хотели домой, так как любимая команда безнадёжно проигрывала, разом подскочили со

своих мест. Ведь Слава Анисин пролетел не меньше трёх метров, после соприкосновения с моей ста десяти килограммовой тушей. Ведь мои мышцы знатно распёрло за последние дни работы на тренажёрах. При гладком приземлении на лёд Слава потерял клюшку и хоккейные краги, зато коньки, намертво примотанные изолентой, остались на ногах, и каска кожаным ремешком впиалась в подбородок. Московский судья Захаров, сначала одной рукой потянулся за свистком, но свистеть команде, играющей и так в меньшинстве, за чистейший силовой приём не решился.

Но лично я на одном «хите» останавливаться не захотел. Что называется, разыгрался, пропитавшись стахановским духом социалистического соревнования. Шайба-то в отличие от самого нападающего отлетела недалеко, и на неё тут же бросился другой хоккеист «крылышек» Саша Бодунов. Комплекция у него была что надо, рост за метр восемьдесят и масса тела под восемьдесят. Но у меня-то сто десять килограмм. Небольшое ускорение и уже Бодунов почувствовал ту мощь, с которой повстречался немного ранее его партнёр по тройке нападения.

— Да, б...ь! — Почти хором заорали болельщики на трибунах.

И тут же мстить за партнёров на меня бросился защитник Юра Шаталов, хоккеист смелый, но с такими скромными габаритами, что даже бить его стало страшно, — а вдруг посадят? Поэтому я схватил смелого хоккеиста за грудки, дёрнул вниз, а затем аккуратно, чтобы не раздавить придавил его сверху ко льду. Вот за эту невинную потасовку мы с защитником Шаталовым и получили по две минуты.

А после такой весёлой силовой встряски игра вкатилась в самое спокойное мирное русло, так как хозяева справиться с нами не могли, а мы дожимать своего противника уже не хотели. На табло так и остался прежний счёт, 0: 5, когда мы пошагали в раздевалку.

— Странное судейство, Михалыч, — сказал я, дождавшись главного тренера в подтрибунке. — Неужели и «Крылья» могут звякнуть куда надо?

— «Крыльям», которые застряли в середине таблицы это ни к чему, — отмахнулся Сева Бобров. — А вот «Динамо», за которым КГБ и ЦСКА, за которым министерство обороны.. Ну, чё я буду зря говорить, не маленький дальше сам догадаешься.

В раздевалке Бобров к металлической доске магнитиками прикрепил листок с турнирной таблицей, где были лишь три первые команды чемпионата:

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
ЦСКА (М.)	19	14	3	2	121 — 60	31
Динамо (М.)	21	13	4	4	81 — 54	30
Торпедо (Г.)	18	13	3	2	89 — 53	29

— Молодцы мужики, горжусь вами, сыграли сегодня при очень странном судействе показательно. — Сказал Всеволод Михалыч, указывая на таблицу. — Завтра нужно будет так же с «Крыльями» повторить и догнать ЦСКА по очкам. А сейчас можете отдыхать.

— Те, кто сегодня в ресторане будет хлебать пиво, вино или ещё что покрепче, — со своей лавки неожиданно встал Коля Свистухин. — Знайте, я вам руки не подам. Может быть, такого шанса, чтобы выиграть медали чемпионата, у нас больше в карьере и не будет.

— Оказывается, не зря я тебе Николай уши-то оттягивал, — под хохот мужиков высказался и я.

Вечером, перед встречей с московским журналистом в номере я ещё раз принял душ и внимательно посмотрел в зеркало на свое хоккейное отражение. Под глазом жёлтым цветом красовался бланш, на подбородке царапина, на лбу шишка, верхнюю губу ещё сегодня клюшкой приложили, и она с одного бока опухла. Красавец, ничего не скажешь. Если нужно будет для статьи сфоткаться, то художники в редакции заколебутся ретушировать. С другой стороны — это не мои проблемы, если кому-то не понравится фотография, могут интервью со мной и не читать, я ещё ничего в своей жизни не выиграл.

После душа я полез за свежей новенькой рубашкой в сумку и обомлел. Китайский сервис! В руку мне сама собой нырнула магнитофонная лента в жёлтой квадратной картонной упаковке. Раньше, то есть в этом времени, на таких небольших бобилах распространяли записи Высоцкого с шумом, треском и смехом зрителей в зале. Ё-мобиль, я же обещал ещё в Горьком другу Толе показать их демо-запись кому-нибудь здесь в Москве. Парни специально записали на внешний микрофон магнитофона четыре песни «Мой адрес», «Не повторяется такое никогда», «Снег кружится» и «Всё, что в жизни есть у меня». Качество полученного звука было омерзительным, но на фирму звукозаписи «Мелодия» ВИА «Высокое напряжение» ещё никто не приглашал, поэтому для простого «демо» сойдёт.

Оставалась самая мелочь — решить, кому я могу показать эти песни? Может Севе Боброву дать послушать? Так он их и так слышал. Кстати, а отдам ка я эту ленту на ресепшен нашей гостиницы. Ведь здесь в ресторане почти каждый день кто-то играет, почему бы директору «Юности» не пригласить на выходные парней из пролетарского города Горького? Никому от этого хуже не сделается!

Примерно с такими мыслями я спустился на первый этаж, подошёл к стойке регистрации, улыбнулся, зубы у меня пока ещё все были в строю, и голосом, не терпящим возражений, попросил:

— Здравствуйте, Танечка, мне бы с вашим директором переговорить. Ребятишки у нас в Горьком есть хорошие. Поют, пляшут, показывают фокусы, могут на шесте устроить стрип... Эээ, в общем, все девушки нашего города от них без ума.

— Поздравляю ваших ребятишек, а зачем об этом знать нашему директору? — Задала резонный вопрос женщина.

— Вот, — я выложил на столешницу магнитофонную ленту в картонной упаковке. — Здесь песни. Ансамбль называется «Высокое напряжение», покажите вашему шефу, вдруг ему захочется, чтоб в подотчётном ему ресторане яблоку некуда было упасть? Чтоб народ в вашу «Юность» очередь занимал с утра. Вроде всё сказал. О!

Я вытащил из кармана последнюю десятку и сунул её в картонную упаковку, туда же где была пластиковая катушка с магнитной лентой.

— Это специальный вкладыш, чтоб плёнка случайно не размагнитилась, — добавил я, рассудив, что времена, техника, технологии и мода меняются быстро, а люди очень и очень медленно.

На интервью со спортивным корреспондентом газеты «Труд» Юрием Ваньятон, с седым мужчиной примерно шестидесяти лет, я пришёл тютелька в тютельку. Работница гостиницы упрямо отказывалась брать взятку. Пришлось купить коробку хороших конфет,

здесь же в баре ресторана. Кстати, отдал за них те же десять рублей. И теперь в моём кармане скучали всего три помятых рубля с мелочью. И хорошо, что питались мы за счёт хоккейного клуба, а то совсем бы стало грустно жить.

— Вы, знаете, а я перед интервью посмотрел сегодняшний матч. — Признался журналист Юрий Ильич, сидя за крайним столиком нашего ресторана с маленькой кружечкой кофе и с раскрытой тетрадью для записи беседы. — Иван, скажите, почему вы сразу же в первом тайме не применили свой фирменный силовой приём? Почему первые два периода старались играть корректно?

— А это моё жизненное кредо, — ответил я, с завистью посматривая на кофе журналиста, которое сейчас позволить себе из-за финансового кризиса не мог. — Я считаю, что чем больше у человека силы, тем больше у него должно быть ума. Сегодня, первые минуты игры я присмотрелся, какой уровень жёсткости задаст в матче судья. И оказалось, что сегодняшнее судейство было слишком строгим.

— Интересно, — тихо пробормотал себе под нос Юрий Ваньят. — наших читателей, и не только их, интересует, где вы играли раньше? Почему до 25-ти лет о вас ничего спортивным специалистам не известно?

— Неужели, среди журналистов и писателей такого не бывает? Пишет человек, пишет, и всё мимо кассы. А потом бац — прорыв. Вот, к примеру, драматург и прозаик Вампилов. Кто его при жизни знал-то? Так, что так и напишите, играл Тафгаев на заводе, Тафгаев водку попивал. — Выдохнул я, посчитав, что худо-бедно выкрутился.

— Интересно, а кто такой этот ваш Вампилов? — Посмотрел на меня седовласый мужчина.

— А-а, так он ещё живой, — я почесал затылок. — Согласен, пример не удачный, но суть верна. Почитайте, если случайно наткнётесь, «Тинную охоту» и «Старший сын». Давайте следующий вопрос.

Журналист ещё несколько раз возвращался во время интервью к моему становлению в хоккее, но ничего другого я ему сообщить не мог. Играл у себя на заводе за цех, потом меня случайно заметили, провёл удачно турнир в Череповце, попал в основной состав, всё — занавес.

— Хорошо, — сдался журналист. — А как вы оцениваете сегодняшний уровень чемпионата СССР?

Я всё же отдал один рубль за кофе в баре ресторана. Поэтому прежде чем «сесть на свою любимую тему», сделал пару глотков бодрящего напитка.

— Вопрос интереснейший. С одной стороны уровень высокий, а с другой — есть куда развиваться. Дело в том, что рост мастерства хоккеиста происходит в тот момент, когда он играет сложнейшие и самые ответственные матчи. То есть в момент преодоления самого себя. По этой причине игроки, регулярно выступающие за сборную страны, перегоняют в мастерстве остальных, тех, кто варится в собственном соку.

— А может быть, они просто лучше тренируются? — Хитро посмотрел на меня Юрий Ваньят.

— Ошибочное мнение, — криво усмехнулся я. — На тренировке нельзя смоделировать реальное психологическое давление, которое испытывает человек в важнейшей игре чемпионата мира или Олимпийских игр. Поэтому в чемпионате страны армейцам Москвы побеждать намного проще, ведь они все уже «тёртые калачи», одним авторитетом могут задавить соперника и набросать им полную авоську шайб.

— На вас что-то у ЦСКА авторитета не хватает, — хмыкнул журналист. — Хорошо. Может быть, у вас есть решение, как поднять уровень всех отечественных хоккеистов?

— В этом как раз ничего сложного нет. Чемпион страны должен определяться только в играх плей-офф до четырёх побед, как это делается за океаном в НХЛ. Эти игры плей-офф и есть самая важная ключевая часть чемпионата, когда происходит максимальный рост мастерства.

— Интересно, — снова пробормотал Юрий Ваньят и пожал мне руку, поблагодарив за беседу.

На следующий день, на утренней тренировке, перед второй вечерней игрой с «Крыльями советов» кроме того чтобы всех немного встряхнуть, размять и дать разбегаться, Сева Бобров решал ещё одну серьёзнейшую задачу.

— Тафгаев, давай ко мне, — свистнул главный тренер, стоявший за бортом катка. — Ты с Коноваленко говорил? — Всеволод Михалыч кивнул в сторону нашего ветерана, который сейчас переживал вторую молодость и отбивал всё, что летело в его ворота.

— Я думал, Михалыч, ты сам должен объяснить Виктору Сергеевичу, что сегодня вечером сыграет Минеев, а у него внезапная микротравма. Тебе это по должности полагается делать. — Я стёр пот со лба.

— Ладно, — замялся наш легендарный наставник, — вместе скажем. Коноваленко, Витя!

Бобров помахал рукой, призывая вратаря сделать перерыв, чтобы порешать с нами один очень деликатный вопрос. И кто бы мог подумать, что такая невинная просьба, как походить пять дней с рукой в гипсе, вызовет такую волну негатива.

— Да как ты не понимаешь, Сергеич! — Доказывал я вратарю элементарную вещь. — Что 12-го ты против нас же будешь защищать ворота первой сборной. Мы будем вынуждены тебе забросить много. И тогда Третьяк станет первым номером в главной команде страны, а ты в лучшем случае вторым.

— Я сказал, что сегодня за команду и через три дня за сборную играть буду я! — Рычал Коноваленко. — И потом, хрен вы мне что забьёте в воскресенье! Я сейчас лучше, чем когда либо.

— Иди, тренируйся! — Отмахнулся Сева Бобров.

— Михалыч, давай я ему на руку специально упаду, гаду такому, чтоб он тренера слушал в следующий раз? — Шепнул я.

— А если вместо невинного растяжения ты ему сделаешь перелом? — Постучал Всеволод Михалыч себя костяшками кулака по лбу. — Пусть всё будет так, как должно быть в будущем.

— Поздно, маховик времени уже закрутился, — снова еле слышно сказал я. — В том спортивном будущем, про которое я многое знаю, ты никогда не тренировал горьковское «Торпедо», а Коноваленко вообще в конце этого сезона вешал коньки на гвоздь. И вон, никому неизвестные Скворцов с Александровым по юношам ещё пару лет бы гоняли. — Я кивнул на молоденьких пацанов, беззаботно отрабатывавших сейчас выход два в одного.

— Да, накрутили мы с тобой делов, — Сева почесал затылок. — Значит, решение моё будет таким: вечером в воротах играет Минеев, а в матче двух сборных пусть всё будет так, как будет.

Перед последним третьим периодом второго матча с «Крыльями советов» обстановка в раздевалке была напряжённой. И хоть сегодня игру обслуживала другая бригада московских арбитров, но судейство опять оставляло множество вопросов, два из которых — кто виноват и что делать, Всеволод Михалыч разумно опускал. Главный тренер поинтересовался, как чувствует себя наш второй вратарь Вова Минеев, затем перебрался парой слов с отдохнувшим сегодня Коноваленко, дав тому понять, что так надо и сказал:

— 2: 2 перед заключительной двадцатиминуткой — это неплохо и нехорошо. Много удаляемся — вот это меня беспокоит. И постарайтесь сегодня всё же победить.

— Не удаляемся, Михалыч, а нагло и ни за что удаляют, — прошипел взмыленный Коля Свистухин.

Николай был прав на все сто. За два периода мы уже семь раз отыграли в меньшинстве и всего раз имели на льду на одного игрока больше. Я, так же, как и Свистухин чувствовал себя хреново, ведь львиную долю времени пахал в численном меньшинстве вместе с ним. Но Сева очень просил потерпеть нас ещё. И мы во вред атакующих своих действий — терпели.

— Как так-то? — Не выдержал капитан команды Лёша Мишин. — Играем в гостях в Москве и нас ещё судят московские же судьи? Что нет нейтральных арбитров из Риги, Киева или Челябинска?

— Жаловаться надо, Лёха прав! — Выкрикнул Толя Фролов. — Тафгай, а ты чего молчишь?

— Адресуй эти жалобы, не адресуй, всё равно получишь кху, — выразительно прокашлялся я. — Стараемся сейчас играть без зацепов и как можно больше контролировать шайбу. И это, Михалыч, есть идея. В меньшинстве с Фёдоровым, Куликовым и мной выпустить «Малыша». Он свеженький, вдруг сможет убежать в контратаку?

— Ладно, подумаю, — Сева Бобров устало улыбнулся. — Давайте на удачу: за котов!

— За котов, — посмеиваясь, ответили мужики в раздевалке, ведь нам всем сейчас могла помочь только шальная спортивная удача.

Конечно же, моя идея больше контролировать шайбу и играть без зацепов на деле оказалась химерой. Лишь сорок секунд отбегали в третьем периоде, как после простого столкновения москвича Бодунова и нашего нападающего Смагина, калитка бокса для штрафников снова гостеприимно открылась.

— Хоть бы, как постоянным клиентам, напитки туда бесплатные заносили! — Громко высказался я, чтобы повеселить команду и, тяжело вздохнув, полез на лёд.

— «Малыш», Александров давай на меньшинство, постарайся убежать, — сказал Сева Бобров, похлопав моего «пионера» по плечу.

Первая мысль, когда встал на точку вбрасывания, была «случайно» треснуть московского судью Резникова по ноге. Но потом подумал, что у него семья, наверное, долги за свежий ремонт в квартире, или за новый автомобиль, а ещё дача в Подмосковье, на которую тоже нужны деньги, и захотелось въехать сразу по башке. Но когда шайба полетела на лёд, все глупости разом покинули голову, и снова началась упорная и героическая оборона наших ворот.

Сначала, как и в прошлые разы, мы легко выбросили шайбу из своей зоны и выстроились клином на своей синей линии. Однако «крылышки» с восьмой-то попытки преодолели этот редут всего за несколько секунд и прижали нашу обороняющуюся четвёрку хоккеистов к воротам Минеева.

— Внимательней Володя, внимательней! — Крикнул Бобров, когда шайба выскочила на

пятак, где за неё схватились наш защитник Федоров, я, и москвичи Анисин и Бодунов.

Небольшая, но жаркая заваруха закончилась вничью и шайба, отлетев вправо, была быстро прижата к борту нашим Куликовым и нападающим хозяев Лебедевым. И я опять поставил клюшку на точку вбрасывания. «А «Крылья» тоже устали, ведь тренер московской команды Борис Кулагин выпускает на розыгрыш лишнего одних и тех же. Нападающих: Лебедева, Анисина, Бодунова и защитников Гущина и Шаталова, — подумал я. — Надо дожимать!» В следующую секунду я отвоевал шайбу у Анисина и откинул её на Куликова.

— Кулик, не выноси! Переведи за воротами! — Гаркнул я, страхуя защитников на пяточке перед вратарём Минеевым.

Куликов не задумываясь, запустил шайбу за воротами вдоль борта, где её подобрал Фёдоров и переправил в среднюю зону по левому краю на убегающего в отрыв «Мальша». Пятёрка «крылышек», которая ожидала, что мы сыграем по стандарту, то есть отбросим шайбу подальше, на пару секунд растерялась. И за эти секунды Александров улетел от подуставшего уже защитника гостей Шаталова. Что было дальше, я смотрел, медленно подкатывая к центру поля. «Мальш» вылетел на вратаря, качнул вправо, и резко бросил влево прямо под перекладину.

— Гоол! — Заголосила наша скамейка, пока болельщики московской команды свистели и ругали вратаря-дырку и защитника-тихохода.

Затем большое электронное табло крохотного универсального дворца спорта ЦСКА высветило счёт 2: 3, и добавило ещё одну пятую фамилию в список отличившихся игроков. Так как первые две шайбы были забиты хозяевами в самом начале матча, в списке сперва горела дважды надпись — № 8 Сергей Капустин. Далее шёл наш № 11 Анатолий Фролов и № 7 Владимир Смагин. И наконец, добавился — № 15 Борис Александров.

«Зря Кулагин мало доверяет своей восьмёрке, Сергею Капустину, — думал я, усаживаясь на скамейку запасных. — Этот ухтинский хоккеист в будущем здорово поиграет и за ЦСКА, и за «Спартак», и в сборной СССР пошумит. А вот умрёт глупо от простого заражения крови в 40 с чем-то лет».

— Если бы Миней две бабочки в начале не пропустил, — заворчал сидящий рябом Коноваленко, — теперь вели бы 0: 3.

— Если бы да кабы, Сергеич, то дедушка был бы бабушкой, — усмехнулся я, — сейчас главное без удалений. Да, товарищ судья, ну мы же не на детском утреннике! — Скромно крикнул я, когда остальные парни позволили себе более смачные выражения, ведь отдыхать на две минуты поехал наш пан Свистухин.

Сева Бобров с надеждой тихой и мечтою, один, один совсем один, посмотрел на меня с «Мальшом» и на защитников Федорова и Куликова. «Если сейчас отстоим ворота, то победим», — откуда-то пришла такая уверенность. И так как нарушение правил было в зоне атаки, я подумал: «Почему бы сейчас не забить? Беру вбрасывание и лезу на пятак».

— Мужики, после вбрасывания лезу на пятак, — сказал я, прикрыв рот рукой.

— Зачем? — Уперся Куликов.

— Поговорить хочу с «крылышками», чтобы они от каждого дуновения ветра не падали, — шикнул я. — Пошутите мне ещё, сами знаете зачем.

— Ясно, уши крутить будешь, — хохотнул Боря Александров.

— И тебе за одно, — пробурчал я.

Когда же я со своими партнёрами уже приготовился к вбрасыванию в зоне хозяев, то тренер москвичей Борис Кулагин всё ещё колебался, кого бросить в бой. И сначала на лёд

выехала вторая пятёрка Владимира Расько, и тут же Кулагин передумал и выпустил взамен первую пятёрку Славы Анисина. Ещё пять секунд пока «крылышки» менялись, я с удовольствием расслабился и настроился на ещё один предпоследний рывок.

Вбрасывание ожидаемо взял почти без хлопот. А дальше, уже привычно как танк рванул к вратарю хозяев Александру Сидельникову, где меня «хорошо в гости приняли» защитники Гущин и Шаталов. Началась борьба, переходящая в бокс, и перетягивание клюшки в японское сумо, а закончилась битва на пятаке сразу после того, как Куликов шлёпнул в сторону нашей с защитниками возни. Потому что я успел подставить крюк клюшки под шайбу, а плотно опекавшие меня «крылышки» — нет. И шайба нужно отдать должно повела себя разумно, сначала нырнула вниз, ударившись об лёд, а затем подскочила вверх, залетев в сетку чужих ворот, 2: 4.

Вратарь Сидельников тихо сматерился, от бессилия хлопнув клюшкой по металлической штанге. Тренер Кулагин схватился за голову, а я поехал на смену, по пути принимая поздравления партнёров по звену. Но Сева Бобров решил, что маловато будет и сказал:

— Маловато будет, ещё минуту потерпите в меньшинстве. Надо мужики, за котов ещё потерпеть. Им и так нелегко живется.

— Михалыч, а кому легко, когда к 80-му году нужно коммунизм построить в отдельно взятой стране? — Спросил я, затем дождался, когда мои партнёры усядутся на лавку и добавил. — Минуту говоришь? Ладно, но пять рублей, которые я тебе продул в настольный хоккей, прощаешь. Замётано?

— Три, — грозно рыкнул Сева Бобров, и мы опять поехали биться в численном меньшинстве.

На сей раз, Кулагин выпустил всё же более свежую пятёрку Володи Расько, у которого с одного края бегал Володя Васильев, а с другого отличившийся уже заброшенными шайбами сегодня Сергей Капустин. Более свежему Расько вбрасывание в центральном круге я проиграл. Всея четвёркой мы сначала отползли на свою синюю линию, а потом вообще прижались к воротам. И надо бы было действовать поактивней, но ноги сводило от усталости судорогой. И лишь один Боря Александров прессинговал, когда москвичи передавали шайбу друг другу.

Первым решил проверить на прочность мои хоккейные щитки защитник хозяев Игорь Лапин, который щёлкнул с лёта и попал мне в бедро. От хлёсткого удара твердой, как кусок льда, шайбы у меня даже в глазах потемнело. А затем приложился от синей линии другой игрок обороны «Крыльев» Юрий Терёхин. И вновь твёрдая каменная шайба ударила в моё многострадальное тело, воткнулась точно в живот. От меня резиновый диск подлетел вверх, и я со всей злости наудачу махнул клюшкой. А удача сегодня была на моей стороне. Шайбу я лишь чуть зацепил по касательной, но и этого было достаточно, чтобы она перелетела клюшки защитников московской команды и поскользила к центральной красной линии. И тут Боря Александров, словно на мотоцикле вылетел из нашей зоны, подхватил шайбу и понёсся на ворота Александра Сидельникова. Зря свистели и матерились московские зрители на трибунах, не помогло. «Мальш» с четырёх метров без особых финтов бросил над ловушкой и забил, 2: 5. А я, держась за бедро, поковылял на скамейку запасных.

— Сегодня, если есть желание, без фанатизма, можете принять в ресторане по маленькой, — объявил команде сияющий Сева Бобров в раздевалке. — Вот полюбуйтеся сюда. — Всеволод Михалыч вывесил на доску новую турнирную таблицу, куда уже вписал

сегодняшнюю победу со счётом 2: 5.

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
ЦСКА (М.)	19	14	3	2	121 — 60	31
Торпедо (Г.)	19	14	3	2	94 — 55	31
Динамо (М.)	21	13	4	4	81 — 54	30

— Ещё немного мужики, ещё чуть-чуть, последний бой, — сказал я, прижимая к бедру кусок льда в полотенце. — И нам можно сразу наигрывать не пятёрки, а четвёрки, если товарищи судьи не одумаются.

— Да, — согласился Сева Бобров. — С этим нужно что-то решать.

— Да, денег нужно дать кому-нибудь, — брякнул Свистухин и получил от меня смачного «леща».

В ресторан, где гремела музыка, и шло веселье, по причине отсутствия наличных средств, богатого наследства и иных сбережений я решил из гордости не ходить. Ненавижу брать займы, тем более на эти заёмные деньги гулять. И проглотив на ужине после матча курицу с макаронами, я в спокойной, почти домашней обстановке завалился на кровать и открыл книгу рассказов Герберта Уэллса, которую «Мальш» уже неделю не мог осилить. При невероятном хоккейном таланте Боря Александров имел такое же невероятное равнодушие к знаниям. Скорее всего — это было возрастное. И как ему было объяснить, что чтение хорошей художественной литературы развивает стратегическое мышление, которое пригодится и в хоккее и в жизни, я не знал. Но пока прибегать к подзатыльникам и уховредительству не решался.

Первый рассказ Уэллса «Дверь в стене», честно говоря, я не дочитал, потому что сладкая зевота клонила в сон и мешала сосредоточиться на каком-то мальчике, который всю жизнь мучился вопросом, войти в эту дверь или не войти. «Да, пожалуй, нужно для «Мальша» найти что-нибудь менее муторное, — подумал я, медленно засыпая. — Английская литература специфическая, климат у них на островах мрачно-дождливый, поэтому чтение нагонят тоску и сон. Будут деньги куплю лучше Кира Булычёва».

Внезапно меня кто-то дёрнул за плечо. Я резко открыл глаза, на меня смотрел встревоженный Боря Александров.

— Иван срочно вставай, там Свистухина менты крутят!

— Зачем? — Я попытался перевернуться на другой бок, но не тут-то было, потому что Борис вновь меня начал трясти.

— Да пьяный он в драбадан, да там почти все уже хорошие, кроме нас, молодёжи, Ковина, Скворцова, Доброхотова. Да вставай ты, нам же играть через день за сборную!

— Михалыч разрешил по чуть-чуть! — Выругался я и встал. — Как можно нарезать по чуть-чуть в драбадан?

Когда мы с «Мальшом» спустились на первый этаж, в фойе гостиницы, картина предстала пренеприятная. Свистухин сидел на полу, а рядом стояли два милиционера. При этом Николай на ломано-алкогольном языке доказывал, что здесь в Москве он оказался случайно, после того как его в самолёт посадили, с клюшками, из Койкого.

— Он говорит, что прилетел из Горького, — пояснил я товарищам милиционерам речь одноклубника.

— С клюшками вместе уууу, — добавил Свистухин, нелепо улыбаясь и изображая руками самолёт.

— То есть вы его знаете? — Спросил меня лейтенант милиции.

— Это мурло? В первый раз вижу, — я прямо при всех отвесил подзатыльник Свистухину, после чего тот завалился на бок. — Тут дело такое товарищ лейтенант, мы хоккеисты из Горького.

— Я уже понял, — еле сдерживая улыбку, сказал блюститель закона и порядка.

— У нас сегодня после игры брали кровь на допинг пробу, ну и сказали, чтоб потом для дезинфекции спиртом обработали место укола. А кое-кто перестарался. — Я кивнул на Николая.

— Мы из Койкого, — поддакнул Свистухин, вернувшись в сидячее положение. — Мы за

котоф ууу.

— Штраф надо бы заплатить, за хулиганство в общественном месте, — прокашлялся второй милиционер. — Двадцать пять рублей.

Я нагнулся к пьяному хоккеисту, сунул руку во внутренний карман и вытащил деньги, часть которых отдал милиционерам, а сдачу вернул обратно. Затем этого пьяного балбеса я приподнял за шиворот, перехватил его так, чтоб он мог, опираясь на меня, семенить ногами и потащил через фойе в сторону лестницы.

— Михалыч разрешил по чуть-чуть, — грозно зашептал я. — Так какого же рожна?

— А я итак по чуть-шуть, — обиделся пьяный в драбадан хоккеист. — Сначала шуть водки, затем шуть конька, а потом пива, шамаского... Но! Всего по шуть-чуть.

— «Малыш» принимай клиента! — Крикнул я Александрову, который ожидал меня на лестнице, так как милиции опасался с детства. — Сейчас ещё зайду в ресторан, и всем, кто спиртные напитки по чуть-чуть смешивал, уши отвинчу.

В ресторане гремел ансамбль, и отплясывала под ритмы зарубежной эстрады уже хорошо подвыпившая толпа. Я не сразу нашел кто, где из наших сидит. Но те, кто мне попался на глаза, выглядели не хуже, хоть и не лучше, остальных посетителей. Поэтому предупредив хоккеистов, что местная милиция, если будешь пьяным валяться, сдерёт по сто рублей с рыла, посчитал свой долг выполненным. И вообще, я не нянька взрослым здоровенным мужикам! Именно так в номере, я «Малышу» и сказал, уже по-серьёзному ложась спать.

В пятницу 10 декабря, с самого утра после завтрака Боря улетел с другими молодыми одноклубниками по московским центральным магазинам. Он, конечно, звал и меня, но рубль мелочью мне хватило бы только на автобус и мороженое, поэтому сказав, что хочу отоспаться, я на уговоры не поддался. Кстати, на завтрак спустились не все. Пятёрка Свистухина не встала в полном составе. От пятёрки Федотова пришёл один защитник Юра Фёдоров. Из моей пятёрки не встал другой защитник Володя Гордеев. Помощники Севы Боброва, который, как и всегда в Москве ночевал дома, второй тренер Борис Чистовский и тренер вратарей Саша Котомкин хоть и смурные, но на завтрак вышли.

«Эх, Всеволод Михалыч, развёл ты демократию, — зло подумал я, осматривая пустые места за столиками. — С другой стороны, два таких нервных матча откатали, что может быть Сева и прав». Хотя лично меня успокаивали совсем другие вещи. Например: покормить котов, покрутить педали велотренажёра, потягать гантели со штангой или поколотить боксёрскую грушу. К сожалению, сейчас ничего из этого я сделать не мог. И план на сегодняшний день накидал следующий: ещё поспать, потом на обеде поесть и пойти гулять пешком по набережной Москвы. А вечером? А вечером — видно будет.

Но как это часто в последнее время случается — все мои планы полетели кувырком. Когда Борис ушёл по магазинам, в дверь комнаты кто-то настойчиво постучал. Я сначала подумал, что пришёл просить пощады Свистухин, но на пороге стоял низенький черноволосый молодой человек с хитрыми еврейскими глазами.

— Меня ипотека и кредитные ваши грабительские программы не интересуют, — пробурчал я, закрывая дверь. — И ценные бумаги я тоже приобретать не намерен.

— Постойте, это ваша плёнка? — Черноволосый протянул картонную коробку с демо-записью нашего горьковского заводского ансамбля.

И тут до меня дошло, почему у странного посетителя так живо бегают и блестят глаза,

как будто он увидел слиток золота. «Продюсер, мать твою, — подумал я, пропуская молодого парня в номер. — Вроде на Айзеншписа похож».

— Ты случайно не Юрий Айзеншпис? — Спросил я, рассматривая посетителя как экспонат в музее.

— Что вы, Юра уже почти два года, как сидит, — грустно улыбнулся незнакомец с хитрыми еврейскими глазами. — Меня зовут Миша Плоткин, может, слышали?

— Нет, меня больше интересует хоккей. Юра значит уже сидит, а ты ещё работаешь, — пробормотал я. — Давай ближе к телу, как сказал Мопассан. Мальчишки мои заинтересовали?

— Это же просто хиты! — Эмоционально зашептал парень. — С этим материалом можно столько заработать, что вы не представляете, это же сотни концертов в год по всему союзу! Могут ваши ребята выступить завтра здесь в ресторане гостиницы?

Я забрал у Плоткина из рук плёнку в картонной коробке, на которой был написан телефон папы-профессора пианиста Савелия. «Что ж ты друг такой не внимательный, если продюсер, — подумал я. — Кстати, мне как раз нужны деньги! Вдруг Ирина приедет».

— Мои ребятишки как пионеры всегда готовы, — улыбнулся я. — Но Горьковская филармония не дремлет и завтра у них прослушивание там в филармонии. — Я дождался, пока продюсер загрустит и тут же добавил. — Однако за сто рублей я берусь порешать внезапную проблему.

— Сто рублей, — поскущел черноволосый посетитель, затем отвернулся, отсчитал деньги и выложил нужную сумму на журнальный столик. — Завтра чтоб были как штык.

— Как четыре штыка, — поправил я Плоткина, пересчитывая деньги. — Чёрт, как же я забыл! У моих мальчишек, ещё один концерт будет в воскресенье в одном из ресторанов Москвы. Где сказать не могу коммерческая тайна. Ещё сотня нужна. Лучше конечно сто пятьдесят, но мы русские друг друга не обманываем, поэтому решу и это недоразумение за сто. — Я подмигнул совсем впавшему в грусть и тоску продюсеру.

— Это последние деньги, — Миша Плоткин выложил ещё сотню мятыми десятками.

— Завтра в два часа мои мальчишки будут здесь, и делайте с ними, что сочтёте нужным. А сейчас простите у меня дела, нужно привести себя в товарный вид, чтобы решить наши с вами «непонятки». — Я открыл дверь своего номера, чтобы выпроводить незваного дорогого гостя.

Чем была хороша гостиница «Юность», кроме близости к Лужниковским спортивным объектам? Прямо в ней можно было поиграть в бильярд, в настольный теннис, сходить в парикмахерскую и в почтовое отделение. Именно туда после чашечки прекрасного кофе в ресторане я и направился. «Нет, всё же жить без денег плохо и скучно, хотя в СССР такое вполне возможно, если ты спортсмен находящийся на каких-нибудь сборах», — с такими простыми мыслями я набрал по межгороду номер профессорской квартиры в городе Горьком. Длинные гудки в трубке я слушал примерно тридцать секунд, из чего следовало, либо пианист Савелий живёт в огромных апартаментах, либо никого нет дома, либо кое-кто все ещё спит. Наконец трубку взял какой-то недовольный старческий голос.

— Кто это?

— Вас беспокоят с телестудии из Москвы, мы хотим пригласить вас выступить на Новогоднем голубом огоньке. Сразу после Юрия Никулина перед певицей Эдитой Пьехой.

— С лекцией по высшей математике что ли? — Недовольно пробурчал профессор.

— То есть песен эстрадных вы не поёте? — Хмыкнул я. — Значит, меня неправильно

информировали. Очень жаль в ЦК партии сейчас большее значение уделяют развлекательному телевидению.

— Пойдите, — сказал старческий голос и затем в трубке появился молоденький голосок. — Здравствуйте, меня зовут Савелий, наш ансамбль с радостью выступит у вас в Москве.

— Слушай сюда пианист! — Рывкнул я. — Завтра с инструментами в два часа дня вся ваша банда должна быть в гостинице «Юность». Сначала сбацаете здесь в ресторане, а потом поедете по всему союзу с песнями и плясками деньги зашибать. Не перебивай! Обязательно раздобудьте ласты, в них будет ваша фишка. Выйдете в концертных костюмах и в ластах, сразу вся Москва с катушек слетит. Запомнил?

— Ну, хорошо, — согласился петь в ластах пианист Савелий, так как чего не сделаешь ради переменчивой мирской славы.

«Значит, мальчишек своих музыкальных я пристроил, — думал я, гуляя по набережной в сторону Кремля. — Плоткин, Плоткин — знакомая фамилия. Либо он с Пугачёвой работал, либо с ВИА «Лейся, песня». Парень хваткий, отдал двести рублей незнакомому человеку без расписки, так его с музыки распёрло. Но что-то всё равно ещё гнетёт! Что-то я упустил? Театр какой-то? Вампилов, ёжики коты! Он же пока живой, а должен скоро утонуть на Байкале! Значит у меня сегодня по расписанию, кроме разгона облаков ещё и подвиг».

Всё что я знал о биографии писателя Александра Вампилова, я подчёрпнул из художественного фильма, где главную роль исполнял Андрей Мерзликин. Понятное дело, что в кино могли многое перевернуть, но в большой советской энциклопедии всё равно нечего нет. Был в том кинофильме один эпизод, когда Вампилов принёс свою рукопись в театр «Современник» Олегу Ефремову, который его культурно отшил. А это значит в «Современнике» нужно искать того человечка, который или что-то видел, или слышал, или знает, или помнит, или догадывается. Главное — это работа со свидетелем, как говорил Глеб Жеглов.

В гостиницу я вернулся к обеду, злой и голодный. Нихрена в «Современнике» не знали про Александра Вампилова, кроме того, что его кое-кто называл наглым бурятом и требовал больше сюда не пускать. Дали какой-то адрес редакции иркутской газеты «Советская молодёжь» и всё. «Ну, хоть что-то», — думал я, опрокидывая в себя на автомате первое, второе и третье.

— Поел? — Сразу с вопросом забежал в ресторан Сева Бобров одетый в пальто и кепку. — Сейчас быстренько подстригись, побрейся, тут прямо в гостинице парикмахерская. Портом натягивай новенький пиджак, отглаженные брюки и галстук.

— Носки свежие надевать?

— Дурак! — Бобров хлопнул кулаком по столу. — Через час нас ждёт в одном месте очень серьёзный человек. И не вздумай там шуточки свои несмешные рассказывать.

— А сколько могут дать за юмор в том месте? — Я немного поднапрягся.

— Может, и ничего не дадут, но команда и сборная дальше продолжит играть и без тебя, и без меня. У меня-то пенсия хорошая, а ты пойдёшь токарным способом болты на заводе обрабатывать. — Сева забрал мой компот и залпом его выпил.

Уже в машине по дороге к важному и серьёзному человеку, главный тренер рассказал, что случилось, пока я в гостинице отсыпался и отъедался. По своей наивности сходил он в

Госкомспорт, чтобы уточнить детали его работы со второй сборной, ну и по-тихому узнать — из-за кого нас судьи «любить» перестали? Если с первым вопросом никаких проблем не возникло, то по второму даже слегка намекнуть никто и ничего не захотел. Зато, как только Сева вернулся домой, раздался телефонный звонок и его пригласили на встречу.

— Теперь понимаешь, куда едем? — Шепнул Бобров, поворачивая свою «Волгу» на Рублёво-Успенское шоссе.

— Тих, тих, тих, — замахал я руками. — Тормози шеф! А меня-то ты зачем с собой волочешь? Я ещё хочу в хоккей играть, а не топором махать на лесоповале.

— Настоятельно попросили взять тебя с собой, познакомиться хотят с таким резким пареньком. Да и потом, ты главное молчи и кивай, авось пронесёт. — Хмыкнул Бобров. — Я в эти места ездил раньше в компании Василия Сталина ещё, когда в ВВС играл. Хороший был мужик, любил выпить, погулять и нас спортсменов, кстати, не забывал. Вася для хоккея сделал вообще много. Война только закончилась, разруха, жрать нечего. — Всеволод Михалыч, вспомнив свою молодость, тяжело вздохнул и замолчал.

Однако мы, где-то не там свернули, так как Сева мог и подзабыть сюда ли он ездил с Василием Сталиным или не сюда, и нас тут же остановил наряд бойцов в полной боевой готовности, которые патрулировали окрестности на первом советском внедорожнике системы ГАЗ-69. В народе ещё такую машину прозвали «газиком» или «козликком». После проверки документов, небольших переговоров по рации, первый, первый, я второй, нас проводили туда, где уже с нетерпением ожидали.

Лично я Юрия Андропова, а это именно он нас пригласил для беседы, запомнил, когда у нас в Твери в начале восьмидесятых стали устраивать рейды посреди белого дня, выявляя бессовестных прогульщиков. Могли прямо в кинотеатре, в магазине или в парикмахерской подойти и попросить документы. Короче клоунада была ещё та, как только появлялся наряд милиции, очередь к пивной бочке моментально испарялась. Что характерно бежали, мелькая пятками и виноватые, и невиновные. И если при Горбачёве, который боролся с алкоголизмом, народ научился пить все, что горит, то при Андропове, прогульщики научились заранее оповещать друг друга, где сегодня будут проходить облавы. Вот в чём сила изобретательного русского народа — в умении приспособиться к любой глупости царствующих особ.

Принял нас председатель КГБ СССР у себя на даче в гостиной на первом этаже. Сраз же бросались в глаза книжные полки с книгами от пола до потолка. И первое впечатление, которое на меня произвёл Юрий Владимирович — это был резкий контраст, между тем человеком, когда он улыбается и тем, когда он серьёзен. Душа парень мгновенно превращался в холодного и расчётливого дельца.

Минут пять Юрий Андропов ходил вокруг да около, рассказывая, что большой любитель хоккея, что в этом сезоне он поражён преобразованием нашей простой автозаводской команды в одного из лидера чемпионата. Ну, а Всеволод Михалыч — это вообще его спортивный кумир. Потом, решив, что хватит тянуть кота за хвост, председатель КГБ сказал, что знает о том, что в последних двух играх судейство было не на высоте.

— Поэтому Всеволод Михалыч, я хочу вам сделать такое предложение. В этом сезоне, я постараюсь проконтролировать, чтобы ваше «Торпедо» больше никто не обижал, но и вы должны пообещать, что в следующем году примете под командование, так сказать, моё московское «Динамо».

Улыбка, которая была на лице Севы Боброва, так и застыла словно маска. Я посмотрел

на часы, как бы намекая, что пора оставить в покое государственного деятеля с его большими государственными заботами.

— А вы подумайте, — мягко подтолкнул к нужному решению Сева председатель КГБ. — И вы молодой человек подумайте. — Юрий Андропов впервые обратил внимание на меня. — Вам тоже нужно расти, и в «Динамо» всё для этого профессионального роста есть. Кстати, у вас в команде молоденький мальчик бегают, этот... Александров и ему тоже нужен рост.

— А как же Аркадий Иванович Чернышёв? — Спросил Сева Бобров про прославленного динамовского наставника, который сейчас был главным тренером «Динамо» и сборной СССР.

— Аркадию Ивановичу тоже нужен рост, засиделся Аркаша на одном месте. Назначу его начальником над всеми динамовскими командами, молодёжными, юношескими и так далее. — Андропов улыбнулся своей разудалой весёлой улыбкой деревенского гармониста. — А вы как считаете молодой человек?

«Я считаю, что профессиональный спорт должен строиться на несколько иных принципах! Устроили из хоккея способ межведомственных разборок. Если ЦСКА победит, то у вооружённых сил «колбаса» толще и длиннее, если «Динамо», то КГБ — круче всех. Ну а если «Спартак», то рулит торговля, пищевая и лёгкая промышленности».

— Я считаю, что спорт должен вносить свой финансовый вклад в дело построения коммунизма и развитого социализма. Ещё Ленин говорил, что «из всех искусств для нас важнейшими являются кино и цирк». А хоккей — это же тот же цирк, где мы, хоккеисты, забрасывая шайбы, должны зарабатывать деньги и вдохновлять на трудовой подвиг весь советский народ...

— Я это всё хорошо понимаю, — перебил меня Юрий Андропов. — Вот и забрасывайте шайбы за моё «Динамо».

— Мы подумаем, — ответил Сева Бобров и за себя, и за меня.

В машине, пока мы ехали по Рублёво-Успенскому шоссе, которое ещё в 14-ом веке называли «Царской дорогой», так как по ней ездили помолиться в Саввино-Сторожевский монастырь русские правители, не было произнесено ни слова. По лицу Боброва я впервые не мог понять, злится он на меня или наоборот результатом разговора с председателем КГБ доволен. А возможно Сева и сам до конца не мог решить, хорошо завершилась эта короткая беседа или нет. Лишь немного не доезжая до гостиницы «Юность» Бобров остановился и, кивнув головой, предложил мне выйти из машины.

На улице падал редкий мелкий снежок, прохожих практически не было, ведь рабочий день ещё не закончился и народ в большинстве своём не ломанулся через производственные проходные по магазинам, в садик за детьми, да и просто погулять и отметить завершение очередной рабочей недели.

— Что там, в будущем твоём, я случайно «Динамо» не тренировал? — Тихо с еле заметным наездом спросил Бобров. — Нет? Значит буду. Да и тебе, если заартачишься, год спокойно играть не дадут. Эдик Стрельцов, по слухам, тоже в «Динамо» не захотел переходить. Соображай, что с ним случилось дальше. И чё ты завёл про свою спортивную экономику? Это же КГБ! Это на рынке учёт в рублях, а там в посадках. Отловили столько-то шпионов, раскрыли столько-то заговоров, будет премия в квартал. А нет, значит — плохо работаешь. Завтра у нас утром тренировка второй сборной и днём я звоню куда надо и даю

согласие. Зато спокойно доиграем чемпионат и возможно выиграем его. Что ты молчишь?

— Втравил я тебя Всеволод Михалыч в передрагу, — пробормотал я. — Но с другой стороны под крышей КГБ тебя никто из сборной не уволит. Пока только нашим парням ни слова.

— Максимум неделю тайна «Мадридского двора» продержится, — усмехнулся Сева Бобров. — Ты знаешь, что к нашим защитникам Фёдорову и Куликову уже ЦСКА клинья подбивает? У армейцев ведь в обороне много возрастных ребят, а Фёдор с Куликом, которые два года назад в ЦСКА уже по матчу провели, тогда негодились, а сейчас, как говорится — ко двору. К Вовке Минееву, нашему второму вратарю из «Крыльев» сваты подъезжают. У вас товар, у нас купец. Такова судьба всех периферийных команд, выстрелят они разок и все перспективные игроки тю-тю.

— Сам знаю, не в капусте родился, — махнул я рукой. — Давай сначала чемпионат выиграем, а там видно будет. Осталось всего тринадцать матчей, два с ЦСКА, один с Динамо, с «Крыльями» две домашние игры, с «Трактором» тоже две игры дома, и ещё несколько по мелочи.

— Пока про клуб забыли, на кону сборная, — сказал Бобров и пошёл машину.

После ужина, когда команда почти в полном составе пошла в кинозал, который находился тут же в гостинице, я сел писать письмо незнакомому мне человеку в далёкий Иркутск.

«Уважаемый, Александр Вампилов. Пишу по просьбе своей любимой бабушки, которая живёт в глубинке и является страстной поклонницей театрального искусства. Недавно она увидела вашу замечательную пьесу, которая произвела на неё очень большое впечатление. Ещё одно увлечение моей бабушки — это гадание на картах таро. И вот что она нагадала вам. Через год, другой ваши пьесы будут ставить все столичные театры страны, а так же по ним будут снимать кино. Но вы можете скоро трагически погибнуть, отмечая день своего рождения на Байкале. Будьте, пожалуйста, осторожны.

P.S. От своего имени хочу добавить, лично мне бабушка нагадала, что я стану внезапно известным хоккеистом. И хоть я ей не верил, это произошло. С уважением, хоккеист горьковского «Торпедо» Иван Тафгаев».

Постскриптом я дописал специально, чтобы Вампилов воспринял мои слова максимально серьёзно и при желании смог убедиться, что такой человек как я — существует. И вообще, есть такая точка зрения, что вмешиваться в будущее нельзя. Но лично я другого мнения, если порядочные и талантливые люди помогут друг другу в настоящем, то в будущем для подлецов не останется места.

— Иван! — Прямо с порога комнаты вскрикнул «Мальш», который прибежал с киношки. — Ты тут чего устроил? Зачем весь пол забросал мятой бумагой?

— Это не мятая бумага — это муки моего творчества, — тяжело вздохнул я. — Хочу предложить в Госкомспорт, чтобы в хоккее играли не одной шайбой, а сразу двумя. Как тебе идея?

— Херня, — коротко бросил Боря Александров. — Ко мне завтра Алёнка из Горького приезжает, надо бы её устроить в нашу гостиницу. Помоги.

— Ладно, придумаем что-нибудь, — сказал я, вставляя последний вариант письма Вампилову в конверт.

Утренняя субботняя тренировка второй сборной СССР, или Олимпийской сборной, как официально она значилась по документам Федерации хоккея, была назначена на маленьком тренировочном катке «Кристалл». Кстати, сборная Чернышёва и Тарасова тренировалась неподалёку в двух минутах ходьбы во дворце спорта «Лужники». И разумно опасаясь легального спортивного шпионажа, Сева Бобров всё занятие разбил на две части. Разминка и игры пять на пять разных пятёрок. Никаких тонкостей, а именно, как выполнять ловушку в средней зоне, он игрокам из «Спартака» и «Крыльев» объяснять не стал. Две наши торпедовские пятёрки играли, как привыкли, а два остальных игровых сочетания, как получится. Между прочим, на предстоящую завтрашнюю товарищескую игру двух сборных почти все 14 тысяч билетов были уже проданы. Даже поговаривали, что сам Леонид Ильич Брежнев со свитой пожалует. Может поэтому перед двухсторонками чувствовался небольшой спортивный мандраж.

На первую минутную двухсторонку главный тренер Всеволод Бобров и второй тренер Николай Пучков, который работал со СКА и из Ленинграда привёз с собой вратаря Володю Шеповалова, назначили следующие игровые сочетания. Первое сочетание: вратарь Шаповалов, защитники: Астафьев и Фёдоров, нападающие: Мишин, Федотов и Фролов. Второе: вратарь Минеев, защитники: Гордеев и Куликов, нападающие: Александров, Тафгаев и Скворцов.

Мне играть против пятёрки Федотова приходилось так же часто, как жителю нулевых годов выходить в интернет. Что он, что я знали манеру игры каждого из нас от и до. Поэтому после вбрасывания, которое произвёл второй тренер Пучков, мы без труда завладели шайбой, а Саша Федотов со своими «комсомольцами» так же без труда ушёл в защиту в своей зоне, чтобы поймать нас на контратаке.

— Кулик, не спи, гоняй шайбу по периметру! Не дай накрыть! — Крикнул я, пока не влезая на пятак, а помогая обыграться на коротке на чужой синей линии, а затем и поработать в левом углу площадки, куда шайба пришла к «Мальшу».

Боря Александров заложил «улитку», резкий разворот, и отдал мне на чистый лёд, я же в касание перевёл на защитника Гордеева, который в свою очередь опять адресовал шайбу Куликову. Саша сделал богатырский замах и очень аккуратно щёлкнул мимо ворот в направлении меня. «Вот и всё», — подумал я, подставляя под точный и сильный прострел крюк клюшки. Вратарь Шаповалов не успел моргнуть и глазом, как птичка, то есть шайба оказалась в сетке.

— Б...ь! — Выругался Федотов. — Мужики ну чего спим!

— Утро вот и спим, — хмыкнул Мишин и их первая пятёрка поехала на лавку отдыхать, уступая место следующему звену.

Затем Бобров и Пучков немного посоветались и выпустили против нас новую пятёрку, защитники: спартаковец Женя Паладьев и Юрий Ляпкин из воскресенского «Химика», у которого был редкий правый хват клюшки, как у нашего Саши Куликова. Плюс нападающие: Шалимов, Старшинов и Александр Якушев, все из «Спартака». Можно сказать на лёд вышла почти целиком спартаковская дружина, так как воскресенец Ляпкин уже в межсезонье гарантированно переходил в этот московский клуб. Ворота наших новых оппонентов остался защищать тот же Володя Шеповалов из СКА.

На вбрасывание в центральный круг напротив меня встал ветеран советского хоккея Слава Старшинов, который ещё лет восемь поиграет на высоком клубном уровне. Но в большом спорте во время матча ветеранские заслуги не в счёт, поэтому я легко выиграл шайбу за счёт силы, резкости и молодости. Старшинов же от досады что-то раздражённо забурчал себе под нос. Кстати, я ещё ни одной игры не провёл в составе этой команды, но уже устал от вечного недовольного ворчания Вячеслава. То каток ему не тот, то раздевалка не та. Интересно, а когда в шестидесятые годы на естественном льду он попу морозил — ему всё нравилось или нет?

В зону спартачей вошли через простой заброс шайбы. Я шмальнул навесиком в правое закругление, реактивный Скворцов шайбу подобрал, и мы опять принялись гонять её по периметру зоны атаки. И закончили атаку так же, Куликов только не щелкал по воротам, а набросил шайбу на пятак, где я весело толкался с Ляпкиным и Паладьевым. С последним было гораздо сложнее, он хоть и пониже воскресенца, зато физически более мощный. Но мне же много не надо, въехал одному, въехал другому, от обеих сдачу получил, затем клюшку под навес шайбы подставил, а дальше как кривая результативности вынесет. А вынесла она нормально, залетел резиновый диск точно по адресу в сетку ворот ленинградского вратаря Шеповалова.

Третьими вышли против нас, нападающие «Крыльев» Лебедев, Анисин и Бодунов, и защитники: Гусев из ЦСКА и Коля Свистухин, наш торпедовский центральный нападающий которого временно отрядили в защиту. Вот и вся олимпийская сборная два вратаря, семь защитников и тринадцать нападающих. Может из-за того, что Свистухин играл не на своем привычном месте, с «Крыльями» разобрались быстрее всех. За двадцать секунд выиграла вбрасывание, вошли в зону атаки, разыграв со Скворцовым «скрест», завершающий бросок провёл «Мальш», четко в касание поразив верхний угол ворот.

— Сева, может нам их завтра одних выставить против первой сборной? — Улыбнулся Пучков.

— Да, первая пятёрка у нас есть, давай будем разбираться, кто вторая, — согласился Бобров. — Тафгаев с «пионерами» давай на лавку!

— Массажик бы нам с банькой организовать, раз с нами всё ясно, — заметил я, покидая лёд.

— Баньку вам завтра Тарасов с Чернышёвым устроят, — отмахнулся Сева Бобров. — А массаж? Иди, вставай в рамку мы тебя шайбами всей командой помассажирем, от макушки до пят.

— В следующий раз, Михалыч, когда ты потребуешь результат, я ведь тоже тебя пошлю к Тарасову с Чернышёвым на массаж, — пробурчал я.

После первой тренировки олимпийской команды вопросов появилось ещё больше, чем было до. Например, наш молодой Минеев в новой экипировке, с новой техникой вратарской игры, выглядел значительно сильнее ленинградца Володи Шеповалова, это раз. Ветеран Слава Старшинов слишком замедлял игру спартаковского звена, и вместо него поставили Колю Свистухина. И теперь «Старшина» грозился пожаловаться в Обком, за то, что незаслуженно зажимают ветеранов, это два. Кстати, именно эта пятёрка стала неофициально второй. Ну и «крылышки» Лебедев, Анисин и Бодунов, которым в защите помогала пара Паладьев и Ляпкин, внезапно проиграла третье место нашей горьковской пятёрке Федотова. Саша Федотов со своими верными партнёрами сработали во многом за

счёт сыгранности, хотя если честно, по таланту они и уступали оппонентам, это три. В нашу уже первую пятёрку постепенно переключал вместо защитника Вовы Гордеева московский армеец Саша Гусев. И теперь Гордей на нас откровенно злился, дескать, в клубе мы вместе, а в сборной уже порознь, это четыре. И пятый вопрос, Пучков обиделся на Боброва за то, что он на завтрашнюю игру первым вратарём заявил Минеева, а не его воспитанника Шеповалова.

— Башка кругом идёт, — признался Всеволод Михалыч мне и Боре Александрову, когда мы, закончив тренировку, после душа пешком шли в гостиницу на обед.

— Не бери в голову, Михалыч, — усмехнулся я. — Первая сборная заявила три пары защитников и четыре тройки нападения. Вот и мы так же заявим. Если Гордей и «Старшина» уступают на льду кому-то, то посидят в запасе, такова хоккейная судьба. Гусев из ЦСКА к нам, как родной вписался, да и Свистухин к «Спартаку» хорошо влился, добавил цепкости, жёсткости. Носился, за всеми москвичами косяки подтирал.

— Помяните моё слово, — сказал «Малыш», — заберут нашего Свистуху в «Спартак».

— Сезон доиграем, много, кого уведут, — поддакнул Бобров.

— Я без Ивана никуда не поеду, — категорически заявил Александров.

Бобров остановился на дороге, смерил нас своим пронзительным взглядом и сказал:

— Дураки вы ещё малолетние. Чем выше взлетишь, тем больнее падать.

— Это смотря за счёт чего взлетать, — не согласился я. — Если ты вознёсся, как кусок коричневой субстанции неприятного запаха, который случайно прилип к летательному аппарату, это одно. А если сам взлетел своим талантом, трудолюбием и мозгами — это другое.

— Да ну вас к лешему, летите куда хотите, — махнул рукой Сева Бобров.

В фойе гостиницы «Юность», когда мы зашли внутрь, меня ожидал неожиданный сюрприз. Точнее встреча, про которую я совсем забыл. На первом этаже разложив гитары, барабаны и электронный синтезатор стояли, переминаясь с ноги на ногу, музыканты ансамбля «Высокое напряжение», Толя, Коля, Захар и Савелий.

— Я в ластах петь не буду! — Сразу же заявил мне бунтарь Николай. — Здравствуйте Всеволод Михалыч.

Ребята с большим уважением пожали руку нашему главному тренеру.

— Ласты? — засмеялся Сева Бобров, который к моим приколам уже привык. — А что — это свежо, так пока никто не поёт. Сразу на всю Москву прогремите.

— А как я в ластах буду играть на барабанах? — Спросил Захар. — Как жать на педали? Да и потом их всё равно из-за барабанной установки не видно.

— Ладно, — я пошёл на попятную. — Сегодня разрешаю играть босиком. Так тоже зимой в Москве никто не поёт. Представьте афиша: «Африканские бедуины проездом из Бурунди в Руанду исполняют советские песни». Звучит?

— Если так нужно, чтобы попасть на новогодний «Голубой огонёк», то я согласен. — Первым поддержал мою большую идею Савелий, сын профессора высшей математики и африканской географии.

— Мужики, да вы это расслабьтесь, Иван же просто пошутил. — Обломал мне спектакль Боря Александров. — Играйте как обычно, галстуки, ботинки и так далее. Соображать же надо.

— То есть мы зря вчера, как идиоты, искали ласты по всему Горькому? — Обиделся на меня Толик.

— Почему зря? А как же поиск своего оригинального стиля? Своего авторского подчёрка? — Я сделал серьёзное лицо. — С ластами я, конечно, поспешил, опередил время. Но в будущем потомки нам этого не забудут. Пойдёмте пока пожрём, а то на голодный желудок голова плохо варит.

Всё-таки хоккей лучше, чем шоу-бизнес. Каждый матч по-своему уникален, то соперник для тебя придумает какую-нибудь домашнюю заготовку, то ты его чем-нибудь удивишь. Вратарь пропустит «бабочку» или нападающий не попадёт в пустые ворота. Комедия и трагедия всё перемешено в единый клубок страстей. А мои музыканты, ВИА «Высокое напряжение», сейчас выучат несколько песен и будут их годами на разных площадках страны брэнчать до самой старости. Примерно такие мысли роились в моей черепной коробке, когда я сидел в закрытом на перерыв ресторане «Юность», где мои ребяташки пели для своего первого в жизни продюсера Миши Плоткина.

— Ну, что, неплохо-неплохо, — хлопнул в ладоши маленького роста деловой черноволосый парнишка, когда ребята отыграли все свои четыре бессмертных хита из будущего. — Чем ещё сегодня будете веселить публику.

— Как обычно, — своим тонким скучным голосом сказал профессорский сынок Савелий. — «Animals», «Rolling Stones», «Beatles». Можем петь и на заказ песни советских композиторов.

— Нужно бы ещё что-нибудь забойное, хитец какой-нибудь. — Забежал около сцены низкорослый продюсер. — Вот кто вам эти песни придумал?

Парни разом посмотрели в мою сторону, а дальше была немая сцена из комедии «Ревизор» в исполнении одного актёра Миши Плоткина.

— Иван? — Недоверчиво выдавил он из себя. — Ну почему бы и нет? Простые аккорды, простые народные слова... Иван, нужно срочно ещё один забойный хит! — Кинулся ко мне шустрый черноволосый парнишка. — Пять оригинальных песен — это уже что-то. Да я с таким материалом на самую «Мелодию» побегу. На одну часть пластинки наклепаем «Поющих гитар», на другую «Высокое напряжение»! Ну?

— Давай Иван! — Крикнул со сцены Толик.

Я встал, почесал затылок и голосом, от которого вянют не только уши, но и все цветы в помещениях завыл с непередаваемым прибалтийским акцентом:

Спаситэ, спаситэ, спасииитэ, разбитое сердцэ кота!

Плеснитэ, плеснитэ, плесниитэ, сметанки и молока.

— Как вам хитец? — Выдохнул я, как перед опрокидыванием соточки.

Плоткин схватился за уши. Музыканты уже привычные к тому, что кроме горластой глотки, ни слуха, ни голоса у меня нет, захихикали. А недобитый мной профессорский сынок с листа наиграл на синтезаторе припев из «Разбитого сердца» Тыниса Мяги. И как он единственный из всех понимал, что я хотел изобразить, лично для меня оставалось большой загадкой.

— Припев неплохой, — согласился продюсер Миша, когда услышал наигрыш в исполнении пианиста Савелия. — А почему слова с прибалтийским акцентом?

— А сейчас модно петь с акцентом, — пророкотал я. — Значит так, вы тут у меня губешку-то особо не раскатывайте, максимум ещё две, может три, песни я вспомню, а

дальше сами ищите авторов.

— Что значит вспомню? — Прищурился черноволосый шустрый паренёк.

— То и значит, книжки умные надо читать хоть иногда. — Я перематерился про себя на свою идиотскую рассеянность и стал как обычно врать. — Ещё академик Вернадский писал о ноосфере, из которой мы черпаем новые идеи. И этот процесс похож на то, как будто ты что-то вспоминаешь, из того, что давно забыл. Не для средних умов литература. В общем, гоните сотню, часа через два из ноосферы чего-нибудь отловлю.

— Сто? — Присвистнул Плоткин. — Да это грабёж!

— Зря ты это сказал, — успел хмыкнуть со сцены Колян, ведь в следующее мгновение маленькое аккуратное ухо шустрого продюсера оказалось зажато в моих стальных пальцах.

— Больно, больно, больно, — затараторил Миша Плоткин.

— А так? — Я чуть ослабил хватку.

— Так уже лучше, — согласился продюсер. — Спасибо большое.

— Значит, сейчас запоминай прямо в мозг, — я ещё немного ослабил зажим, зачем зазря портить человеку орган слуха? — Сто рублей за песню — это раз. И когда будете регистрировать её в охране авторских прав, укажете меня автором текста — это два. И добавьте, что слова на первые песни тоже придумал я — это три.

— Мы согласны, — пискнул Плоткин. — Ухо отпустите, пожалуйста.

— А я его и не держу, — я отпустил продюсера на все четыре стороны. — Сейчас принесите кофе, листок бумаги и ручку. И тихо граждане, Чапай думать будет.

Минут пять я сидел, глядя на пустой листок бумаги и материл себя, на чём свет стоит. «Что такое осень» Шевчука — не годится. «Ты так красива, невыносимо» — тоже пока рано запускать на эстраду. Но ведь плясали же подо что-то старшеклассники на дискотеках? И во дворе магнитофон не замолкал ни вечером, ни ночью. Ведь какая нормальная девчонка даст себя поцеловать, если перед этим песни про любовь не послушает? Думай болван!

— Не маячь перед лицом! — Шикнул я на продюсера, который вокруг меня описывал круги, волнуясь за сотню своих рублей, которые с большим комфортом улеглись в моём большом и теплом кармане.

«Где же эта долбанная ноосфера? — я упорно начёсывал свой затылок. — Наврал товарищ Вернадский членам ЦК. До 1945 года мозги пудрил самому товарищу Сталину! Нет никакой ноосферы! Стоп! Сериал же шёл по телику про одну дебильную семейку и на титрах каждый день била по мозгам одна старая песня! Я каждый взгляд твой татой тототой берегу, ма ма ма ма мама бегут всегда. Нет, никогда я тебя разлюбить не смогу! И ты люби... меня всегда! Та-та-та!»

«Нет, зря я ругал товарища Вернадского, земля ему пухом, умнейший был человечисе, — думал я, записывая слова, которые сами откуда-то появлялись в голове из песни «Кто тебе сказал».

— Там Алёнка моя приехала, её в гостиницу селить не хотят, мест нет! — Оттолкнув в сторону продюсера Мишу, подлетел ко мне встревоженный Боря Александров.

— Если Алёнку не хотят селить, то иди с ней в кино, там, на задних рядах целуйтесь, и покупай ей билет обратно в Горький. — Сказал я, дописав ещё одну песенку из недалекого будущего. — Да шучу я. Поселим твою Алёнку в лучшем виде. Я тебе за гол «Локомотиву» должен, а долги я привык отдавать. Всё товарищи певцы готовьтесь учить новую хитяру-котяру!

Я допил кофе, встал во весь свой богатырский рост и заревел как лось, который

призывают любимую самку, чтобы продлить лосинный род:

Хочешь, я в глаза, взгляну в твои глаза,
И слова припомню все, и снова повторю:
— Кто тебе сказал, ну, кто тебе сказал,
Кто придумал, что тебя я не люблю...

Проблему с койко-местом для Алёнки в гостинице «Юность» я решил просто. Намекнул женщине работающей на стойке регистрации, что люди из всесильного КГБ заинтересованы в этой миниатюрной девушке. А когда работница гостиницы взмолилась — хоть режьте, хоть Леониду Ильичу звоните, мест нет. Я предложил компромиссный вариант, Алёнка заселяется в мою с Александровым комнату, а нам выдаются две раскладушки, и мы одну ночь спим у своих одноклубников. На том короткие, но горячие переговоры и завершились.

И сейчас я спал в комнате Коли Свистухина и Вовы Смагина. Если Володя, которому завтра не нужно было потеть на льду во время товарищеской игры двух сборных, с легким сердцем убежал в ресторан, где сегодня отжигали наши музыканты, то Николай этого сделать не посмел. Он бросал на меня обиженные взгляды, но риск получить серьёзную травму головы перед завтрашней игрой его серьёзно останавливал.

— Может сходим, одним глазом посмотрим на наших горьковских музыкантов, — жалобно проблеял Николай.

— Уснуть не можешь? — Я приподнялся на одной руке. — Вот тебе рассказы Герберта Уэллса вырубают за пять минут, способ проверенный. И вообще, завтра в ресторане попрыгаем, наши и завтра петь здесь будут. Чувствую, что предстоящая игра ключевая. Выиграем её, всю отечественную историю хоккея перевернём.

— Куда? — Вдруг заинтересовался историей Николай.

— Вперёд и выше, только так. Спи, мне ещё о светлом будущем подумать надо. — Сказал я, выключая настольную лампу.

Глава 13

Если на субботней тренировке мы играли в своих новеньких клубных хоккейных свитерах, то на игру против сборной Чернышёва и Тарасова выдали старенькие и застиранные белые фуфайки, в которых показаться огромной толпе болельщиков, шумевшей сейчас на трибунах, было просто стыдно.

— Форма как будто на помойке подобрали, — заворчал Коля Свистухин, заматывая изолентой шнурки на коньках.

— Если тебе не нравится, можешь посидеть в запасе, — в тон ему забубнил Слава Старшинов, которому было очень обидно, что ему предпочли какого-то молодого выскочку.

— Эх, коротка кольчужка, — сказал я, надев белый хоккейный свитер, что был мне в обтяжку.

— Ну, хватит стонать! — Сева Бобров пару раз громко хлопнул в ладоши. — Смотрите сюда. — Он развернул доску, к которой были прикреплены на кнопках четыре листа бумаги. На первом листе значились три фамилии: Викулов — Фирсов — Харламов. На втором: Чичурин — Мальцев — Мотовилов. На третьем: Мартынюк — Шадрин — Зимин. И на четвёртом: Михайлов — Петров — Блинов.

— Против звена Фирсова выйдет Тафгаев с «пионерами», — Сева для наглядности подписал мою Фамилию на первом листе. — Против Мальцева сыграет Свистухин сс спартаковцами. Против Шадрина — пятёрка Анисина из «Крыльев» и, наконец, сдерживать пятёрку Петрова будет пятёрка Федотова. Мужики, ничего сверхъестественного от вас не потребуется, играйте в свою игру. Пошли, я в вас верю!

И все двадцать хоккеистов нашей Олимпийской сборной, как по команде надев чехлы на лезвии коньков, пошагали, топая, словно стадо бизонов на важнейшую для нас игру. К сожалению, ничья нас не устраивала, и даже минимальная победа — была неинтересна, нужен был самый настоящий реальный разгром. Чтобы доказать, что ехать на Олимпиаду в Саппоро, мы не менее достойны.

— Что-то меня колбасит не по-детски, — признался Боря Александров.

— Сейчас разок в борт впечатают, сразу пройдёт, — нервно усмехнулся я, так как меня тоже потряхивало, как на первом свидании. — А лучше сам кого-нибудь впечатай.

— Постараюсь, — пробормотал «Мальш».

Обслуживать непростой матч доверили нейтральному судье Пликшкису из Риги и Быстрову из Ленинграда.

— Кура йохайды, — улыбнулся мне рижанин, года я проезжал во время предматчевой раскатки рядом с судейской бригадой, одетой в традиционные черные брюки и полосатые свитера.

— Кура, кура, — выдавил из себя улыбку и я — вот бы ещё знать, что это такое?

«Всё товарищ, Тафгаев, кончились шуточки, сегодня либо нас размажут, либо размажем мы, второго не дано», — подумал я, когда встал на точку вбрасывания в центральный круг напротив армейца Анатолия Фирсова. И вдруг обратил внимание, что Толя тоже что-то себе шепчет, и нервном тике дёргается его глаз. Ничего себе — его потряхивает. А ведь Тарасов наверняка накрутил первую сборную до полного помутнения рассудка. Наверняка загонял её часовыми тренировками до посинения и до судорог в мышцах. Дорогой Анатолий Владимирович — ты же нам просто сегодня самый лучший подарок сделал, доведя своих

ребят до полуобморока. Правильно в народе говорят, что заставь дурака Богу молиться он и лоб расшибёт.

Стартовое вбрасывание, которое народ на трибунах встретил свистом и криком, выиграл я, откинув шайбу на Сашу Куликова. Куликов перевел на Гусева, единственного московского армейца в наших рядах. Гусь двинул шайбу в среднюю зону по своему левому краю на Борю Александрова. А вот «Малыш» с испугу так разогнался, что улетел от опекающего его Харламова, почему-то ко мне в центр.

— Пасуй дурень малолетний! — Гаркнул я, хорошенько приложив плечом Фирсова, чтоб клюшечкой своей не цеплял, за что не надо.

Лишь на мгновение Толя Фирсов от меня отклеился, как шайба тут же пришла от Бориса ко мне. Ну и я тоже решил блеснуть дриблингом, тем более Харламов открыл мне левый фланг для прохода в зону атаки. Куда я с успехом и полез. Но когда я пересёк синюю линию, мне преградил путь к воротам Третьяка, именно его поставил Тарасов с первых минут в рамку, Игорь Ромишевский. Игорь — игрок хороший старательный, но медленный и со скромными габаритами. Поэтому я сначала полез обыгрывать его через борт, а затем, срезав угол и оттеснив защитника, вывалился на свидание к Владу Третьяку. Что там, на трибунах орали болельщики, что мне кричали мои партнёры по команде, что кричал Тарасов, перевешиваясь через борт, ничего я не слышал, зато отлично видел Сашку Скворцова, который на секунду остался на противоположной штанге один.

— Держи! — Крикнул я, отдавая прострельную передачу, и от удара в плечо, которое нанёс мне Ромишевский, упал на лёд.

Трибуны сначала притихли, а затем взвыли, словно сошли с ума от внезапно нахлынувшего счастья.

— Гооол! — Ревели все вокруг.

А я поднялся, потирая плечо, и немного жалея, что повтора этой исторической для меня шайбы никогда не увижу, покатил на смену.

— Во, завертели! Во, завертели! — Удивлялся армеец Гусев, поздравляя нас с заброшенной шайбой. — Как черти оборону разметали.

— Толи ещё будет Саша, — я тоже похлопал армейского защитника по хоккейному шлему.

— Мужики! — Крикнул я, усаживаясь на лавку. — Нужно давить первую сборную они все на мандраже, запугал их Тарасов основательно. Кто следующий? Свистухин и «Спартак»? Дави мужики! Ху. — Уже спокойно выдохнул я.

К сожалению, развить успех не получилось, следующие шесть минут бодались с командой Чернышёва и Тарасова в средней зоне, что называется ни нашим, ни вашим. Зато на седьмой минуте я опять со своими «пионерами» закрутил карусель в зоне атаки. Чем сильна тройка нападения Викулов, Фирсов и Харламов? Все трое быстрые техничные, любят атаковать, но не любят защищаться, некому среди них, что называется таскать рояль. Они все трое солисты-пианисты. Вот поэтому они против нас страдали, а не играли. У меня тоже крайние нападающие быстрые и техничные, но за них я могу черновую работу сделать, плюс моё преимущество на вбрасывании. И хоть кричал Тарасов громко, требуя своих подопечных играть в хоккей, но болельщики орали ещё громче, требуя гол. Поэтому после того как Скворцов улетел за ворота Третьяка, и выдал пас точно в крюк Боре Александрову, счёт на табло снова изменился. Потому что когда Владислав Третьяк отбил, я, разметав Ромишевского и Цыганкова, добил.

— Какой счёт, Анатолий Владимирович, что-то я вижу плохо? — Спросил я, проезжая мимо старшего тренера Тарасова.

— Иди на х...! — Гаркнул злющий наставник сборной и ЦСКА.

— Перетренировал своих парней Тарасов, — уже спокойно высказался Сева Бобров на скамейке запасных. — Есть те, кто хочет на Олимпиаду в Японию? Тогда нужно ещё чуть-чуть поднажать!

И чуть-чуть поднажали следом за нами спартаковцы с нашим торпедовским центром нападения Свистухиным, который выполнял много черновой работы. Николай удачно потолкался в центре поля с Мальцевым, шайбу выбил на Шалимова, а дальше Шалимов с Якушевым разыграли красивую комбинацию вдвоём. Виктор Шалимов прострелил, Саша Якушев в касание забил. Красивые цифры на табло, 0: 3, многие болельщики встретили бурными аплодисментами. А почему нет? Играют ведь лучшие хоккеисты страны. Кто бы ни победил, в выигрыше останется советский хоккей.

Ещё серьезнее ситуация для команды Чернышёва и Тарасова стала на восемнадцатой минуте, когда Саша Бодунов из «Крыльев советов» забросил четвёртую шайбу в матче. Вся тройка из «Крыльев» сыграла здорово, Анисин запустил по левому краю Лебедева, а тот обыграв защитника ЦСКА Лутченко, прострелил на Бодунова, который в четвёртый раз сильно огорчил Владислава Третьяка.

— Virtuозы! — Усмехнулся на скамейке запасных Сева Бобров. — Лепят как под копирку. Красавчики мужики, красавчики! — Похвалил он тройку из «Крыльев советов».

— На вас смотрит весь советский союз! Вы чемпионы мира и олимпийских игр! Вы так играть не имеете права! — Долетал до нашей лавки высокий голос Анатолия Тарасова, который взывал к совести игроков первой сборной.

— Анатолий Владимирович, — бросил я, проезжая мимо. — На нас тоже весь советский союз смотрит.

— Иди на хер! — Рывкнул главный тренер великого ЦСКА.

Вот так вот весело пролетела первая двадцатиминутка. Не знаю как у наших коллег было в раздевалке, но у нас на перерыве царила спокойная расслабленная атмосфера.

— Если так дело пойдёт, то ещё не ясно какую сборную чиновники из федерации оправят в Саппоро, ту первую или нашу олимпийскую, — негромко посмеиваясь, сказал Шалимов одноклубнику Якушеву, отхлёбывая горячий чай, который сейчас с удовольствием пили почти все.

— Михалыч, Харламова, наверное, во втором периоде передвинут в тройку к Петрову и Михайлову, — обратился я к задумчивому Боброву.

— Да, скорее всего. — Согласился Сева. — Федотов Саша, запомни у вас в игре одна задача плотнее цепляться в средней зоне и не дать разыгаться пятёрке Петрова, действуйте максимально просто. Шайбы у нас есть, кому сегодня забивать. — Устало улыбнулся Всеволод Михалыч и кивнул мне головой, предлагая отойти поговорить тет-а-тет.

Я встал с лавки и вышел следом за главным тренером в коридор.

— Ты знаешь, кто на игре присутствует? — Почти шёпотом спросил Бобров и сам же ответил. — Брежнев, Андропов, Гречко и другие члены ЦК.

— Уже передумал переходить в «Динамо»? — Удивился я, так как с КГБ шутки плохи.

— Я ведь плоть от плоти армеец, маршал Гречко тоже мне много хорошего сделал. Ты не представляешь, если мы разделаем первую сборную под орех, какие начнутся подводные течения. — Тяжело вздохнул Всеволод Михалыч.

— Хочешь, чтобы мы слили матч? — Прокашлялся я.

— Дуб ты, Тафгаев! — Чуть не вскрикнул Бобров. — Нет уж, сейчас разбабахаем Тарасовцев, а дальше будь, что будет.

Однако как выразился Всеволод Михалыч, разбабахать первую сборную оказалось не таким простым делом. Во втором периоде, как мы и предполагали атакующая связка Михайлов, Петров и Харламов воссоединилась, а на ворота вышел наш горьковский вратарь Виктор Коноваленко, который ко всем нашим комбинациям уже привык. И ещё где-то с минуты пятой хоккеисты первой сборной стали активно навязывать жесткую силовую борьбу, как говорится, начали играть в тело.

«Не на того напали», — ухмыльнулся я про себя, жестко встречая в центре площадки Толю Фирсова. Но надо отдать должное, падать Толя научился правильно, потому что, пролетев два метра под оглушительный крик толпы, отделался лишь легким испугом. Затем я впечатал в борт Юру Блинова, который перекочевал в пятёрку Фирсова вместо Валерия Харламова, и болельщики на трибунах разом ощутили себя, древними римлянами на боях гладиаторов в Колизее.

«А кто мы сейчас такие, как не гладиаторы? — мелькнула в голове простая мысль, когда на меня пошёл Гена Цыганков, чтобы отомстит за товарищей. — Первые лица государства почивают в закрытой почётной ложе, на галёрке свистят, требуя первой крови тебе, кто победнее, а на лучших местах сидят подпольные цеховики и работники торговой сферы».

— Тафгай, чё творишь, сука! — Кинулся в борьбу Цыганков, которого я успел ухватить за свитер и дёрнуть вниз, чтобы не мешал разбираться с Игорем Ромишевским, ведь ему тоже не терпелось отхватить.

Пришлось Ромишевскому без всяких фантазий сунуть в ухо, пусть посидит на льду, охладится. И наконец, пока я не принялся лупить менее крепких Викулова и Фирсова, на моих плечах повис рижский судья Пликшкис.

— Кура йохайды?! — Гаркнул он мне в ухо.

— Да понял я тебя, Рига! Всё! Мир, дружба, килька! — Ответил я.

Самое смешное — по две минуты выписали лишь мне и Гене Цыганкову. Наверное, в закрытой правительственной ложе дали добро на настоящий мужской хоккей. А между тем минуты второго игрового отрезка неумолимо тикали, а счёт оставался прежним 0: 4. Второй период стал бенефисом нового вратарского стиля «баттерфляй». В наших воротах творил чудеса Минеев, у первой сборной стоял стеной Коноваленко.

Но, к сожалению, примерно на 35-ой минуте матча произошёл ещё один неприятный инцидент, невольным «героем» которого стал я. В защите у первой сборной на льду находилась динамовская связка Васильев и Давыдов. Именно её решил главный тренер Чернышёв, неожиданно поругавшись с более эмоциональным Тарасовым, выпускать под меня, чтобы Валера Васильев хоть как-то приструнил мои жёсткие выкрутасы. И мы с ним в паре игровых моментов отлично поколотили друг друга. Разве можно хорошего крепкого мужика не впечатать в борт, тем более он меня тоже один раз чётко поймал на чистом льду, красиво кувыркнув под весёлое улюлюканье толпы. И вот когда я влез на пятак, чтобы запихать шайбу «с мясом», так как забить после обычного розыгрыша не получалось. Виталий Давыдов случайно своей клюшкой заплёл мне ноги, а Валера Васильев впопыхах толкнул точнёхонько на своего вратаря. И я все свои сто десять килограммов боевой мышечной массы уронил прямо на своего хорошего друга Витю Коноваленко, который

сегодня играл за другую команду. Сергеич сдавленно охнул, а болельщики на трибунах притихли.

— Валера, мать твою, ты чё? — Спросил я, когда встал и отряхнулся. — Виталий Семёнович, а вы тоже, не огурцы же на даче солите, куда клюшку суёте? — Высказал я и второму игроку обороны первой сборной, ветерану Давыдову.

— Увлёклись, б...ь, немного, — задумчиво пробормотал Виталий Давыдов.

Тем временем Виктор Коноваленко под аплодисменты публики сам медленно поднялся со льда и, держась за левую руку, покатил на скамейку запасных. Где метая громы и молнии, смотрел на меня ненавидящим взглядом Анатолий Тарасов. А Аркадий Чернышёв тут же дал команду готовиться вновь выйти постовым на защиту ворот Владиславу Третьяку.

— Мы же договорились, что не будем Вите руку портить, — зашептал мне Сева Бобров, когда я уселся на лавку.

— Михалыч, окстись, Вася меня по дурусти сам на Сергеича уложил. Да я за Витю кому хочешь, что хочешь порву! — Обиделся я.

Неприятный инцидент с ведущим вратарём страны, накал страстей, которые бушевали на льду, немного погасил. Тем более, на 39-ой минуте моей пятёрке удалась красивая комбинация. Пятёрка Фирсова потеряла шайбу в средней зоне, угодив в нашу фирменную ловушку, я протащил шайбу к воротам Третьяка и скинул на Борю Александрова. И «Мальш» в касание сделал счёт 0: 5.

А в третьем периоде измотанные морально и физички хоккеисты первой сборной вообще уже ничего не могли, да и скорее всего не хотели. Лично я читал на лицах Мальцева, Фирсова, Шадрина, лишь одну мысль, чтоб быстрее это всё закончилось. Даже пятёрка Володи Петрова перестала гостить в нашей зоне. У нас, кстати, тоже мало что в атаке получалось, но мы свои моменты реализовали, а первая сборная нет. И когда болельщики уже стали покидать свои места, кто-то разочарованный, а кто-то наоборот воодушевлённый и радостный, индивидуальным мастерством сверкнул, словно болид, ворвавшийся в плотные слои атмосферы Земли, Валера Харламов. Он в одиночку выскользнул из нашей ловушки в средней зоне, обвёл поочерёдно защитников Федорова и Астафьева, и уложил красиво шайбу между щитков Володи Минеева, 1: 5.

— Сделал красиво, но поздно, — коротко высказался Сева Бобров.

— Да уж, наворотили мы с тобой дел, Михалыч, — тихо сказал ему я, когда прогудела финальная сирена.

— А пусть не лезут, — звонко рассмеялся Всеволод Михалыч, который никогда и никому не любил проигрывать.

В раздевалке после матча, только и были разговоры о том, что будет с нашей Олимпийской командой дальше. Спартакотцы так вообще были просто уверены, что теперь нас надо посылать в Японию, а не их. Я же возразил, что ехать должны лучшие. Те же Мальцев, Харламов и Васильев разве не достойны?

— Этих троих берём, — засмеялся Саша Якушев. — Уговорил.

— Послезавтра состоится заседание Федерации хоккея СССР, там всё и решат, — высказался Сева Бобров.

Тут внезапно в раздевалку забежал какой-то мужичок в хорошем дорогом костюме. Есть такие малозаметные товарищи, которые всегда где-то на подхвате у серьёзных шишек, деловые шныри. Бегают, суетятся, поддакивают, заглядывая в рот своему хозяину. Но зато потом, когда хозяин их возвысит за преданность, посадив править на некую отдельную

вотчину, такого шныря не узнать. Они вмиг обрастают важными замашками, становятся медлительными и снисходительно строгими вершителями человеческих судеб, плодя вокруг себя таких же шнырей.

— Товарищу Брежневу игра очень понравилась, — сказал деловой мужичок, пожимая руку Всеволоду Михалычу. — Он просил передать вам свои поздравления, и пожелания дальнейших успехов.

— Спасибо, что ли, — пробормотал Сева.

А когда это тип скрылся, в раздевалку ворвался, словно ураган Анатолий Тарасов, волосы всклокоченные, лицо красное.

— Это ты специально сломал Коноваленко, чтобы мы проиграли! — Заревел он, бросаясь с кулаками на меня, но, предусмотрительно, не подходя близко. — И вам, не кажется ли молодой человек, что от вас пахнет говнецом?

— Я по этому деликатесу не специалист, — я резко встал с лавки и посмотрел на легендарного наставника ЦСКА сверху вниз. — Вон значит оно что! Оказывается Коноваленко у вас должен был во втором тайме выйти на ворота и голы нам начать забивать? Пошли! — Гаркнул я и, всунув голые ступни ног в зимние ботинки, двинул из нашей раздевалки в одних спортивных штанах, сверкая голым торсом. Анатолий Тарасов же поспешил следом.

— Тафгай! — Рывкнул Сева Бобров мне в спину. — Ты это, не буянь!

Я, молча, за несколько секунд пролетел двадцать метров, которые отделяли раздевалки олимпийской и первой сборных СССР. И, бросив с порога дежурное «всем привет», подошёл к Васильеву и Давыдову.

— Валера, Виталий Семеныч, как было дело, расскажите здесь при всех? — Спросил я пару динамовских защитников.

— Само как-то вышло, — почесал затылок ветеран Виталий Давыдов.

— Да ладно чё там, — замялся Валерка Васильев.

— Вот, — я показал пальцем на хоккеистов, обернувшись к Тарасову. — Сергеич? Как рука? — Обратился я уже у Коноваленко.

— Ерунда, небольшой ушиб, — грустно улыбнулся Виктор.

— Теперь что скажите, от кого, чем пахнет? — Наехал я на Анатолия Владимировича, который может быть и хотел что-нибудь возразить, но козыри в рукаве закончились.

— Про сборную забудь, пока я в ней главный! — Тяжело выдохнул Тарасов, держась одной рукой за сердце.

— Так в сборной пока главный Аркадий Иванович Чернышёв, — заметил я, покидая раздевалку первой команды страны.

Всю дорогу от дворца спорта «Лужники» до гостиницы «Юность» весело щебетала, не замолкая ни на секунду Алёнка, подруга Бори Александрова, которая сегодня собрала на трибунах все болельщицкие сплетни. Мы же с «Малышом» напыхавшись в тяжелейшей игре по большей части помалкивали. Первое о чём трепались любители хоккея — это то, что Чернышёва и Тарасова хотят снять с управления сборной СССР, а взамен назначить Боброва. Второе она с гордостью сообщила, что про Бору все говорят — это новый Мальцев или Харламов. А про Ивана шептались, что он на данный момент лучший центральный нападающий в стране, и что в следующем сезоне он вместе с тренером Бобровым переходит в

московское «Динамо».

— И откуда люди всё это сочиняют? — Поморщился Боря. — Может и меня, куда в следующем сезоне они отправили?

— По тебе мнения расходятся, — затараторила девушка. — Кто-то слышал, что тебя заберёт «Спартак», кто-то что ЦСКА, но есть и такое мнение, что ты так же переберёшься в «Динамо» следом за Иваном и Севой Боровым.

«Малыш» посмотрел на меня с немым вопросом, так это или нет? Я же в ответ просто пожал плечами, а сам подумал: «Как быстро разлетаются слухи, словно вирус какой-то, ну кто мог узнать о беседе меня, Боброва и председателя КГБ Юрия Андропова? Фантастика!»

А в фойе гостиницы меня ожидал очень приятный фантастический сюрприз. Как только наша троица с баулами и клюшками пересекла стеклянные двери «Юности» на меня быстрее, чем лучшие защитники страны в сегодняшней игре, бросилась одетая в белую шубку Ирина Понаровская. Еле-еле её поймал своими огромными руками.

— Я хотела в гостиницу устроиться, а тут говорят, что мест нет, соскучилась по тебе страшно, и ещё я с «Поющими гитарами» поссорилась. — Сразу все новости Ирина вывалила на мою светлую голову.

— В гостиницу заселю, петь пристрою в наш горьковский ансамбль, и я тоже скучал, — в доказательство чего я заключил девушку в свои объятия, и мы прямо при всех, слились в долгом и чувственном поцелуе.

— У нас в общественных местах целоваться запрещено, — заворчал выждав полминуты работающий на дверях швейцар, мужчина лет шестидесяти.

— Вы мне товарищ шестидесятник прекратите разводить тут буржуазную пропаганду, — сказал я, оторвавшись от сладких губ Ирины. — Вы ещё нашего дорогого Леонида Ильича обвините за поцелуи на торжественных приёмах с коммунистами разных стран. Стыдно должно быть, товарищ.

— Ну, хоть тогда в сторону отойдите что ли, — жалостно попросил сотрудник гостиницы «Юность».

— Учись Боря, как целоваться надо, — усмехнулась Алёнка, пихнув в бок Бориса, который стоял, открыв рот.

Всё, что в жизни есть у меня,
Всё, в чём радость каждого дня...

Наверное, ни одного человека не осталось за столиком в ресторане гостиницы «Юность», когда наш горьковский ансамбль по третьему разу затянул новый советский суперхит. После сегодняшней знаковой победы прыгал под гитарные ритмы Толика и Коляна весь состав нашей автозаводской команды. Конечно кроме вратаря Виктора Коноваленко, которого сразу после игры, как и всю первую сборную СССР злющий Тарасов посадил в автобус и увёз на спортивную базу московского ЦСКА в Архангельское, в бывшую усадьбу князей Юсуповых. Правда, жили хоккеисты в новых корпусах, а не в самом дворце знаменитого княжеского семейства.

Всё, о чём тревоги и мечты –
Это всё, это всё ты! — Разом кричала вся толпа, вторя музыкантам.

Я помахал рукой своей ненаглядной Ирине, которая сейчас тоже на сцене зажигала вместе с ВИА «Высокое напряжение», и, смахнув со лба пот, пошёл за столик. На то, чтобы продюсер Миша взял Ирину Понаровскую в ансамбль, я потратил ровно десять секунд, именно столько продержал хитрого и хватистого черноволосого паренька за нос. Чего он там гундосил, я даже слушать не стал, поэтому переговорный процесс завершился быстро, причём положительным для всех результатом. Плоткин остался с носом и получил в распоряжение прекрасную певицу, я же пообещал бесплатно сочинить ещё один музыкальный хит, но потом, к следующему воскресенью, так как пока вдохновения нет.

— Михалыч, может быть пора загонять хоккеистов по койкам? — Спросил я, сидящего в задумчивости Севу Боброва. — Что-то они слишком расслабились. Завтра же нас ждёт «Локомотив».

— Какой «Локомотив»? — Удивился главный тренер.

— Не понял? — Очень удивился и я. — Железная дорога, Ярославский вокзал, Рижский, Киевский, Казанский и так далее, на них ведь люди работают. И над этими людьми начальники большие сидят, а вот у этих начальников есть своя хоккейная команда в Москве, «Локомотив» называется, — пояснил я элементарные вещи товарищу Боброву, который видать уже немножко нарушил спортивный режим и поэтому думал о глобальных вещах, о сборной СССР и об Олимпийских играх.

— Так, — погрозил мне пальцем Всеволод Михалыч. — Завтра всех соберешь, помоешь, разбудишь, и только попробуйте мне «Локомотиву» проиграть. А я домой поехал. Нужно в голове игру сегодняшнюю переварить. Провожать не надо. Сам! И зачем мы сегодня так первую сборную обидели? А?

— «Мальш»! — Крикнул я своему юному другу. — Вызывай такси, я сейчас, пока остальные не видят, Михалычу помогу до машины дойти. Сева потом обсудим, зачем первая сборная нам так проиграла. Утро вечера мудренее.

— За котов, — кивнул головой очень расслабленный главный тренер.

На улице же стояла замечательная декабрьская погода, чистое усеянное звёздами небо,

бодрящий морозец градусов пять или шесть. Вдали мерцало огнями главное здание МГУ, как бы намекая, что главные победы ещё где-то далеко впереди, а я стою с Борей Александровым у самого начала долгого тернистого пути.

— Опять с Алёнкой поцапался, — признался Боря.

— Чтоб в шестнадцать лет да с девчонкой своей поссориться? Быть такого не может, — засмеялся я. — Что Москва ей понравилась? Хочет, чтоб ты сюда побыстрее перебрался, а потом она к тебе приедет, поступит в балет на льду, ведь в фигурном катании у неё перспектив нет, и вы будете жить поживать, да добра наживать? Так?

— Откуда ты знаешь? — Опешил «Малыш».

— С точки зрения банальной эрудиции весь цинизм элементарных помыслов сводится к тому, что рыба ищет, где глубже, а человек, где больше перспектив. — Я тяжело вздохнул, ведь тоже уже подумывал о Москве. — Пошли команду загонять под одеяло, хватит гулять, завтра играть!

Во вторник в полдень, 14 декабря, спустя два дня после оглушительной победы второй олимпийской сборной СССР над основной главной командой страны, в здании на Лужнецкой набережной № 8, где прописался Спортивный комитет СССР, состоялось заседание Федерации хоккея. Ещё в субботу такое собрание спортивных чиновников рассматривалось как простая ненужная формальность. Президиум должен был за пять минут утвердить состав хоккейной сборной к традиционному турниру приз «Известий», и пойти отметить это дело всем тем, что не принесёт непоправимый вред здоровью. Но накануне в понедельник все центральные газеты, как по команде сверху выпустили отчёт о прошедшем матче. От сборной Чернышёва и Тарасова ретивые корреспонденты не оставили ни рожек, ни ножек.

«Как главная хоккейная команда, состоящая из одних чемпионов мира, которая уже неделю готовится к ответственному турниру, умудрилась разгромно проиграть сборной собранной за один день?» — вопрошали разом бронзовые, серебряные и золотые перья журналистики. «Кто позволил товарищу Тарасову сделать из сборной филиал своего ЦСКА?» — писали спортивные аналитики попроще. «Не пора ли Федерации в преддверии Олимпиады в Саппоро навести порядок в нашем отечественном хоккее?» — били в набат в заводских многотиражках.

Из-за такой шумихи, которую возможно организовали и по команде сверху, на заседание приехали все кто, так или иначе, отвечал за советский спорт. Председательствовал за большим длинным столом Сергей Павлов, который несколько лет назад из кресла первого секретаря ЦК ВЛКСМ прыгнул на тёплое место руководителя Спорткомитета при Совете министров СССР. Наверное, руководя комсомолом, Сергей Павлович здорово играл во что-то спортивное. Рядом с ним по правую руку сидел Валентин Сыч, начальник управления зимних видов спорта. Прикрывал тело председателя слева — Андрей Старовойтов, ответственный секретарь Федерации хоккея, который ещё 1946 году успел поиграть вместе с Севой Бобровым в этот жесткий мужской вид спорта. На отдельном месте ближе всех к президиуму сидел Александр Яковлев. Он сейчас возглавлял отдел пропаганды, и подчинялся персонально серому кардиналу Кремля Михаилу Суслову. Напротив него что-то черкал в блокноте Виталий Смирнов, один из заместителей Павлова. Дальше по обеим сторонам стола сидели ещё какие-то неизвестные мне товарищи, и в самом конце, как на скамье подсудимых разместили заслуженных тренеров Аркадия Чернышёва и Анатолия

Тарасова.

Кроме этого длинного стола, за которым теперь решалась судьба главной команды страны, у стены был выставлен ряд стульев. На эти места снисходительно пустили журналистов и меня со Всеволодом Михайловичем. Вообще-то с Бобровым должен был прийти второй тренер Николай Пучков, но Николай Георгиевич с Севой вчера разругался вдрызг и уехал в Ленинград, увезя с собой вратаря Шеповалова. Поэтому Михалыч для моральной поддержки пригласил меня, но предупредил, чтоб я был нем, как рыба. Я же ответил, что по последним данным учёных, рыбы общаются между собой. На что Бобров возразил, чтобы я это делал, так же как и они, про себя.

— Почему в сборной СССР нет ни одного хоккеиста из горьковского «Торпедо», кроме вратаря Коноваленко? — Рыкнул горластый Виталий Смирнов, приподняв свежий номер «Советского спорта», где наша хоккейная дружина уже красовалась на первом месте перед декабрьской паузой.

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
Торпедо (Г.)	20	15	3	2	97 — 56	33
ЦСКА (М.)	19	14	3	2	121 — 60	31
Динамо (М.)	21	13	4	4	81 — 54	30
Спартак (М.)	20	9	2	9	70 — 72	20
Химик (Вск.)	20	7	0	13	60 — 77	14
Крылья Советов (М.)	20	6	2	12	66 — 85	14
СКА (Лен.)	20	6	2	12	59 — 87	14
Трактор (Чел.)	17	4	5	8	54 — 75	13
Локомотив (М.)	19	3	1	15	44 — 89	7

— Ну и что?! — Гаркнул упрямый как танк Анатолий Тарасов. — У нас игра в запасе и больше заброшенных шайб, и вообще, причём здесь первое место этого «Торпедо»? У них состав малоопытный. Я считаю, для сборной они ещё сыроваты!

— Для сборной сыроваты, а твой ЦСКА драть и в хвост и в гриву самый сенокос? Парадокс! — Продолжил наседать Смирнов. — У них в команде один бугай, мордатый такой, бегаёт, всю твою хвалёную защиту по лавку загнал! Чем этот верзила тебе в сборной не угодил?!

«О и меня помянули добрым словом, — улыбнулся я. — Мордатый бугай — это я. Тем более сегодня у меня ещё один фингал под левым глазом вырос, только-только под правым зажил, как новый намалевали. Вот морда лица и стала ещё шире. Вчерашняя игра с «Локомотивом» тяжело далась. Одна половина команды вышла с похмела, другая половина после воскресной игры физически и эмоционально истощенная. Еле-еле 1: 3 обыграли аутсайдера чемпионата. Кстати, третий гол в матче я забил, пока мне били в глаз, в пылу борьбы, конечно».

Затем на Чернышёва и Тарасова посыпались новые обвинения, например, что на прошлом чемпионате мира сборной Чехословакии одну игру проиграли, и одну свели вничью и отдали им неофициальный титул чемпионов Европы. Было время, когда на чемпионатах мира специально высчитывали матчи только между европейскими командами и выявляли чемпионов старого света. Потом стали припоминать и совсем мелкие обиды, в частности грубость товарища Тарасова, кого он как назвал или обозвал. Что характерно на все выпады резко реагировал только Анатолий Владимирович, а вот Аркадий Иванович все

больше молчал и иногда кивал головой.

— В общем так, товарищи заслуженные тренеры СССР, — встал невысокого роста Александр Яковлев из отдела пропаганды. — Следующий 1972 год — это год пятидесятилетия создания СССР. И мы не имеем права рисковать проигрышем Олимпиады и чемпионата мира в Праге. Воскресная игра показала, что методы работы Тарасова и Чернышёва устарели, поэтому в ЦК есть такое мнение назначить главным тренером сборной Всеволода Михайловича Боброва. Попрошу высказываться.

— Севку?! Главным тренером сборной?! — Вскрикнул Анатолий Владимирович. — Да вы с ума сошли! Кого он в последние годы тренировал?! Нет, вы скажите?! Кого?! — Тарасов вдруг пошатнулся и, схватившись за сердце, медленно присел на стул.

— Есть более конструктивные возражения? — Безэмоционально спросил Яковлев.

— Севу Боброва я знаю с 46-го года, — привстал с места Андрей Старовойтов секретарь Федерации хоккея СССР. — Мы вместе ещё за ЦДКА играли. Специалист он замечательный. А за ту работу, которую он проделал с простой автозаводской командой, Сева заслуживает огромного уважения. Считаю мнение ЦК верным, и предлагаю за товарища Боброва проголосовать единогласно.

В СССР даже в постперестроечные годы переть против мнения ЦК — это всё равно, что руками останавливать поезд, бегущий по рельсам. Огромный госаппарат раздавит, расплющит и выбросит на свалку истории, если конечно вовремя не нырнуть у берегов Батуми, чтобы потом вынырнуть на каком-нибудь турецком курорте Чёрного моря. Поэтому я даже глазом не успел моргнуть, как Всеволод Михалыч стал главным тренером настоящей сборной СССР.

— Но это ещё не всё, — остановил всех бывший комсомольский вожак Сергей Павлов, который сейчас рулил всем советским спортом. — Мы должны утвердить состав сборной команды на «Известинский» турнир, который, я хочу напомнить, стартует уже 17 декабря, через три дня. А так же состав второй сборной, которая поедет на товарищеские матчи в Финляндию и в Швецию под руководством Чернышёва и Тарасова.

— Да идите вы все нахрен! — Резко вскочил Анатолий Владимирович. — В другом месте поговорим, когда вам Севка Олимпиаду просрёт! Тарасова хотите из хоккея убрать?! Не выйдет! Я от второй сборной отказываюсь, пусть её Аркашка везёт куда хочет! — Тяжело дыша, выкрикнул свои претензии наставник ЦСКА и снова схватился за сердце. — Идите вы к чертям собачьим! — Бросил он, выходя из просторного чиновничьего кабинета.

На заседании тут же повисла неловкая пауза. «Крутой мужик, этот Тарасов, — подумал я. — Взял и всё спортивное начальство послал на три буквы. Но время же бежит неумолимо, шестидесятые закончились, появилось новое поколение игроков, с другим мышлением. Да и сам хоккей поменялся. Мы ЦСКА два раза душили ловушкой в средней зоне, и какой он сделал вывод? Что нужно увеличить нагрузку на тренировках, вместо того чтобы работать с умом и не гробить здоровье игроков? В реальной истории для Тарасова всё закончится через два года в сезоне 73–74 года. В новом же надвигающемся будущем для Анатолия Владимировича писец может подкрасться гораздо раньше».

— Мы наверное должны со Всеволодом Михалычем обсудить составы будущих команд, — сказал негромко интеллигентный Аркадий Чернышёв, прервав затянувшуюся паузу.

— Да, нам, возможно, минут сорок понадобится, чтобы решить, кто из хоккеистов за какую сборную будет играть, — согласился, сидевший всё заседание тише воды ниже травы

Сева Бобров.

— Предлагаю объявить перерыв на обед, через час здесь же, — кивнул головой Сергей Павлов, которого поэт Евгений Евтушенко дружески окрестил «румяным комсомольским вождём».

Когда кабинет опустел, Чернышёв с Бобровым, выложив на стол свои бумаги, сели как два шахматиста после завершившейся партии для разбора своих удач и ошибок. Я скромно придвинул стул сбоку и присел рядом с двумя главными хоккейными специалистами советского союза.

— Кого забираешь у меня? — Аркадий Иванович выдвинул свой список с фамилиями лучших хоккеистов страны.

— Берём нападающих: Михайлова, Петрова, Харламова и Мальцева, — выпалили скороговоркой я. — Защитника Валеру Васильева и вратаря Витю Коноваленко.

— Кхе, кху, кха, — выразительно прокашлялся Сева Бобров, что примерно означало: «заткнись сволочь». — Забираем Коноваленко, Васильева ну и ты сам слышал, кого.

— Кто ко мне переходит взамен? — Грустно улыбнулся Чернышёв, покосившись на меня.

— Тройка «Крыльев»: Лебедев, Анисин и Бодунов, и спартаковец Слава Старшинов, — снова выпалил я. — Молчу, молчу.

— Кха, — добавил Сева. — «Крылышки» — это конечно не равноценная замена, но ребята перспективные, талантливые. И потом у тебя же Мальцев играл в центре нападения, вот тебе в центр опытный проверенный Старшинов. В защиту вместо Васильева отдаём Володю Гордеева. Из моей первой пятёрки паренёк сильно за сезон прибавил. Вот только вратарь Шеповалов с Пучковым в Ленинград улетел. Обиделся на меня Николай Георгиевич, что его парня на игру не выставил.

— Ладно, Шеповалову дадим телеграмму, пусть возвращается. — Кивнул головой Чернышёв. — Может, мне ещё молодых отдашь, Александрова и Скворцова?

— Молодых, — задумчиво повторил Бобров. — Я хочу в одну тройку свести Александрова, Тафгаева и Мальцева. Он у тебя в центре нападения страдает, а у меня будет свободным художником на левом фланге творить. Вон Иван за ним все косяки подотрёт. — Михалыч, похлопал меня по богатырскому плечу, хотя такой игровой вариант — это было моё предложение. — А Сашку Скворцова забирай, через год заматерееет, отличный мастер получится.

— То есть ты, Сева, уже предполагал, чем закончится сегодняшнее заседание? — Догадался Аркадий Иванович, удивившись тому, с какой легкостью мы всех нужных игроков поменяли.

— Кхе, — снова прокашлялся Бобров. — Мысль такая возникла, когда сразу после воскресной игры к нам в раздевалку человек прибежал от Брежнева.

«Ага, если бы я вчера после игры с «Локомотивом» не сказал Севе о своих предчувствиях, то ничего бы и не возникло, — усмехнулся я. — Накануне, до трёх часов ночи спорили до хрипоты над составом новой сборной СССР. С первой пятёркой, куда включили защитников: Васильева и Гусева и тройку нападения: Михайлов, Петров и Харламов, во мнениях сошлись быстро. Вот над второй хоккейной боевой единицей орали долго. С парой защитников Фёдоров и Куликов, Бобров худо-бедно согласился, хотя и хотел взять более опытных армейцев. Тогда я напомнил Севе, как мы в таком сочетании отработывали в меньшинстве. Уломал. Но заявить в главную команду страны

шестнадцатилетнего пацана Борьку Александрова Всеволод Михалыч категорически отказался. Пришлось поклясться своим здоровьем, что «Малыш» не подведёт. Вот через год, когда у него от «звёздной болезни» начнёт крышу сносить, тогда опасность есть, а сейчас пока нет. И в защите отпашет и в атаке сделает красиво, настаивал я. «Хрен с тобой золотая рыбка!» — психанул тогда главный тренер Бобров и согласился».

— Слух такой прошёл, что тебя, Сева, хотят на моё тренерское место в «Динамо» в следующем сезоне? — Совсем загрустив, спросил Аркадий Чернышёв.

— Эх, Аркаша, если приз «Известий» завалю, а потом и с Олимпиадой в Саппоро дам результат, то в следующем сезоне буду в домино играть с пенсионерами во дворе, — грустно улыбнулся Сева Бобров.

Вечером в комнате гостиницы, отправив Борьку в ресторан пить лимонад, я снова приступил к написанию, точнее вспоминанию хита из ближайшего будущего. Раз пообещал продюсеру Мише до этого воскресенья, когда они вернутся с первых гастролей, ещё одну забойную вещицу нарисовать, чтобы моя Ирина у него в ансамбле уже на постоянной основе пела, то нужно слово держать. Вот только ничего на ум не приходило. Точнее что-то по два по три слова вспоминалось, но чтоб хотя бы припев или всю песню целиком — нет. Как же жаль, что в том времени ни на гитаре не научился играть, ни музыкой не интересовался. Кто ж знал, что после смерти занесёт в этот 1971 год?

Подо что же я прыгал на дискотеках в конце 80-х? Sandra, C. C. Catch, «Blue System» «Joy», Sabrina помню как сиськами трясла. Из русских только «Мираж». Музыка-то сгодится, но за их тексты «Эта ночь страх уносит прочь», «Только ни кому я не дам ответа» и прочие сегодня можно и срок схлопотать!

— Эта ночь, страх уносит прочь, эта ночь, — тихо напел я себе под нос и вдруг вспомнил.

Как же всё-таки много всего прячет на своих запылившихся страницах странное время. Как же я мог это забыть?! Август 88-го года, у меня тогда выдался целый месяц каникул, когда я отдыхал и от хоккея и от школы. Отсыпался до полудня и гулял до утра. Мы собирались большой компанией на пустыре, где было пару самодельных скамеечек, и небольшая площадка, чтоб поиграть в волейбол и потанцевать под магнитофон. Крутили эту смешную бутылочку, благодаря которой можно было за вечер перецеловать всех наших девчонок. И вот однажды девчонки привели с собой свою новую подругу. Девушка была невероятно красивой, и звали её Леся или Алеся. Чем-то была похожа на актрису Маргс Робби, которой, правда, ещё в проекте не было. Тогда у всех моих друзей челюсти отпали, как и у меня, а когда она заиграла на гитаре, то минут пять никто даже не шелохнулся:

Вновь о том, что день уходит с земли
В час вечерний спой мне,
Этот день, быть может, где-то вдали
Мы не однажды вспомним...

И я, как будто окунувшись в тот дивный вечер, стал быстро записывать всплывающие перед глазами строчки песни «Всё пройдёт», авторов Дунаевского и Дербенёва, которую исполнит в будущем Михаил Боярский.

Все пройдет и печаль и радость,

Все пройдет, так устроен свет,
Все пройдет, только верить надо,
Что любовь не проходит, нет...

А потом я увидел как будто в кино то, чем закончилась песня. Одна девчонка, Катька, приревновав своего парня к новенькой вдруг крикнула:

— Чё вы всё на Леську вылупились? Она же лысая!

Алесья тут же выронила гитару из рук и побежала в сторону города.

— Дура! — Гаркнул я и понёсся следом.

Во-первых, у нас впотымах и ногу легко сломать можно, да и компании всякие нехорошие бродят по округе, просят кирпича в свои страшные морды. А во-вторых, девушка очень понравилась. Почти всю дорогу я её утешал, и расспрашивал, что имела в виду дура Катька? И лишь перед своим домом девушка призналась, что она с родителями ещё два года назад жила в Припяти, когда случилась авария на Чернобыльской АЭС. И теперь у неё нет на голове ни единого волоса, и ходит она в парике. А я тогда, так любовался девушкой, что даже не обратил внимание на её ненастоящие волосы.

Десятки тысяч жизней унёс это «мирный» чернобыльский атом, по всему союзу беженцы из Припяти и её пригородов разъехались в 1986-ом году. Недолго я гулял с Алесей, через месяц она слегла в больницу, где буквально за неделю истлела как свечка и умерла от рака, или правильной сказать ушла, так как я теперь знаю, что смерти нет. Однако от этого не легче.

— Я больше лимонад пить не могу и спать хочу! — С порога заявил Боря Александров, войдя в номер. — Написал? — Спросил он и, схватив без спроса листок с песней, присвистнул. — Спой о том, как вдаль идут корабли, не сдаваясь буре. Спой о том, что ради нашей любви весь этот мир придуман. Обалдеть!

— А ты думал я только по мордасам и хариусам могу стучать? — Горько усмехнулся я. — Но песни писать больше не буду. Оказалось внутри себя ковыряться больнее, чем «ловить» шайбу на себя во время игры.

— Посмотрим, как ты Ирине в этом деле откажешь? — Хмыкнул недоверчиво «Мальш», отправляясь в душ.

Среда 15 декабря, первая тренировка новой сборной СССР. Работаем в стареньком «Кристалле», а живём кто где, мы горьковские, иногородние в гостинице «Юность», москвичи же по домам. Вообще-то все прошлые годы главную команду страны запирали либо на базе ЦСКА в Архангельском, либо на базе «Динамо» в Новогорске на реке Сходня. Как там у Высоцкого? Значит так, до Сходни доезжаем, а там трусцой и не стонать... Небось хоккеем советский все мы уважаем, канадцам только бы бока намять.

Множество возникло межотраслевых препон, когда сместили Чернышева и Тарасова во вторую олимпийскую сборную. И пока всё это стали бы решать да согласовывать «Известинский» предновогодний турнир давно закончится. Ведь 17 декабря, в пятницу, уже первые два матча Чехословакия — Швеция и СССР — Финляндия. Затем в субботу Финляндия — Швеция и важнейшая игра турнира СССР — Чехословакия. Ведь шведы в преддверии Олимпиады решили в Москву прислать молодёжную команду, чтобы не нервировать проигрышами основной состав, поэтому основная заруба будет между нами и чехами. И уже 20 декабря, в понедельник, последние две игры Чехословакия — Финляндия и СССР — Швеция. Вот и сказали Севе Боброву, работай пока с тем, что есть на маленьком тренировочном катке «Кристалл».

Между прочим, чехи, шведы и финны сегодня уже тренируются на главной «Лужниковской» арене, или как её официально называют дворец спорта центрального стадиона имени Ленина. Кстати, чехословаков поселили к нам в гостиницу «Юность», на завтрак с ними сегодня пересеклись, перекинулись парой «дружелюбных» взглядов. А хоккеистов из капиталистических стран, как водится, засунули в новенькую гостиницу «Интурист» поближе к интердевочкам, подальше от социалистического реализма.

— Сегодня игры пять на пять проведём без вратарей, — объявил Всеволод Михалыч, после небольшой, но интенсивной разминки. — Так как пока Витя Коноваленко работать полноценно не может. Поэтому забрасывать будете только в верхние углы.

По знаку главного тренера его помощники по горьковскому «Торпедо» Боря Чистовский и Саша Котомкин, которых он разумно решил привлечь к тренировочному процессу, ведь на всех не разорвёшься, прикрепили на изоленту простые хозяйственные авоськи к верхним углам хоккейных ворот.

— Первая пятёрка защитники: Васильев и Гусев, нападающие: Михайлов, Петров и Харламов играют против второй пятёрки: Фёдоров, Куликов — защитники, и нападающие: Александров, Тафгаев и Мальцев. — Скомандовал главный тренер и остальная команда, чтобы не мешать первой бескомпромиссной битве, перелезла через борт на скамейку запасных.

Кстати, по поводу бескомпромиссной битвы, первая уже сегодня состоялась за хоккейные свитера с любимыми номерами. Благо моя тридцатка уникальная и никто на неё не позарился. Защитник Юра Фёдоров, который играл в клубе под 16 номером, без боя уступил его армейцу Володе Петрову, а себе взял № 4. Защитник из «Химика» Юра Ляпкин захапал себе любимый № 5, под которым раньше в сборной и ЦСКА выступал Александр Рогулин. Но сейчас Александр Павлович получил травму и даже с олимпийской сборной никуда не поехал. А вот Саша Федотов за свою фуфайку № 17 с Валерой Харламовым поспорил. Пришлось вмешаться мне лично, чтобы уговорить Федотова взять № 27.

— Саша, — сказал я, выведя нашего центрального нападающего из раздевалки, — тебе сейчас не о номере нужно думать, а за сборную хвататься руками и ногами. Тебе ведь уже 27 стукнуло, через год другой даже в клубе начнут коситься, что уже по возрасту не тянешь.

— Ладно, — пробурчал он, — возьму № 27 по возрасту пока тяну.

Свою «шестёрку» защитник Саша Куликов отдал Валере Васильеву, хотя и предупредил, что ещё посмотрим, чья она будет. А вот дальше началась настоящая драма-драмище. № 15, под которым у нас играл юный гений прорыва Боря Александров, забрал себе Александр Якушев, сказав при этом:

— Отдыхай «Мальш».

Я только успел за изолентой в сумку нагнуться, как Боря, невысокий, но плотно сбитый, поднарастивший хороших мускулов за два месяца качалки, за секунду оказался возле обидчика и накинул смачную двоечку в подбородок своему более высокому товарищу по сборной. В следующие несколько секунд, Свистухин повис на плечах Саши Якушева, а я приподнял рывком Бориса и вынес из раздевалки.

— Ты, «Мальш» по огромному везению попал в главную команду страны раньше срока, так какого хера? — Грозно прошептал я, чтобы Сева Бобров из своей соседней тренерской комнаты ничего не услышал. — Берёшь себе 25-ый и отдыхай! На льду будешь доказывать, что Бобров и я в тебе не ошиблись.

«Хорошо, что на товарищескую игру с первой сборной дали какое-то рванье без нормальных номеров, — подумал я. — А так бы не мы их разгромили, а они нас разделали, как Бог черепаху».

— Мужики, — сказал я в раздевалке. — Если Михалыч узнает о драке то, оба будете приз «Известий» смотреть по телику? Понятно выразился?

— Понятно, — пробубнил Якушев, вытирая кровь, капающую из носа.

Вот по этой причине первая тренировка вышла, словно ледовое побоище. Никто никого на льду не жалел. Кроме меня, я старался бить аккуратно, чтобы не переломать свою же будущую команду. Кстати, идея забрасывать шайбы только в «девятки», то есть верхние углы ворот, оказалась удачной. Ведь защитники не шмаляли со всей дури от синей линии, и тем самым многие избежали болезненных ушибов в тренировочных двухсторонках.

К сожалению, первый микроматч моя пятёрка проиграла, сначала из-за выигранного вбрасывания мы долго владели шайбой, расставились в позиционном нападении, но потом Саша Мальцев зачем-то запустил по воротам с острого угла и угодил в штангу. В контратаку убежал хитрец Валера Харламов, чётко бросил в «девятину» и отправил нас отдыхать.

Следующими на лёд вышли третья пятёрка в составе: защитники Паладьев и Ляпкин, и тройка нападения Шалимов — Свистухин — Якушев. Против них Сева Бобров выставил нападающих нашей горьковской команды: Мишина, Федотова и Фролова, и защитников: Астафьева и Юру Фёдорова, только что отыгравшего за нас. Такова участь всех игроков обороны проводить на льду по несколько смен. Где-то секунд тридцать я следил за тем, как пятёрки носятся туда и сюда, промахиваясь по верхним углам ворот, а потом обратился к Саше Мальцеву.

— Александр, ты конечно хоккеист авторитетный, но больше так не играй. Позиция была для броска у тебя неудачной, зачем же нужно было лепить с неудобной руки?

— Учить меня будешь? — Удивился, приподняв одну бровь Мальцев.

— Неа, уши буду драть в раздевалке, — я весело подмигнул. — Вы динамовцы привыкли под ЦСКА ложиться, сейчас буду воспитывать в тебе привычку побеждать.

— Ты, Сашок, — усмехнулся Боря Александров. — Лучше сделай, как он скажет, а то не отвяжется, особенно от ушей в раздевалке.

Пятёрки Свистухина и Федотова, наконец, перестали мелькать перед глазами, так как Виктор Шалимов всё же попал в «девятку». И на лёд поехала играть первая пятёрка Петрова против Свистухина и спартаковцев. И опять Михайлов, Петров и Харламов с защитниками Васильевым и Гусевым, оказались сильнее. Гол забил Боря Михайлов.

— Михалыч, а давай играть до тех пор, пока нас не выбьют? — Засмеялся здоровяк Володя Петров.

— Пятёрка Тафгаева на поле, — прокашлялся Сева Бобров, который отлично знал, что со спорщиком Петровым дискутировать, только нервы трепать.

— Малец, — сказал я Мальцеву, прикрыв рукой рот, — сейчас выигрываем вбрасывание, откатываемся на свою синюю линию и с разгона влетаем в зону атаки, и не глупи. «Мальш» слышал?

— Сделаем в лучшем виде, — зло усмехнулся Александров.

На вбрасывание случилось всё, как я и ожидал. Володя Петров — центрфорвард уникальный, мощный таранного типа, только немного пониже меня и на точке играет очень слабо. К сожалению — это огромная беда всего нашего советского хоккея сейчас, а позднее она благополучно переключается и в хоккей российский. Поэтому первая часть плана, завладеть шайбой и разогнаться от нашей синей линии, сработала.

В средней зоне, когда я заметил, что защитники Васильев с Гусевым сместились от бортов ближе к центру площадки, я скинул шайбу на Мальцева. Саша влетел по левому краю, сделал резкий разворот и с горькой ухмылкой катнул шайбу мне. И в этот момент Володя Петров, зацепив меня клюшкой, неожиданно грохнулся на лёд. Буквально одного мгновения мне хватило, чтобы шайба как бабочка юркнула в прикрученную изолентой авоську в верхний угол ворот.

— Отдохните пока что ли, газировки попейте, — усмехнулся я проезжая мимо Петрова.

— Поговори ещё, — пробухтел за спиной грозный армейский центральный нападающий.

Затем после первой пятёрки вышла пятёрка третья: Свистухин и спартаковцы, плюс Ляпкин из «Химика». Мы попытались разыграть ту же комбинацию, но Мальцева удачно прикрыл Шалимов, а «Мальшу», которому я отдал пас, вовремя помешал Саша Якушев. И на входе в зону атаки Боря шайбу практически подарил защитнику Жене Паладьеву. Мы разом откатились в среднюю зону, уже автоматически не задумываясь готовя там свою ловушку, как вдруг я вспомнил, что Мальцев про эту тактическую новинку ничего и знать не знает, и вместо того чтобы делать как я, Александр полетел прессинговать защитника Паладьева. Тот тут же отдал шайбу Якушеву, на которого бросился злющий Боря Александров, мстить за делёж номеров в раздевалке. Удар в корпус получился смазанным, ведь «Як-15» не первый день в хоккей играет, но игрока «Спартака» отнесло к левому борту, где уже добавил я. Пришлось присоединиться к стихийному прессингу, устроенного моими партнёрами по тройке нападения. И хоть Саша Якушев парень крепкий и жилистый, но когда сто десять килограммов его впечатали в деревянный борт, даже он заметно загрустил. И вдруг, выскочив как чёрт из табакерки, шайбой завладел Мальцев, одним движением обыграл Свистухина, вторым Паладьева и бросил не сильно, но точно в девятку ворот нашего временного соперника. Одним словом — самородок.

— Вот так! — Крикнул, обрадовавшись своей удаче, Саша Мальцев.

— Эй! Эй! — Заорал я, когда увидел, что за спиной Якушев и Александров опять начали мутузить друг друга. — Есть желание помахать кулаками, предлагаю это сделать на боксерском ринге против меня! — В подтверждение своих слов я обоим забиякам отвесил по подзатыльнику и растолкал в разные стороны. — Против чехов так будете играть, горячие хоккейные парни.

Сева Бобров подъехал, когда уже страсти утихли и выразительно прокашлявшись, сказал:

— Четвёртая пятёрка на лёд. Юра Ляпкин составь в защите пару Астафьеву.

— «Мальш» ты чего? — Спросил Мальцев нашего юного задиру, пока Федотов с партнёрами выезжали на поле. — Сашка Якушев классный парень. Сегодня после тренировки бахнем по маленькой, сразу помиритесь. То есть шампусика пропустим по глоточку. — Добавил динамовский форвард, когда увидел мои «ласковые и добрые» глаза.

Стычки, силовая борьба, злость, зависть и обиды, медленно, но верно сошли на нет, лишь ближе к концу тренировки, когда ноги уже порядком налились усталостью, эмоции утихли и даже сил как следует принять соперника на корпус уже не было. В раздевалке, после душевой, многие стали договариваться, где бы посидеть и отдохнуть от хоккея и желательно в приятном женском обществе. Зазвучали такие рестораны, как в гостинце «Советская», в гостинице «Россия» и ресторан «Золотой колос», что на ВДНХ. Но разговоры мгновенно смолкли, когда вошёл Всеволод Михалыч:

— Мужики, по-хорошему бы вас сейчас на базе запереть, но раз так получилось, не подведите. Завтра дозаявлю третьего вратаря Сашу Пашкова из «Динамо» и проведём нормальные двухсторонки. По сегодняшнему дню, лучший результат показала пятёрка Тафгаева, далее по убыванию пятёрки Петрова, Свистухина и Федотова. Учтите, кто на матч с Финляндией будет первой пятёркой, кто второй, кто третьей, а кто запасной, решится завтра. — Сева Бобров почесал затылок, что-то ещё вспоминая. — Ах, да. Сейчас обед в «Юности», там же федерацией оплачен и сегодняшний ужин. На нём можете быть по желанию. Завтра здесь же в то же время.

— Первый раз так готовлюсь к крупному турниру, — усмехнулся Володя Петров, когда наш главный тренер покинул раздевалку. — Одна двух часовая тренировка и всё, свободен.

— Мы в Горьком почти два месяца так тренируемся и ничего, это нам не мешает быть сейчас на первом месте, — возразил Лёша Мишин. — Да и вас в это воскресенье укатали, как детей.

— Чё ты сказал?! — Вспылил здоровяк Петров.

— Ты, Володя, вроде из душа только что вышел? — Встал я и заслонил собой торпедовского одноклубника. — Что ж уши не прополоскал водно-мыльным раствором? Нас сейчас здесь двадцать один человек, на Олимпиаду поедет всего двадцать. Хочешь получить травму перед Японией?

— Хватит мужики, всё нормально, — вмешался нападающий Боря Михайлов лучший друг Володи Петрова.

— Завтра на льду продолжим, — бросил мне Петров.

— Обязательно, скидываемся по десятки с носа, и посмотрим — кто завтра кого сделает? — Я сжал кулаки, так захотелось помахаться, но раз нельзя вмазать, то денег выиграть у заносчивых армейцев можно. — Я не понял, Вова, ты сливантос? Или всё же уши не домыл?

— Ладно, давайте по десятке, — пробормотал, глядя на меня исподлобья армейский форвард таранного типа.

Вечером в ресторане «Юность» было, как никогда многолюдно. Играл какой-то местный ансамбль, танцевали парочки. А чехословаки, которые неожиданно приехали с товарищеских игр в Швеции на день раньше, дружно пили пиво, не стесняясь своего главного тренера Владимира Костки, и громко гоготали. Мы же, игроки горьковского «Торпедо» более скромно сидели за столиками. Я попивал молочный коктейль, Боря Александров тоже не выёживался и пил напиток из молока и мороженого, а Мальцев с Харламовым потягивали одну бутылочку шампанского, которую взяли на двоих.

— Вон ходит здоровенный чех — это Вацлав Недомански, — кивнул головой Саша Мальцев, который, как и его лучший друг Валера Харламов, не поехал после ужина с остальными москвичами в ресторан гостиницы «Советской». — Попил он нам крови в прошлом году. Да и в этом попьёт.

«А в 1974 году рванёт за океан с другим игроком сборной, Рихардом Фардой, — усмехнулся я про себя. — А ведь мне против Недомански как раз и придётся биться на льду! Пойду, познакомлюсь».

— Пойду, Вацлава на танец приглашу, — подмигнул я своим товарищам.

— Тафгай давай без драки, — взмолился Саша Мальцев. — И потом он русских после 68-го года не любит, не лезь.

— Спокойно, я только примерюсь, в какой глаз его во время игры лучше приголубить?

Кстати, если поставить себя на место чехословаков, то после 1968 года, даже страшно подумать, чтобы я сделал с игроками сборной СССР, которые, к слову сказать, приказ вводить танки в Прагу не отдавали. Как всегда, когда политики не могут найти элементарный компромисс, и забывают, что худой мира в сто раз лучше доброй ссоры, страдают, гибнут и ненавидят потом друг друга простые люди.

Когда я подошёл к весёлым чехословацким парням, громкий смех резко оборвался.

— Ахой! Или агой! Привет, в общем, — улыбнулся я, рассматривая настороженные взгляды чехословацких «друзей» по соц. лагерю. — Имениу си или сё Тафгай. Я хоккеист сборной СССР. Вацлав, пойдём си промовлять. Или как там промлувать. Выйдем короче поговорим. — Сказал я персонально Вацлаву Недомански, который хоть чуть-чуть, но должен был язык Пушкина и Толстого понимать.

— Русский отойди от нас, — полез в разговор кто-то из чехов.

— Фюнф минут, Маргарита Павловна. Вацлав, выдесил меня? — Поддел я заранее приготовленной фразой мощного чехословацкого нападающего. — Испугался меня? У меня в рукаве танков нет. Нема танков. — Я вывернул свои карманы.

Услышав про танки, чехословацкие хоккеисты что-то быстро зашебетали на своём языке, но суть сказанного мне была ясна, не хотели отпускают Вацлава со мной выйти и по-мужски поговорить. Кстати, на то и был расчёт, Вацлав ведь в своей сборной лидер не только по игре, но и лидер неформальный, и сейчас «дать заднюю» — это для него просто позор. Поэтому через пару секунд Недомански решительно пошагал следом.

— Пойдъме, пойдъме, — я показал рукой на дверь, ведущую на улицу. — Через три роки, ты и Фарда утекать из Чехословакии в Америку в Торонто. — Сказал я, когда мы остались тет-а-тет, под мягким падающим на волосы снегом. — Не помню названия той команды. А потом буде Детройт Ред Уингз и Нью-Йорк Рейнджерс. Я тебя не осуждать. Это

интересно попутешествовать, цестовать и денег заработать и везде поиграть.

— Ты мне врать, — выдавил по-русски несколько слов из себя настороженный Вацлав.

— Запоминай, то есть запомятовай, в следующем 1972 року, в сентябре, в этом как его, в заржи, в Праге ваша сборная сыграет один матч с тим НХЛ. И счёт буде три — три. Запомятовай. Ну, встретимся на игре. То есть увидимся на лёде. Хотя признаюсь честно, бить буду больно, но аккуратно. — Я кивнул растерянному Вацлаву Недомански и пошёл обратно в ресторан.

«Зачем я ему это сказал? — подумал я, когда оказался в тепле, где танцевали парочки и гремела музыка. — Так припугнул немного, чтобы держал себя в руках во время матча, ведь на психику всегда давит тот факт, что кто-то очень много знает о твоём вероятном будущем, о том, что у тебя в голове. Наверняка, Вацлав уже размышляет о перспективах поиграть в НХЛ, и вдруг это ему обещает в будущем ненавидимый им русский».

Пока я отсутствовал в ресторане за нашим столиком, неожиданно оказалось пополнение. К Мальцеву, Харламову и Боре Александрову подсели три нарядные барышни, лет примерно двадцати пяти, возможно чуть младше, а может быть и постарше. Внешность вообще часто бывает обманчива, как и слова.

— Я смотрю спортивный режим для кое-кого это кхе собачий? — Я кивнул головой на стол, на котором кроме бутылки шампанского оказались ещё две бутылочки вина.

— Да ладно тебе Иван, мест не было вот девочки к нам и подсели, и это вино для них, — хитро улыбнулся Саша Мальцев. — Кстати, познакомься. Это Вера, это Настя, это Наташа. А мы с Валерой только шампанское потягиваем.

— Всего по пятьдесят шесть грамм, — добавил Валера и сначала он громко захохотал вместе с Мальцевым, а затем засмеялись и «девочки».

— Здравствуйте девочки, здравствуйте мальчики, смотрите на меня в окно и мне кидайте свои пальчики, — пробурчал я, усаживаясь на свой стул.

— А вы тоже хоккеист? — Спросила, кажется, Наташа, которая и без моего ответа об этом знала.

— Я? Нет. — Я помотал головой. — Я учёный физиолог, Иван Павлов. Вырабатываю у звезд советского хоккея условные рефлексy. Дёрну за одно ухо, сразу скорость игрового мышления растёт, дёрну за другое просыпается любовь к здоровому образу жизни.

— А если дёрнуть за третье? — Решил поумничать хохмач Валерка Харламов.

— А третье сразу отрывается, потому что оно лишнее, — я встал из-за стола. — Боря за мной. Александр не забудь, завтра перед тренировкой у нас в моём номере военный совет. Хватит по льду бегать кто в лес, кто по дрова. Иначе, если Михайлову, Петрову и твоему другу Харламову проиграем, выложишь полсотни из своего кармана. До свиданья, девочки.

— Может, ещё посидим? — Жалобно попросил «Малыш», косясь на барышень.

— 20-го у нас заканчивается приз «Известий», а 21-го товарищеская игра с чехами. Вот 21-го ещё и посидим. Сейчас-то чему радоваться? Всему своё время.

Ночью я долго ворочался и не мог уснуть. Одно время, когда появился интернет, я собирал и пересматривал записи лучших игр сборной СССР и матчи между командами НХЛ и нашими клубами. Главным образом 70-х и 80-х годов. Была у меня и небольшая коллекция игр со сборной ЧССР. Я раньше не понимал, почему именно чехословаки нам давали такой серьёзный и решительный бой. А сейчас, когда сам увидел, что против физически мощных и техничных Вацлава Недомански и Ивана Глинки нам в центре площадки и противопоставить-то практически некого, кроме Петрова, то понял в чём корень проблемы

— тактическая примитивность. Что Тарасов, что Чернышёв, что Кулагин и даже Сева Бобров застряли своими хоккейными идеями в далёких 50-х годах, когда работали по наитию и надеялись на исключительные бойцовские качества хоккеистов, их импровизацию и физическую выносливость. А у чехословаков изначально выбор мастеров был не большой, и им хочешь, не хочешь, приходилось изобретать хитрые тактические ходы. Вот и выходило, что в матчах между СССР и Чехословакией верх брал либо чехословацкий тактический расчёт, либо советская хоккейная импровизация. Игры против чехов в начале 70-х годов смотреть было невыносимо, так как играть в фирменный комбинационный хоккей они не давали, грамотно встречая в средней зоне. То же самое, что мы сейчас показывали в чемпионате СССР с горьковским «Торпедо», где дважды огорчили ЦСКА.

— «Мальш», — я потряс Борю за плечо.

— Что! Уже подъём? — Вскочил он, испугано уставившись на меня.

— Да, не. Всего лишь землетрясение в Ашхабаде, лежи пока. — Успокоил я паренька. — Нужно завтра к тренировке найти маленькие магнитные шахматы, срочно.

— Ё-моё, — заворчал Александров. — В библиотеке гостиницы можно взять на прокат, пятёрка в залог. В шахматы, что ли завтра решил поиграть?

— Да, буду внедрять новый метод, шахматный хоккей, спи, давай, — улегся и я, подумав, что неплохо бы мне сейчас приснилась Ирина, а не клюшка, шайба и скользкий лёд.

Шахматы, как утверждают товарищи историки, появились примерно в шестом веке нашей эры в жаркой Индии. В те далёкие времена на языке санскрит, который в Индию случайно занесли непонятные трудовые мигранты с севера, игра называлась странным словом чатуранга. Затем чатуранга перекочевала на Арабский Восток, а уже потом в Европу и в Африку. По пути из древней Индии в просвещённую Европу менялись правила игры и название отдельных фигур. До матушки Руси шахматы добрались спустя примерно 300 лет уже с купцами с востока. Ведь некогда было нашим предкам заниматься всякими детскими игрушками, потому что нужно было жить в лесу, и каждый день молиться колесу. Кстати, с санскрита слово чатуранга на русский переводится, как четыре ранга, так как изначально в игре участвовало не две противоборствующие стороны, а четыре. И вроде бы всё с шахматами ясно, кроме одной закорючки, почему в конце игры, королю или шаху, как называли самую главную и беззащитную фигуру на восточный манер, объявлялся какой-то странный «мат»? И что это за слово такое «мат» и кто его вообще изобрёл? С этой загадкой мировые светила исторической науки ещё не разобрались.

— Б...ь! Сука! — Крикнул Володя Петров, проиграв мне в шахматы вторую партию подряд.

— Гони рубль, — улыбнулся я, так как до двух выигранных партий сначала одну проиграл, а партия у нас шла по рублю.

В раздевалку заглянул недовольный Сева Бобров и, сильно дунув в свисток, сказал:

— На тренировку персональное приглашение надо?

— Между прочим, на большие праздники всегда присылают персональные приглашения. — Ответил я, надевая на голову хоккейный шлем. — А тренировка для меня Михалыч — это всегдабольшой праздник.

— Сейчас устрою кросс на двадцать км, по-другому у меня запоёшь! — Рывкнул Всеволод Михалыч.

«Можно конечно и на двадцать км побегать, — подумал я, с бравым, лихим и придурковатым видом вылетая из помещения, — а смысл? Для хоккея кросс — это вещь неактуальная и даже вредная. Вот совершать множество коротких и резких ускорений во время предсезонной подготовки — полезно, а семенить в одном размеренном темпе — пустая трата здоровья и сил, которые у человека не безграничны».

Микроматчи пять на пять, для определения первой, второй и третьей пятёрок сборной команды страны, Сева Бобров сегодня приберёт на вторую часть занятия. Сначала была разминочка, затем шла отработка позиционного нападения и позиционной защиты, потом поработали над выходом два в одного и три в два. Сегодня работа пошла уже веселее, ведь к нам присоединился вратарь «Динамо» Саша Пашков, поэтому он потел на одной половине ледяной площадки, а на другой отбивал наши бодрые наскоки горьковчанин Вова Минеев. Легко травмированный Витя Коноваленко в центре поля работал над техникой с персональным тренером вратарей Сашей Котомкиным. И уже после часа интенсивного занятия всех, завяленных на «Известинский» турнир, двадцати двух человек и тренерский штаб в придачу можно было спокойно выжимать, как мокрые тряпки.

— Михалыч, прекращай волонтеризм, — взмолился я, проезжая мимо главного тренера. — Мы сейчас здесь все разом родим множество маленьких и беспомощных

хоккеистов.

— Бери пример с ЦСКА, онидаже ещё не вспотели, — усмехнулся Бобров. — Возносятся.

— Так это мода такая неправильная, на тренировке носишься, как угорелый, а потом в игре умираешь, — я стёр пот с лица полотенцем, что валялось на лавке. — Прекращай творить безобразия, словно мировая буржуАзия.

— Закончили упражнения! — Дунул в свиток Сева Бобров. — Две минуты перекур и играем пять на пять. Посмотрим — кто из вас первый, а кто второй.

Я подозвал свою пятёрку на тайное «комсомольское» собрание и взял заранее приготовленные маленькие магнитные шахматы. Большую часть шахматных фигур я убрал в крышку, а на доске оставил лишь пять чёрных пешек.

— Это я, — я выставил на центр большого белого ферзя, который теперь возвышался над чёрными пешками. — Это «Малыш», — на левый край у меня пошёл слон. — А этот конь справа — ты Малец.

— Почему это я конь? — Возмутился Саша Мальцев. — Я хочу быть королём. Поменяй местами фигурки, так красивее будет.

— Ладно, будешь ладьёй и меньше текста! А защитники у нас будут — кони. — Я добавил на доску остальные фигуры.

— Чё это мы сразу кони? — Разом выпалили Юра Фёдоров и Саша Куликов.

— Потому что привередливые! — Резко осадил я своих парней. — Смотрите дальше...

А дальше я кратенько показал, как делать замок в средней зоне, как входить в зону атаки с помощью «скреста» и «паровозика».

— Боря, Юра и двое Александров, — закончил я свою двухминутную речь, — старайтесь не атаковать вратаря прямыми бросками. Вышел, сделал замах, отдал пас под завершающий бросок на другой край, или в центр. Защитники тоже самое, не забывайте делать накидочку мне на пятак. Ну, мужики, за котов!

— За котов! — Разом повторила моя пятёрка.

— И за «Динамо»! — Добавил Мальцев.

Своих первых оппонентов, пятёрки Коли Свистухина, который «центрил» у спартачей мы ожидаемо выиграли. Зажали за счёт более грамотных командных взаимодействий почти на полторы минуты на одной половине площадки Шалимова, Свистухина, Якушева и их защитников Паладьева и Ляпкина, и додали до заброшенной шайбы. В реальной игре такое бы не прокатило, потому что через минуту уставшую пятёрку главный тренер поменял бы, а в тренировочной, пока либо ты, либо тебе не забьют, не заменять хоть на карачках по льду ползай и умоляй.

Так же свой микроматч выиграли Михайлов, Петров и Харламов у пятёрки Саши Федотова. И хоть ворота федотовской пятёрки защищал Вова Минеев, а другую «рамку» сторожил Саша Пашков, разница в индивидуальном мастерстве чувствовалась. Валера Харламов красиво прошёл по левому краю и бросил с острого угла. И первым на добивании оказался Петров, который уже шайбу в ворота и протолкнул. Единственная разница с нами, пятёрка Петрова почти две с половиной минуты потратила на свой микроматч. Поэтому Сева Бобров объявил общий минутный перерыв.

— Сейчас пятёрки Петрова и Тафгаева сыграют между собой по три раза с минутным перерывом, — добавил Всеволод Михалыч, какую-то запись себе в журнал. — Определим пятёрку номер один, дальше разберёмся с вами мужики. — Бобров кивнул двум другим

игровым сочетаниям.

— Есть такая идея, — я снова достал шахматную доску. — Смотри Малец, выигрываем вбрасывание, откатываемся на свою синюю линию. Дальше я получаю пас от защитника и рву по центру. — Я передвинул ферзя на клетчатой доске на центр. — Ты же со своего правого края разгоняешься на левый фланг. Я отдаю за спину тебе, чтобы ты по большой дуге на высокой скорости слева влетел в зону атаки. А Борька уведёт своего опекуна чуть в центр, откроет тебе лазейку.

— Кто на дальнюю штангу замыкать пойдёт? — Усмехнулся Мальцев, представляя какая на поле у наших соперников «заварится каша».

— Получается мне ближе и проще открыться на дальней штанге, а Боря сыграет по центру чуть в оттяжке. — Я расставил фигуры на доске в треугольник.

— А кони так и останутся стоять там, сзади? — Поинтересовался защитник Саша Куликов.

— Коней мы в обиду не дадим, — успокоил я Куликова, передвинув фигурки коней поближе к треугольнику. — Вот такая у нас получается буква «хэ».

Однако гладко было на бумаге, то есть на шахматной доске, но в реальной боевой обстановке, всё пошло немного не так. Мальцева справа опекал неудобный, злой и цепкий Боря Михайлов. Как только Малец заложил вираж для разгона, Михайлов, которого партнёры по звену за длинный нос звали «Пыря», как клещ вцепился в нашего нападающего клюшкой. Бобров, нехороший человек, нарушение правил прозевал, или сделал вид, что не заметил. Тогда шайбу, что отдал я за спину, первым подхватил шустрый Валера Харламов, который тут же полетел на наши ворота. Хорошо, что защитники Фёдоров и Куликов его грамотно встретили. Кулик сыграв в корпус, отсёк легенду № 17, а Юрка Фёдоров завладев шайбой, запустил её на открытого Борю Александрова.

И буквально за пару секунд вся ситуация на льду разом перевернулась. Петров и Михайлов, которые полетели за Харламовым, внезапно оказались отрезаны. А я, Александров и Мальцев вылетели втроем на двух защитников пятёрки Петрова, на Валеру Васильев и Сашу Гусева. Что порядочные хоккеисты делают, когда остаются три в два, что им шепчет хоккейный долг? Раскатывать оборону и вратаря на пустые ворота. Борька вытянул на себя Васильева, и сделал пас на меня в центр, я же в свою очередь выманил Гусева и вратаря Вову Минеева, после чего переправил шайбу на пустой угол Мальцеву. Вот если бы у Мальца были завязаны глаза и связаны за спиной руки, то может быть он из такой позиции и промахнулся. Однако связывать и завязывать, нужно было раньше, а сейчас нужно было вынимать шайбу из сетки ворот.

— Один ноль, — объявил наш промежуточный счёт Сева Бобров. — Минуту отдохнёте?

— Мы-то конечно отдохнём, — сказал я проезжая мимо главного тренера. — А вот кто свистеть нарушение правил будет? Глава Госкомспорта Сергей Павлов или его заместитель Виталий Смирнов, а может быть ответственный председатель федерации хоккея Андрей Старовойтов?

— Свистеть будет свисток, — коротко ответил Бобров.

— Ты, Михалыч, только в следующий раз дунуть в него не забудь, — тихо посмеиваясь, добавил я.

Второй микроматч с пятёркой Петрова, за денежный приз и главенство в сборной команде страны, мы решили разыграть так же, но в зеркальном варианте. Разгоняться с фланга на фланг теперь должен был не Саша Мальцев, а Боря Александров. Харламов

подлыми зацепами пользоваться побрезгует, решил я. И оказался прав. После выигранного вбрасывания, и отката к своей синей линии, мы разыграли всю комбинацию как по ноткам. Борька резво набрал крейсерскую скорость, и по большой дуге сместившись с левого на правый край, влетел в зону атаки. Михайлов, Петров и Харламов запутанные нашими перемещениями, сбились в кучу и застряли в средней зоне. Лишь «Пыря» опять удачно прихватил клюшечкой Сашку Мальцева. Но за счёт скорости Боря Александров убежал от защитника Гусева и Васильева и прострелил вдоль ворот. С острого угла в движении попасть в рамку было непросто, однако у меня получилось. Правда шайба чуть чиркнула вратаря Минеева, но мимо сетки не улетела. Хоккеисты двух других пятёрок, которые в это время, сидя на скамейке запасных, наблюдали за баталией, в знак поздравления постучали клюшками по борту.

После тренировки в раздевалке пятёрка Петрова, скрепя сердце, отсчитывала по десятке рубликов с носа.

— Не трясина, рассыпишь, — выдернул я деньги из жадных рук центрального нападающего ЦСКА. — Ну, граждане хоккеисты, алкоголики, хулиганы, тунеядцы и прочие спортсмены есть желание отыгаться? — Я потряс десяткой сжатой в кулаке.

— Допустим, есть? — Первым полез в спор Вова Петров.

— Тогда сейчас складываемся все по десять рублей, кто дольше всех продержит планку, тот забирает весь банк, — я посмотрел главным образом на москвичей, так как мои горьковские «гаврики» на такой развод больше не покупались. — Вижу, не понимаете. Планка — это стойка на локтях в таком положении, в котором настоящий мужчина пристраивается к своей любимой женщине. Что ЦСКА совсем спёкся?

— У Тарасова и не такое терпели, — сказал, побряхтев, Володя Петров и вытащил ещё десятку.

Его примеру последовали Михайлов, Харламов и спартаковский защитник Женя Паладьев, который выделялся мощным и атлетичным телосложением. В общий котёл легло ровно пятьдесят рублей. Я скомандовал, что начали на счёт три и сам встал в позу. Кстати, отличное упражнение — эта планка, вот сейчас, пока мы живём в Москве, у нас мало силовых тренировок, а мышцы особенно мне склонному к набору массы, требуется строго держать в форме. Поэтому без всяких походов в спортивный зал, проснулся утром, постоял десять минут и в душ, а перед сном ещё пять минут. Прекрасная зарядочка — бодрит.

— В планке стоите, молодцы, — зайдя в раздевалку, сказал Сева Бобров. Затем он увидел рубли, сложенные в стопочку на скамейке и добавил, — с Иваном, что ли поспорили на деньги? Зря. Я ему по первости двадцать пять рублей проиграл. Думал, что ещё немного и обыграю, а он гад такой притворялся, я упаду, и он ту же падает с таким видом, что еле выстоял. Иван у нас в команде чемпион, двадцать минут продержится точно.

— Михалыч, не мешай Петрову с компанией деньги проигрывать, — просипел я. — Десятку он мне за игру отдал, рубль за шахматы, сейчас ещё десять рублей добавит. Нравится мне, Володя, с тобой на тренировки ходить.

— Отстань, — пробурчал сквозь сжатые зубы Петров, трясясь всем телом от напряжения.

— Так, — ещё немного постоял рядом главный тренер и напомнил. — Завтра в восемь вечера играем со сборной Финляндии. Первая пятёрка — Тафгаева, вторая — Петрова, третья — Свистухина. Четвёртой пятёрке Федотова тоже приготовиться, играть будут все. У нас до важнейшего субботнего матча с чехами меньше суток на восстановление.

Организаторы её перенесли на два часа дня, чтобы по телевизору показать. Ах, да, три рубля за настольный хоккей я забираю. — Бобров отсчитал нужную сумму и сунул себе в карман спортивных штанов.

— Михалыч, побойся хоккейного Бога, я должен тебе два! — Выпалил я, и на этих словах первым на пол рухнул Боря Михайлов и следом за ним тут же Володя Петров.

— Рубль внесу в кассу взаимопомощи, — усмехнулся Бобров. — И ещё одна просьба, соблюдайте сегодня спортивный режим, иначе вас Тафгаев по моей просьбе ещё во что-нибудь обыграет.

После этих слов «сломались» Харламов и Паладьев, которые тоже обессилев, рухнули на покрытый резиновыми ковриками бетонный пол нашей хоккейной раздевалки.

Последний вечер перед первым своим международным стартом я и Боря Александров решил провести в ресторане. Взяли по молочному коктейлю, бутербродов с колбасой и устроились за самым дальним столиком от танцпола. Народу, как и все последние дни, было очень много. Опять попивая пиво, веселились чехи, которые тут уже завели себе временных подружек. Некоторые хоккеисты из «дружественной» Чехословакии со мной поздоровались, сказав «ахой». Даже Вацлав Недомански, проходя мимо, кивнул в знак приветствия. Я тоже повёл себя вежливо, ахойкнул и кивнул, ведь он в меня ещё не плевал, как на чемпионате мира 1970 года в Сашу Мальцева, и шайбой не швырял, как это он должен был сделать в Тарасова на ближайшей Олимпиаде. Кстати, тогда Анатолий Владимирович увернулся, и шайба угодила в Аркадия Чернышёва, который в отличие от коллеги по тренерскому цеху последними русскими словами чешского форварда не материл. Но если Недомански швырнёт резиновый кругляш в Боброва, то покалечу, и не судьба ему будет уже сбежать из родной Чехословакии.

— Здравствуйте молодые люди, — к столику подошли две барышни, держа в руках коктейли. — Разрешите, мы к вам присядем?

— Мест нет, — пояснила такую смелость подруги вторая девушка. — Или у вас уже занято?

— У нас в Советском союзе каждый имеет право на отдых не только в парке на скамейке, но и в хорошем ресторане, — ответил я, приглашая этих барышень присесть.

— А ведь мы вчера уже знакомились, — улыбнулась девушка с широким лицом и большими персидскими глазами. — Я — Наташа, мою подругу зовут Вера, а вас Иван и Борис. Правильно?

— Вчера? — Я задумчиво посмотрел вверх. — Наташа и Вера, конечно помню. Зачистили вы что-то в «Юность», цены здесь ещё те, или у таких походов есть свои спонсоры?

— А спонсоры это что? — Спросила, растерянно улыбаясь, Вера, у которой черты лица были не в пример подруги более утончённые.

— Спонсоры — это люди, которым нравится сорить деньгами и оплачивать капризы своих ненаглядных крошек. — Внёс небольшое пояснение я.

— Никаких спонсоров у нас нет, мы просто работаем здесь в парикмахерской, — обиделась Наташа. — И вообще если вам неприятно можем и пересесть.

— Нет, — воспротивился я. — Нам как раз, завтра не мешало бы подстричься наудачу. Поэтому не будем ссориться и могу взять для вас ещё по молочному коктейлю.

Неожиданно быстрая мелодия ресторанного ансамбля смолкла и затянулась медленная

и мелодичная песня из репертуара «Поющих гитар»:

Словно сумерек наплыла тень,
Толи ночь, толи день.
Так сегодня и для нас с тобой
Гаснет свет дневной.

— Может, для примирения потанцуем? — Предложила Наташа и протянула мне свою пухленькую ручку.

— Ради мира во всём мире, сплясать святое дело, — хмыкнул я.

— Нарушили всё же спортивный режим, — недовольно бурчал я, расправлял свою кровать. — Договаривались же — гуляем до десяти, а сейчас уже половина двенадцатого. Финны, между прочим, если завтра опарафинимся только спасибо скажут.

— Здорово ведь повеселились, — возразил Боря Александров. — Мне даже Верка намекала на это самое, на продолжение банкета.

— Естественно, ты у нас молоденький красавчик, а мне старику Натали ни на что не намекала. — Я тут же вспомнил, как парикмахерша из гостиницы во время танца усиленно разминала мою прокаченную спортивную задницу и многозначительно смотрела в глаза. — Да я бы и не пошёл, и тебя бы не отпустил. А ещё у меня есть Ирина, и наши с ней отношения не пустой звук.

— Ну, хорошо, — согласился Боря. — Как ты представляешь дальнейшую вашу совместную жизнь? Она постоянно на гастролях, ты на сборах и выездах. Это что же семья такая у вас получится?

— Зато у нас будет много долгожданных встреч, и мы не успеем друг другу примелькаться перед глазами. И вообще, не о том сейчас думать надо. Что-то мне подсказывает, как Севу Боброва быстро главным назначили, так могут быстро и убрать, если случайно вничью с кем-нибудь сыграем, или не дай Бог проиграем. Ты не забывай, у нас сначала финны, потом чехи, далее 20-го разминка на молодых шведах и 21-го опять чехословаки, которые сейчас очень сильны.

— Мы тоже сильны, — пробормотал Борька Александров, забираясь под одеяло.

«Что же там было в реальной истории? — подумал я, напрягая память. — Тогда сборная СССР неожиданно проиграла финнам 2: 4, и это был последний матч для вратаря Вити Коноваленко. Вторую игру у чехов выиграли 5: 2. А потом им же проиграли в товарищеской игре 1: 3. Если мы так же выступим сейчас, то вылетим из сборной пулей вместе со всеми новаторскими наработками и главным тренером Севой Бобровым. Значит, биться нужно как в последний раз».

Недавний выпускник факультета международной журналистики МГИМО Эдуард Беркутов, которого распределили в журнал «Спортивные игры», накануне хоккейного турнира на приз «Известий» получил странное предложение: написать критическую статью о выступлении сборной СССР. Он, конечно, сразу заинтересовался — почему именно критическую, ведь турнир ещё даже не стартовал? На что получил простой ответ, что если тебе не нужна премия в размере месячного оклада, то мы найдём другого. Премия тем более в размере оклада Эдику Беркутову была крайне необходима, поэтому вооружившись ручкой и блокнотом, он поспешил во дворец спорта центрального стадиона имени Ленина, где в восемь часов вечера должны были скрестить клюшки сборные Финляндии и СССР.

Хоккей Эдик искренне любил и часто бывал на стадионе, его привлекали высокие скорости, силовая борьба и вратари, которые бросались под твёрдую как камень шайбу, летящую с невероятной скоростью. Конечно, сам он никогда бы не полез в эту мужскую и жесткую игру. Во-первых, по причине хрупкого телосложения, а во-вторых, Эдик страшно боялся боли и вида человеческой крови, которая частенько лилась на хоккейных площадках. Для первых строк критической статьи юный журналист решил подслушать разговоры бывалых болельщиков.

«Странно, — думал он. — Раньше часто можно было услышать жаркие споры на тему — кто главнее в сборной Тарасов или Чернышёв? Одни кричали, что всё делает один Анатолий Владимирович, а его коллега Аркадий Иванович только калиточку для хоккеистов открывает. Другие настаивали, что главный всё-таки Чернышёв, ведь он ведёт игру».

Но сегодня наблюдалось редкое единодушие, любители спорта все как один нахваливали методы работы Всеволода Боброва. Лишь кое-кто иногда ворчал, распустил Бобёр своих подопечных, помяните моё слово, и вообще он пришёл на всё готовое. На это ему возражали, что в основе старой сборной был ЦСКА, а теперь не пойми, откуда взявшееся горьковское «Торпедо» во главе с каким-то диким Тафгаем.

— Нет, ты мне скажи! — Горячился какой-то немного подвыпивший мужичок. — Кто такой этот Тафгай? Где он раньше играл-то? Бегаёт бугаина толстомордая по льду и всех колотит. Даже Сашка Рагулин и тот поскромнее будет.

— Ну и правильно, что колотит! — Кричал другой. — Имеет на это полное хоккейное право! А вот откуда он взялся? Хрен его знает. Говорят, что срок мотал где-то.

— Да, нет! Я слышал, что он раньше в литейном цеху на горьковском Автозаводе вкалывал, — влез ещё один «знаток» в толпу отъявленных спортивных сплетников. — Случайно его взяли шайбу погонять для количества. Вот он до сих пор и гоняет на беду моего ЦСКА, вражина.

— Я тебе хорёк дойный сейчас как дам в морду за вражину! — Чуть не кинулся в драку ещё один мужик. — Тафгай — наш человек, работяга! Я специально на него пришёл посмотреть...

«Что ж про сборную критического написать? Задача, — почесал затылок начинающий журналист Эдик Беркутов. — Но начать можно с того, что Бобров пришёл на всё готовое. И сможет ли он удержать дисциплину команды на должном уровне? Пока тайна за семью печатями».

В хоккейной раздевалке никакого особого напряжения перед стартовой игрой не наблюдалось. Кстати, и я тоже успокоился. Поприседал, поотжимался, постоял в планке, и нервы сразу вернулись «в границы берегов».

— Значит так, — вышел на середину комнаты Сева Бобров. — Вратарь Володя Минеев — понадёжнее. Защитники — повнимательней. Нападающие — жду от вас заброшенных шайб и большого объёма скоростной работы. Соперник сегодня непростой, но нестрашный.

— Можно я добавлю? — Я поднял руку, как на уроке в школе рабочей молодёжи, затем дождался согласия главного тренера и встал. — Если сегодня случайно оступимся, то нам это припомнят. Поэтому первый период — максимальный контроль шайбы. Вошли в зону атаки, расставились, закрыли соперника в зоне, погоняли шайбу, и не спешите с дикими шарами шмалять по воротам. Это защитников особенно касается! Пусть финский вратарь поволнуется, подёргается, побольше ложных замахов, и не забываем плотнее встречать соперника в средней зоне. Второй период — делаем всё наоборот, финны к этому моменту уже как следует поплывут, вот тогда и включаем быстрые атаки с ходу. Ну и третий период, доколошматим «страну озёр» на множество мелких ручейков, луж и речушек. И булочками активнее работаем!

— Какими булочками? — Заинтересовался Саша Мальцев.

— Батонами нарезными! — Я похлопал себя по ягодицам. — И, за котов! То есть, за Советский союз! Михалыч, я правильно всё сказал?

— Кхе, — прокашлялся Всеволод Михалыч. — Давайте, пошли на раскатку. Постой, — остановил меня главный тренер. — Ты, Тафгаейв, хоть иногда со мной советуйся, что да как.

— Штихель штихелю — рознь... Михалыч, дай порулить, а? — Брякнул я.

Кому сейчас сказать, что начиная с 90-х сборная Финляндии превратится в грозного соперника, а в нулевые станет постоянным претендентом на первое место, ведь засмеют. А секрет успеха прост — вместо «горлопанских» лозунгов, вдумчивая и последовательная работа с детишками, строительство крытых катков и изучение сразу двух хоккейных стилей, канадского и советского. И самое главное с 1975 года учредили нормальный качественный внутренний чемпионат с системой плей-офф.

— Шайбу! Шайбу! — Встретили забитые до отказа трибуны наш выход на лёд.

Во время раскатки я обратил внимание, что в правительственной ложе, которая находилась на семь рядов выше скамейки запасных, тоже аншлаг. На игру пожаловал сам Леонид Ильич Брежнев и другие ответственные лица. Генеральный секретарь сидел в пальто и шапке ушанке, что, наверное, было верным для пожилого человека, так как на катке обычно температура не поднимается выше десяти градусов тепла. Но даже я со льда заметил, что товарищи в правительственной ложе уже хорошенько приняли на грудь, отметили так сказать старт предновогоднего турнира. А возможно, как утверждали злые шепотки, причина такого весёлого состояния «элениум», лекарство, снимающее эмоциональное напряжение. И к чему такой «элениум» приведёт со временем, я отлично помнил по концу семидесятых, начала восьмидесятых годов. Ведь тогда уже смотрел телевизор «сиськи-масиськи», то есть систематически.

А в это время на другой половине поля раскатывались горячие финские парни. Один из хоккеистов в красивой бело-синей форме № 13, был моих габаритов, рост наверняка под 190 см, и масса под 110 кг. Интересно будет посмотреть — как этот детина сегодня впечатается в борт? Остальные же финны, габаритами моё воображение не поразили. А один № 21 вообще был метр с кепкой. Кстати, финский вратарь Валтонен натянул на себя

вратарский шлем, который мы сейчас производим на Автозаводе в Горьком, и с которым даже в высшей лиге не все ещё играют!

— Тафгаев! — Крикнул со скамейки запасных Сева Бобров и махнул мне рукой. — Запоминай, будешь выходить против 17-го номера, — сказал он, когда я подъехал, — Матти Мурто, это центрфорвард ведущей пятёрки финской команды.

— А кто против № 13 будет биться? — Я кивнул в сторону здоровяка из «страны озёр».

— Это Кетола, — ответил Сева. — Кто против него? Колька Свистухин, конечно, ему терять нечего. Могу и тебя выпустить на пару смен, чтобы его разок... — Бобров изобразил смешное движение кулаком, похожее на апперкот.

— Ладно, можешь не расшифровывать, сюрприз будет, — хищно улыбнулся я.

Начало игры юного журналиста Эдика Беркутова не впечатлило. Сборная СССР владела шайбой подавляющее количество времени, но очень мало бросала по воротам. Хоккеисты в красных свитерах, как будто издеваясь над соперником, в зоне бело-синих финнов постоянно что-то разыгрывали, передавали шайбу по периметру, менялись позициями и пугали вратаря Йорму Валтонена здоровенными замахами, после которых шайба опять не летела в рамку, а переправлялась ближайшему партнёру по команде. Стадион же дружно скандировал «шайбу» и свистел.

Но примерно на седьмой минуте матча произошёл комичный эпизод. Высокий и плечистый финский нападающий под № 13 столкнулся с нашим № 30 Иваном Тафгаевым. И это было не случайное столкновение, подметил про себя Беркутов. Тафгаев словно тигр выжидал, когда шайбу финские хоккеисты отдадут своему великану. И в момент приёма, когда № 13 опустил голову, чтобы эту шайбу поймать на крюк клюшки, наш здоровяк резко ускорился и двинул ему плечом в плечо. Весь стадион просто встал и взорвался овациями, ведь крепкий финский парень пролетел метра три и, падая, свалил ещё одного своего партнёра.

— Давай Тафгай! — Орала некоторые болельщики. — Поддай!

И Тафгай снова дал, но уже в другой смене. На этот раз он воткнулся в бедного 13-го номера около борта, да так, что финский великан нырнул за пределы катка, перелетев через борт. И хорошо, что он улетел на свою скамейку запасных в руки своих же товарищей по команде, ведь в другом месте финн мог бы получить сильное повреждение. Правда Иван Тафгаев после этого получил две минуты штрафа, но всё равно народ на трибунах, словно малые дети радовался, хлопал в ладоши и хохотал.

Наша 30-ка игрок крайне необычный, думал про себя Эдик Беркутов. Во-первых, выглядел он почти выше всех на целую голову, а во-вторых, действуя в центре своей пятёрки, он вел игру, словно дирижёр симфонического оркестра. Что-то постоянно покрикивал и показывал. Даже уже признанный мастер № 1 °Саша Мальцев его слушался. А молоденький паренёк под 25-ым номером, Боря Александров, так пару раз красиво сфинтил, что любо дорого было посмотреть на растерянные лица финских игроков. И жаль, что пока нет заброшенных шайб. И в двойне жаль, что нужно написать критическую статью, ведь команда пока смотрится здорово.

Внезапно, как только истекли две минуты штрафного времени, в атаку из обороны вырвался Мальцев и полетел на финского вратаря Валтонена. А параллельным курсом к нему покатил Тафгаев, который только что выскочил из штрафного бокса. Момент, когда двое наших остались против одного защитника Юхи Рантасилы, был встречен криками

«давай шайбу» и громким свистом с мест. Саша Мальцев всем видом показал, что сейчас бросит, а сам сделал хитрый прострел на Тафгая. Однако финн Рантасила распластавшись на льду, вытянул свою длинную клюшку так, что шайба ударилась и полетела дальше по навесной траектории. Ещё немного и момент будет упущен, подумал Эдик. Но Тафгаев в лёту, словно битой из лапты, шлёпнул клюшкой по парящей шайбе и попал, за ворот финского голкипера вмиг вспыхнул красный фонарь.

— Гооол! — Подскочил вместе со всеми зрителями счастливый Эдик Беркутов.

И тут же подумал: «Что же мне теперь писать в статье?».

— Куда понеслись шамалять по воротам?! — Орал я на скамейке запасных на своих же защитников, которые поддавшись на народный призыв «забрасывать больше шайб», перестали придерживаться плана на игру. — Зашли, расставились, мать вашу! Покатали, едрён батон! Вратаря нужно задёргать, а не разогреть, японские коты!

— Тафгаев, а я говорю тебе, сядь! Сядь тебе говорю! — Прикрикнул на меня главный тренер Сева Бобров.

— Если все будут сидеть, то кто будет играть? — Пробормотал я и, успокоившись, плюхнулся на лавку рядом с Мальцевым и Александровым.

Я как в воду глядел, когда на льду оказалась третья пятёрка Коли Свистухина, с Шалимовым и Якушевым на краях, и с защитниками Паладьевым и Ляпкиным, мы «доигрались». Женя Паладьев перевёл вдоль чужой синей линии на Юру Ляпкина, а тот взял и безответственно щёлкнул по воротам. Заблокировать этот бросок выскочил «мой любимый» финн № 13 Вели-Пекка Кетола. Шайба шлёпнула куда-то в его огромное тело и вылетела из зоны атаки. И первым полетел в контратаку на наши ворота какой-то шустрый 12-ый номер. Он сначала пересёк красную линию, затем нашу синюю и метров с четырёх сильно бросил по воротам. Шайба чуть-чуть зацепила плечо Володи Минеева и брякнулась в штангу. И когда мы уже выдохнули, Володя падая на спину сам же затолкал её в свои ворота. 1: 1 — высветило электронное табло дворца спорта центрального стадиона имени Ленина.

После сирены на первый перерыв ушли в принципе в нормальном настроении. Ляпкину я немного напихал, призвал вспомнить, что играем не во дворе на валенках, а в цивилизованных условиях при членах ЦК и генеральном секретаре Брежнев. Поэтому и раздевалке царил рабочая обстановка. Счет, что называется, был не по игре, но игровое преимущество было наше. Финского вратаря по моим прикидкам мы уже основательно задёргали, ведь стоять в стойке в постоянном напряжении, пока идёт наша позиционная атака и морально, и физически нелегко.

— Ну, ты, Тафгай, и даёшь, — усмехнулся Валера Васильев, — и как ты этого 13-го за борт-то перекинул? Там харя такая — о!

— Да, финский парень полетел красиво. — Хмыкнул я. — Только коньками мне чуть глаз не выбил и ещё за этот аттракцион я две минуты схлопотал, поэтому ...

Свою фразу я не окончил, так как в раздевалку забежал какой-то деловой шнырь, посыльный от членов ЦК, и начал что-то втолковывать Севе Боброву. Поэтому я встал и подошёл поближе. Деловой требовал немедленно перестать валять дурака, и начать забивать голы. Леониду Ильичу, видите ли, скучно.

— Не беспокойтесь товарищ, — вмешался я. — Комсомольскую беседу провели, цели наметили, во втором периоде палить будем из всех калибров и финскую армаду отправим на дно Финского залива, это я гарантирую. Но и вы в свою очередь тоже.

— Что тоже? — Уставился на меня раздражённо посыльный.

— Непорядок, в следующем году вся страна отметит 50 лет создания СССР, а у нас член сборной команды Александр Гусев до сих пор живёт с родителями в полуподвале. — Я кивнул на притихших хоккеистов. — Вы представляете, если узнают об этом в Забугории, то смеяться будут над самим ЦК. Над нашим дорогим и любимым Леонидом Ильичом! Непорядок.

— Вы только забейте побольше, вопрос с квартирой решим, — опешил деловой шнырь, доставая ручку и блокнотик. — Этот, Александр Гусев из этого?

— Из центрального советского клуба армии, — продиктовал я товарищу. — Место жительства — город герой Москва.

— Ну, ты, Тафгай, и даёшь, — нервно выдохнул защитник Саша Гусев, когда деловой шнырь выскочил из раздевалки и быстрее, чем финские защитники на льду, полетел на доклад кому следует. — Я уже и так и сяк подходил к Тарасову... А он...

— Запомни, Гусь, пока я с тобой, не трусь! — Я тоже немного нервно выдохнул. — Поможем мужики Сашке Гусеву с квартирой?! А завтра он поможет нам.

— Да без бэ, — первым высказался армейский одноклубник Валерка Харламов. — Ну, Гусь готовь деньги на новоселье. Михалыч, сколько забить?

— Сколько сможете, — пробормотал Сева Бобров и зашептал мне на ухо. — Ты сейчас каждый раз будешь квартиры клянчить, когда они к нам будут приходиться?

— Не бойсь Михалыч, я и тебе новую квартиру выцыганю, — засмеялся я в ответ. — Пусть товарищи привыкают к современным хоккейно-денежным отношениям.

Юный журналист Эдик Беркутов, сидя в перерыве матча уже успел набросать пару критических тезисов о том, что игра сборной схематична, нападающие мало бросают по воротам и пытаются разыграть всё до верного. Потом ещё добавил, что № 30 Иван Тафгаев неоправданно жёстко ведёт силовую борьбу, из-за чего команда часто остаётся в численном меньшинстве. «Какую хрень я пишу!» — воскликнул про себя Эдик и, вырвав исчерканный листок из блокнота, порвал его и обрывки сунул в карман.

Перед стартовым вбрасыванием на свои места вернулись его соседи. И судя по характерному запаху, они уже где-то успели подзарядиться и успокоить расшатанные спортом нервные клетки.

— Бросать нужно чаще! — Тут же крикнул сосед юного журналиста, когда главный судья вбросил шайбу, и хоккеисты резво забегали вокруг нарисованных на льду двух симпатичных снеговиков с вратарскими клюшками. — Сто бросков — один гол! Вошел, бросил, вот и вся игра!

И хоть совет подвыпившего соседа был нелеп, и не слышим там ближе ко льду, но сборная СССР действительно стала больше бросать. В первую же атаку на вратаря Валтонена посыпался настоящий град шайб. Причём хоккеисты щёлкали как прямыми бросками, так и после передач с фланга на фланг. Защитники, как и нападающие, финской команды, выглядели очень уставшими и беспомощными. А когда на льду появилась легендарная тройка нападения Михайлов, Петров и Харламов, состоялась под овации зрителей и вторая заброшенная шайба. Михайлов прошёл по левому краю отдал направо Харламову, который в касание сделал счёт 2: 1.

— Ну, что я говорил? — Обратился незнакомый болельщик к Эдику Беркутову. — Бросать нужно больше! Бросков мало не бывает, я хоккей смотрю уже двадцать лет, и кое-

что в нём соображаю. Вставил им в перерыве Бобёр вот они и забегали.

— Что вставил? — Удивился юный журналист.

— Что, что? — Так же удивился и мужчина. — Вроде ты не баба, должен понимать, что в таких моментах вставляют. Бросай чаще! — Заорал подвыпивший сосед.

Третью шайбу положил бедному финскому вратарю Саша Якушев. Пятёрка Свистухина поймала ребят из «страны озёр» в средней зоне, пас на «Яка-15» и Александр решил момент, сыграв индивидуально. Бросил с кистей и Валтонен, у которого наверняка уже всё плыло перед глазами, довольно простую шайбу не смог отбить, 3: 1.

— Если сейчас четвертую положите, то всё, финны играть бросят, — сказал Сева Бобров, отправляя меня с партнёрами на лёд. — Давай Иван, пора заканчивать эту канитель.

— Да, хватит финских мужиков мучать, они ещё сегодня банкет, девочки из «Интуриста», — согласился я с главным тренером и уже на льду предложил своим партнёрам по тройке нападения разыграть комбинацию, которую мы выполняли на последней тренировке.

— С разгоном с фланга на фланг? — Переспросил, сморщившись, Саша Мальцев. — Пусть Борисик булочками, и батончиками нарезными сейчас поработает. «Мальш» слышишь?

— Не глухой, — кивнул головой Боря Александров.

Комбинацию, которой мы переиграли пятёрку Петрова, разыграли через Александрова. «Мальш» красиво, словно слаломист обогнул финских нападающих и влетел в зону атаки.

— Шайбу! Шайбу! — Повскакивали ненасытные до голов зрители.

Два игрока обороны Риихиранта и Рантасила, видя такое необычное развитие нашей атаки, разом попятились спиной к своему пятаку. На дальнюю штангу по левому краю поспешил я, а по центру выкатился никем не прикрытый хитрец Мальцев. Саша сразу ещё до самой комбинации просчитал, что окажется в самой выгодной позиции напротив ворот Валтонена. Ну, и конечно, пас от Борисика полетел ему в крюк. А вот дальше произошло то, чего не ожидал я. Наш легендарный 10-ый номер раскатал и защитников, и вратаря буквально парой движений и бросил в почти пустые ворота. И когда зрители заорали «гол», шайба невероятным образом ударилась в черенок вратарской клюшки Валтонена.

— Ууух! — Разочарованно выдохнули трибуны, и тут же на наши ворота пошла встречная контратака.

Тройка нападающих сборной Финляндии Тамминен, Мурто и Линнонмаа, подхватив шайбу, полетели на двух наших оборонцев Фёдорова и Куликова. Я рванул следом, но вмешаться в разборки три на два точно не успевал. Оставалась надежда что, либо защитники помешают разыграть убийственную комбинацию, либо на последнем рубеже выручит вратарь Вова Минеев. К сожалению, игроки обороны немного не поняли друг друга и внезапно расступились перед центральным нападающим Матти Мурто, который выкатился на Минеева. Обманное движение, бросок и шайба, как будто издеваясь над зрителями и хоккеистами обеих команд, звякнула в перекладину ворот и полетела на меня. Я слёту треснул по ней клюшкой и выбил, не глядя куда-то к красной линии. Что называется — разрядил ситуацию. И надо же такому случиться, что непослушная, капризная шайба послушно прилетела прямо к Саше Мальцеву. Мальцев, не раздумывая от центральной красной линии, послал её к чужой синей линии, где медленно катил Боря Александров. Какие-то две или три секунды и уже «Мальш» вышел один на один на финского вратаря. И

на этот раз Йорме Валтонену не повезло. Боря уложил его на лёд и несильно катнул шайбу уже в пустые ворота, 4:1. Публика в зале просто стояла на ушах, ведь за короткий промежуток времени народ успел дважды схватиться за сердце от разочарования, и дважды от такой манящей и иногда ускользающей в неизвестность удачи.

«Значит, забросили по одной шайбе Харламов, Якушев, Мальцев, Александров, Петров Тафгаев и защитник Гусев, — повторял про себя героев сегодняшнего матча юный журналист Эдик Беркутов, когда выходил из дворца спорта «Лужники». — У гостей отличились Эса Пелтонен и Юхани Тамминен. 7: 2! И что теперь я должен критического писать? Какого критиковать? Боброва? А ведь в третьем периоде у наших больше всех на льду провела запасная тройка нападения Мишин, Федотов и Фролов. Я так понимаю, чтобы дать отдохнуть основным игрокам перед завтрашней дневной игрой с чехами. Матч вышел огненным, гениальным! Вратарь этот новенький Минеев не хуже Третьяка в рамке отыграл. А как щёлкнул от синей линии защитник ЦСКА Саша Гусев! Просто песня! Если искать недостатки, то нужно попасть в гостиницу «Юность», где почему-то живут горьковские хоккеисты сборной. Может быть, написать очерк о нарушении спортивного режима? Ведь мужики наверняка сегодня или скорее завтра после чехов буду пить».

Эдик так погрузился в свои мысли, что не заметил, как к нему подошли скрытые вечерней чернотой двое мужчин. Один из них попросил закурить, а другой, не дожидаясь ответа, «засветил» в нос. Эдик рухнул на снег, больно ударившись головой о ствол дерева.

— Вы не имеете права меня бить, я журналист! Вот моё удостоверение! — Успел выкрикнуть Беркутов, прежде чем незнакомцы приступили к большевистской продрозвёрстке его личных карманов.

— А журналист, — протянул разочаровано тот, который как бы сначала хотел закурить. — О чём пишешь-то?

— О хоккее, сегодня наши финнов уделали 7: 2, во была игра! — Эдик показал большой палец вверх.

— Ладно, только напиши, как следует, я хоккей очень уважаю, — сказал более говорливый налётчик и добавил. — Сейчас лежишь ровно три минуты и тогда уже топай на все четыре стороны, журналист, мать твою.

«Не, пожалуй, откажусь я от критической статьи, фиг с ней, с премией», — подумал, про себя Эдик Беркутов, стирая капающую из носа кровь и слушая удаляющиеся шаги двух налётчиков.

Матч против финской сборной закончился около десяти часов вечера. Пока душ приняли, пока переоделись, форму в баулы собрали, то, да сё, на ужин в ресторан «Юность» пришли лишь к половине одиннадцатого, когда веселье здесь было в самом разгаре. Ну, а почему бы народу не повеселиться? Вечер пятницы, завтра — два долгожданных выходных. Вот только если бы матч растянулся ещё бы на полчаса, то где бы мы после игры поели? Ведь ровно в двадцать три ноль-ноль во всём СССР бары, рестораны, пельменные и даже пирожковые обязаны были закрыть двери перед посетителями на большой амбарный замок. Интересно, и кто же из товарищей в ЦК додумался до такой «гениальной» идеи?

— Всё через жопу, — зло проворчал я, доедая «цыплёнка табака».

— Что? — Чуть ли не хором спросили Сева Бобров и Саша Мальцев, с которыми я поглощал пищу за одним столиком. С нами начинал ещё ужинать Боря Александров, но он за три минуты проглотив не пережёвывая салат и второе, куда-то уже усвистал.

— Да всё через одно место! — Продолжил я свою мысль. — Видели коньки у Сашки Якушева, фирмы ССМ? Купил их за 77 долларов в Канаде, когда вторая сборная играла там товарищеские матчи. А свитера наши хоккейные? Это же позорище! Стиранные-перестиранные, шпопанные-перешпопанные. На спине один номер, пришитый нитками, без фамилии игрока. Мы даже на фоне любителей из «страны озёр» выглядели сегодня как из колхоза заветы... — Я хотел добавить Ильича, но вовремя затормозил и закашлялся, как будто что-то попало в горло.

— А что ты лично сам предлагаешь? — Ухмыльнулся Мальцев. — Критиковать-то, все горазды.

— Михалыч, когда у нас новое заседание Федерации хоккея? — Спросил я у Боброва.

— Зачем тебе? — Уперся Всеволод Михалыч. — Товарищеский матч 21-го с чехами проведём, а 22-го пойду в Спорткомитет отчитываться о проделанной с вами обалдуями работе.

— Вместе пойдём, — решительно кивнул я. — Я этих чинуш как тараканов бегать заставлю. Коньки, форму, клюшки всё для сборной выбью. Против меня и дорогого Леонида Ильича у них кишка тонка. А вот изменить что-то в лучшую сторону в масштабах всей страны лично мне почти невозможно.

— Почему? — Опять хором заинтересовались Сева Бобров и Саша Мальцев.

— Представь Михалыч такую картину, ты даёшь план на игру, за период мы должны десять раз шлёпнуть по воротам с левого фланга, и десять с правого. И так все три периода мы носимся, шлёпаем, план выполняем. Может быть, случайно пару раз шальная шайба и залетит, а может ни разу. Что не так в плане? — Горько усмехнулся я.

— План тупой, — тут же выпалил Мальцев.

— Да, играть нужно хитрее, где-то перевод с края на край сделать, где-то в обыгрыш пойти, игровая же ситуация постоянно меняется, — поддакнул Бобров.

— Правильно, — согласился я. — Вот и в масштабах всей страны в некоторых областях экономики нужна постоянная коррекция плана, которая будет учитывать спрос и предложение. Если спрос растёт, нужно наращивать производство, нет — уменьшать. А чтобы спрос постоянно повышался — нужны собственные, улучшающие качество продукции разработки, и конечно, финансовая заинтересованность самих непосредственных

производителей.

— Чего ты последнее сказал? — Переспросил Саша Мальцев, который так заинтересовался, что даже перестал жевать.

— Перевожу на простой хоккейный язык. — Я запил жареную курицу компотом. — Кто лучше играет, тот больше получает, но не стоит забывать и про всю остальную команду, ведь каждый должен иметь свой гарантированный достойный минимум.

— Даже за плохую игру? — Сморщился Мальцев.

— Во-первых, нет таких хоккеистов, кто идеально проводит все игры. А во-вторых, суть социализма в том и заключается, чтобы не было бедных. Может быть, у этого не очень мастеровитого игрока, вырастут гениальные дети. У тебя, Саша, отец слесарь хорошо в хоккее играл? — Усмехнулся я.

— Какой-то ты слишком умный для хоккеиста, Тафгаев. Что меня иногда пугает, — признался Сева Бобров. — Может, ещё скажешь, как завтра со сборной Чехословакии играть?

Я посмотрел на тацпол, где и сегодня отжигали игроки из пока объединённой Чехии и Словакии, которые днём разделили молодёжную сборную Швеции 8: 1, а вечером к пиву даже не притронулись.

— Первый период нужно чередовать атаки с ходом и позиционку, а встречать их лучше за центральной красной линией. Первый период приглядимся, потом что-нибудь придумаем. Это не Финляндия, тут нужно действовать аккуратней. Ладно, я спать, — я встал и пожал руки Мальцеву и Боброву.

У себя в номере перед сном я очень долго ворочался и всё думал, а можно ли вообще в принципе поезд под названием СССР, который несётся к обрыву, перевести без разрушения конструкции на нормальную траекторию? Ведь если объявить и притворить в жизнь резкие перемены, то по инерции поезд так кувыркнётся, что потом от него останутся одни руины и множество злых и голодных пассажиров.

А если попробовать маленькими шагами? Сначала разрешить мелкий частный бизнес в легкой промышленности и в сельском хозяйстве. Затем самые популярные виды спорта перевести на коммерческие рельсы. Потом ввести в повседневную жизнь маленькие кафешки и магазинчики. Главное же чтоб государству принадлежали крупные отрасли промышленности и основные ресурсы: нефть, газ, металлы, тяжёлое машиностроение. И как только уровень жизни поднимется, можно убирать и железный занавес, тогда народ, увидев забугорную жизнь, умом не тронется. Иначе очередь к «Макдональдсу», в котором втюхивают вредный для организма фаст-фуд, в Москве растянется на несколько километров. И по всему миру её будут показывать, и ржать над «дикарями». И любой нищий работяга из США — здесь будет женихом номер один. Стыдоба!

Но кто такие назревшие перемены в правительстве может осознать и осилить, когда страной рулят дряхлые пенсионеры. Один серый кардинал Суслов чего стоит, который и сам не жил и другим не давал. Кстати, именно он станет ярким противником суперсерии 1972 года с канадскими профессионалами из-за панического страха проиграть. И то, что серия эта состоялась, точнее, ещё состоится — огромное спасибо дорогому Леониду Ильичу.

«Всё так, да не так. — Подумал я, вскочив с кровати и включив свет. — А где у нас товарищ «Мальш»? — Я зачем-то откинул одеяло с его койко-места. — Загулял, сучонок! Завтра поговорим».

Утром 18-го декабря в субботу, перед важнейшим матчем с чехами, Сева Бобров устроил сорокаминутную лёгкую тренировку, чтобы посмотреть кто в какой форме. Чего греха таить, когда хоккеисты не заперты на спортивной базе и предоставлены сами себе, произойти может всё что угодно и алкогольный загул и бессонная ночь с «девочками». На тренировке сегодня решался и ещё один важнейший вопрос, кто встанет в ворота. Володя Минеев, который в принципе показал себя в игре с финнами неплохо, или Виктор Коноваленко, у которого всё ещё немного побаливала левая рука. Третьего вратаря Сашу Пашкова кандидатом никто всерьёз не рассматривал.

— Сева, давай я Сергеичу заморозку сделаю, — предложил врач сборной команды СССР Олег Маркович Белаковский. — Нам сегодня рисковать никак нельзя. Коноваленко должен играть в рамке.

— Витя, ты как? — Спросил Бобров после короткой разминки нашего прославленного ветерана.

— Зае...сь, — пророкотал Коноваленко, который после того, как мою тушу на него уронили, со мной же и не разговаривал. — Не надо заморозку, нормально рука работает.

— Нормально, говоришь, — задумался Сева Бобров, затем он дунул в свиток и объявил. — Сейчас каждый нападающий пробьёт по одному буллиту Вите Коноваленко и Володе Минееву. Кто лучше из голкиперов сыграет, тот и займёт сегодня место в старте. Миней в рамку! Борисыч, а ты пока с защитниками на другой половине поработай. — Сказал Сева своему помощнику Игорю Чистовскому.

Первым против Минеева вышел на пробитие хоккейного штрафного броска Саша Мальцев, так как начали с нашей, первой тройки нападения. Александр не спеша разбежался, качнув влево и резко уйдя вправо, бросил под перекладину, точно. Миней от досады шлёпнул вратарской клюшкой об штангу ворот. Вторым поехал я, и сделал всё с точностью до наоборот, качнул вправо, ушёл влево и бросил под перекладину. И вторая шайба залетела в сетку ворот Володи Минеева. Реализовал свою попытку и наш юный гений прорыва Боря Александров. А вот дальше Минеев потащил буллит от Бори Михайлова и Володи Петрова, но пропустил от легенды № 17 Валеры Харламова. Из тех, кто бил дальше забил лишь Саша Якушев. Остальных довольный в целом собой Минеев огорчил.

— Шесть шайб, — дунул в свиток Бобров. — Пятьдесят процентов, неплохо. Витя, сейчас твоя очередь.

— Михалыч, — я резко подъехал к главному тренеру, — мне «до ветру» надо, вы пока пробивайте, я на пять сек, можно?

— Ехай, — махнул рукой, хитро улыбнувшись, Сева Бобров.

Я перемахнул через борт и притаился в коридоре, который вёл в подтрибунные помещения. Первые штрафные броски для Вити Коноваленко сложились неудачно. Ему забил Мальцев, Александров, Михайлов и Петров. Зато, наверно, разозлившись на себя Виктор Сергеевич отбил буллит от Харламова и пошёл брать всё, что в него летело. Лишь пробивавший буллит одиннадцатым Тля Фролов довёл счёт до пяти пропущенных шайб. Ну и тут на лёд выскочил я, как будто только что справил все свои естественные надобности.

— Какой счёт, Михалыч?

— Твой бросок решающий, пока 6: 5. — Улыбнулся Бобров, который меня «раскусил».

— Тафгай поспорим, что не забьёшь? — Хотел было отыграть часть денег Вова Петров.

— Потом Володя про домино поговорим, — махнул рукой я и покатил на Коноваленко, быстро перекидывая шайбу слева на право.

Виктор выкатился навстречу, я же показал, что ухожу влево и, убрав шайбу под себя, объехал рухнувшего на лёд Коноваленко по правой стороне. А перед пустыми воротами за доли секунды я решил, что пусть Виктор Сергеич сегодня играет и брякнул шайбой прямо в штангу.

— Шесть — пять, — прокашлялся Сева Бобров. — Витя сегодня выходишь в старте. Ещё десять минут работаем над игрой в неравных составах, потом все в душ и на обед.

Когда я оглянулся на главного тренера, то он мне показал кулак.

За обеденным столом в ресторане Всеволод Михалыч опять присел за мой столик, сурово поглядывая на меня, Мальцева и Александрова.

— Вроде от Васильева запашок, или мне показалось? — Как бы между делом спросил Бобров. — И Гусев как будто сегодня не с той ноги встал?

— Наверно, пока ехали на тренировку в общественном транспорте нанюхались, — брякнул я, уминая макароны с бифштексом.

— Да, в субботу утром народ часто ездит с запашком, который у них после пятницы ещё не выветрился. — Поддакнул Саша Мальцев. — Ничего сейчас Гусь с Васькой по морозцу пробегутся, обратно нормального воздуха надышатся. Им сразу полегчает.

— Ну-ну, — усмехнулся Бобров.

— А мне, Всеволод Михалыч, знаешь, что юный гений прорыва пообещал? — Я покосился на Борю Александрова. — Сказал, что если две шайбы чехам до конца второго периода не забросит, то на третий период вместо него пусть выходит Лёша Мишин. Несколько раз за ночь вскакивал и клялся. Так было дело, «Малыш»?

— Ерунда, я только под утро..., - Борисик, который сегодня вернулся лишь под это самое утро, внезапно подвис. — Утром сдуру один раз вскочил и пообещал забросить одну шайбу.

— Нет, нет, — замотал головой Сева Бобров. — Одну — кто хочешь, может организовать. Две положишь. Правильно ты это сегодня ночью пообещал. Молодец! Значит так, Гусеву и Васильеву передайте, что если в следующий раз снова поедут общественным транспортом и надышатся в нём чужими алкогольными выхлопами, то пусть там и остаются. А мы в пять защитников как-нибудь отобьёмся.

— Не волнуйся Михалыч, сейчас они у меня вокруг гостиницы десять кругов махом нарежут. — Вступился я за безответственных товарищей. — Помните, вчера в третьем периоде я Гусеву намекнул, что если он одну не положит, то плакала его квартира? Сразу на лёд вышел другой человек.

— Да уж, — хихикнул Мальцев. — Пока Гусь радовался, вся скамейка запасных давилась от хохота. Но по воротам он щёлкнул классно, этого не отнять. А сейчас что им «напоёшь»?

— Скажу, что Михалыч допинг контроль перед игрой организует, кто не пройдёт, тому штраф пятнадцать червонцев и без обид, — зло усмехнулся я. — Разгильдяйство на рабочем месте будем искоренять рублём и заброшенными шайбами, так «Малыш»?

— От меня же пахнет, — обиделся Боря Александров. — Я просто за команду переживаю.

— Вот Всеволод Михалыч какое у нас поколение хорошее растёт, ночами наши юноши не спят, всё за команду переживают. — Похлопал я «Малыша» по плечу. — Всем приятного, пойду, Гусева с Васильевым обрадую.

Спустя полчаса почти вся команда выстроилась перед центральным входом в гостиницу «Юность», одни болели за Валеру Васильева, другие поддерживали Сашу Гусева, которые, не смотря на пятиградусный мороз, бегали наперегонки вокруг здания в кедах и в одних спортивных костюмах.

— Шайбу! Шайбу! — Скандировали хоккеисты сборной, когда из-за угла вываливались Гусь и Вася.

А бегать в кедах по утоптанному снегу, это то ещё развлечение, ноги разъезжаются, на поворотах заносит, и на ровном месте поскользывается. Особенно смешно, когда человек ныряет головой в сугроб, что команде и продемонстрировали наши непутёвые защитники примерно на седьмом кругу. Гусев как раз догонял Васильева и зацепил его случайно за пятку, а Валера, падая, подставил ногу уже намерено Александру.

— Гусь вставай, я на тебя рубль поставил! — Орал любитель поспорить Вова Петров.

— Васька, сука, харе лежать, мы с тобой рубль проигрываем! — Кричал одноклубнику Саша Мальцев.

— Идите вы нахер! — Ругались оба защитника, выныривая из сугроба.

Кстати, в итоге победил Васильев, потому что его напарник по обороне, где-то завалился ещё раз и, решив чего зря «когти рвать», закончил десятый круг уже трусцой.

— Зря бегали, — сказал я, приняв хавшись к запыхавшимся спортсменам, от которых как от коней валил густой пар. — Значит, поступим так, примите душ, и попрыскайтесь, как следует одеколоном. С Михалычем я всё улажу. Скажу, чтобы он перенёс допинг контроль на товарищеский матч с чехами на 21-ое число. Ну а с вас по тройку.

— За что три рубля-то б...ь? — Смахнул льдинки от замерзающей испарины на лбу Валера Васильев.

— Буду думать как их лучше презентовать Всеволоду свет Михалычу, чтоб он вас из команды не выпер. — С очень серьёзным лицом ответил я. — Конфет его жене купить что ли? А то защитников в стране много, а мест в сборной с гулькин нос.

В субботу к двум часам дня в квартиру фрезеровщика горьковского автозавода Казимиру Петровичу пожаловал его друг и коллега Трофим Данилович. С собой в качестве презента Данилыч прихватил, килограмм пряников и ещё килограмм песочного печенья. А когда он узнал, что молодая жена коллеги Катерина сегодня на смене, он крупно перекрестился и вынул из внутреннего кармана пиджаки фляжку со столичным сорокаградусным алкогольным напитком. Само собой его он прихватил чисто автоматически.

— Ху, — выдохнул он, — а я уж грешным делом подумал, что нормально хоккеем сегодня и не посмотреть. Кстати, у тебя телевизор-то работает? А то это не успеем же на приз «Известий».

— Садись, я пока чай поставлю. У меня телевизор пашет, как часы, — усмехнулся Казимир и кивнул в комнату на свой по несколько раз уже собственноручно отремонтированный «Электрон-2».

Картинка на «Электроне» была, конечно, так себе, но примерно-то было видно, что там за той стороной экрана происходит. И хоть шайбу рассмотреть было практически невозможно, всё равно телевизионный матч лучше радиорепортажа, где приходилось верить хитрому диктору на слово. Данилыч прошёл в комнату и нажал на кнопку «ВКЛ». Затем, наверное, секунд десять с кислым лицом ожидал, когда телевизор прогреется и перестанет выдавать сплошное импрессионистское творчество, выраженное хаотичными

телевизионными помехами. Наконец у фрезеровщика на сердце отлегло, ведь на экране проявилась с неширокой тёмной полосой посередине заставка с улыбающимся снеговиком в хоккейном шлеме и вратарской клюшкой в правой руке.

— Казимир, наши поехали, ну, где ты там?! И это, стакашки ещё захвати! — Прикрикнул Данилыч, усаживаясь на диван.

Первые десять минут матча со сборной Чехословакии прошли в нервной борьбе. Гости, желая нас удивить, перетасовали очерёдность выхода своих пятёрок на лёд. И если первую смену моя пятёрка провела против пятёрки Вацлава Недомански, то на вторую смену против звена Петрова вышел Рихард Фарда с партнёрами. В этой втором игровом отрезке мы имели подавляющее преимущество, жаль оказавшись в прекрасной позиции промахнулся Борис Михайлов. Затем Свистухин и спартаковцы скрестили клюшки с братьями Холиками. Младший Иржи, которого сторожили нашей сборной прозвали «Сопливый», так как у него вечно что-то висело под носом, раза три за смену ударил исподтишка Витю Шалимова. После чего Бобров выразительно посмотрел на меня. Я же в ответ кивнул, дескать, тонкий намёк на толстые обстоятельства понял. А вот затем на лёд снова вышел я и против моей первой пятёрки тренер братьев по соц. лагерю Владимир Костка выпустил звёно Ивана Глинки. Иван очень хороший и мощный центрфорвард. Поэтому в одном из эпизодов я не удержался и нежно впечатал этого товарища борт. Судя по тому, как он после присел на лёд, тезка мой силовой приём оценил по достоинству. И вообще, пока я находился на льду, чехословаки думали больше о хоккее, а не о кровной мести за танки в Праге.

— Иржи, не шали, — сказал я, проезжая на смену мимо скамейки запасных чехословацких хоккеистов.

Иржи Холик конечно сделал вид, что временно оглох, но судя по глазам, зрение-то он не потерял, поэтому понял меня отлично. А спустя ещё пару смен главный тренер гостей Костка, видя, что мы играем в три пятёрки, и при этом создаём больше опасных моментов, стал срочно перекраивать свою команду. И очень обидно, что нам не удалось воспользоваться неразберихой первых десяти минут. Лично я один раз угодил в перекладину. Боря Александров не смог замкнуть передачу с правого края и поразить пустой угол ворот. Мальцев опасно выскочил один на один с Владимиром Дзуриллой, правда угол был острый и легендарный чехословацкий вратарь сыграл замечательно. Ну а к 13-ой минуте все противоборствующие тройки нападения сложились окончательно: Михайлов, Петров и Харламов бились против Мартиница, Глинки и Штясны. Шалимов, Свистухин и Якушев противоборствовали Кохте, Ярославу Холику и Иржи Холику. Ну и моя тройка, Александров, Тафгаев и Мальцев, воевала на льду с Фардой, Недомански и Черны. Поэтому вторая половина первого периода превратилась в вязкую с обоюдными острыми атаками игру, где наши вратари Коноваленко и Дзурилла творили чудеса.

— Валерочка! Валерочка! Ну, забей же шайбочку! — Кричал, бегая около телевизора, вошедший в игровой азарт Трофим Данилыч. — Харламов, умоляю тебя, попади!

— Данилыч давай по чайку, присядь, остынь, — пытался его успокоить его Казимир.

— Да подожди ты с чаем! Если они сейчас не забьют, я не знаю, что сделаю! Я за себя, Казимир не отвечаю! — Взвизгнул Данилыч, упав на колени перед экраном телевизора. — Якушев Сашенька, Сашенька! Давай Сашенька! Да куда ты лепишь Якушев, мать твою?!

— Может десять капель для успокоения, — Казимир Петрович накапал из фляжки в

стопочку «огненной воды» и поднёс её другу, пока сборные СССР и Чехословакии проводили смену составов.

— Я за себя Казимир не ручаюсь, — пробормотал уже чуть спокойнее Данилыч и опрокинул содержимое стопки для успокоения нервных клеток. Однако как только произошло вбрасывание, маленького роста, худенький мужичок подпрыгнул и забегал по комнате вместе с хоккеистами в телевизоре. — Тафгай, Мальцев же открытый! Куда, мать твою, даешь?! Куда даешь, я тебя спрашиваю?! Мальцев Сашенька, забей, умоляю тебя! Ну, нельзя же так издеваться над человеком! Бросай же, бросай!

Под занавес первого тайма моей пятёрке удалось закрутить хорошую атаку на ворота Дзуриллы. И если бы не Вацлав Недомански, который буквально висел на моих плечах, то одну бы шайбу уже точно запихал. Плюс ещё два защитника Франтишек Поспишил и Карел Вохралик тоже немаленьких габаритов больше пяти секунд гостить у них на пяточке не давали. И вдруг, Саша Мальцев индивидуально накрутил в правом закруглении Йозефа Черну и полетел за ворота чехословацкого голкипера. Я вновь ринулся на пятак, отталкивая Недомански, но Вацлав так удачно зацепил меня клюшкой, что в эти ценнейшие мгновения я не мог махнуть ни левой, ни правой руками. И именно сейчас в борьбе с Вохраликом Мальцев прострелил на меня. Шайба зацепила клюшку защитника гостей и подлетела на уровень колена. Я конечно футболист неважнецкий, но тут вспомнив детство золотое, уже падая на спину коньком ударил по шайбе, которая полетела параллельно воротам, мимо Дзуриллы, прямо на накатывающего на пятачок Борю Александрова. Что оставалось делать «Мальшу»? Либо он сейчас бил с лету клюшкой и забивал, либо мазал и получал от защитника Поспишила в глаз. В какие-то крохотные доли секунды Борька получил в глаз и ещё забил, словно вколотил гвоздь, первую шайбу в матче, 1: 0!

— Гооол! — Подпрыгнула разом вся публика на трибунах.

«Расколдовали ворота», — подумал я, поднимаясь с Вацлава Недомански, на которого только что в пылу борьбы грохнулся.

— Вставай, простудишься, — я протянул руку своему чехословацкому товарищу.

— Данилыч, давай нашатырочки дам понюхать, — склонился Казимир над другом, который так радовался заброшенной шайбе, что ему резко поплохело и он рухнул на пол.

— Плесни из фляжечки лучше, — тяжело дыша, попросил Трофим Данилыч. — Я за себя отвечаю, за пятнадцать минут до второго периода восстановлюсь железно. Лишь бы к концу игры не помереть.

— Не бойсь, сегодня игра хорошая, не помрёшь, — улыбнулся Казимир Петрович.

В раздевалке после первого периода вся команда мокрая от пота, почти в полной тишине дружно допивала сладкий чай. Кое-кто тихо друг с другом переговаривался, но остальные старались на пустые разговоры энергию не растрчивать. Вязкая силовая борьба с чехословаками, которые не хуже нас разбирались в хоккее и не давали спокойно комбинировать, выматывала невероятно. «Даже с ЦСКА было попроще, — подумал я. — Ромишевский, Кузькин, Рогулин, все эти большие мастера свои лучшие матчи провели в шестидесятых и теперь у них просто скорости не хватало за нами бегать. А у чехов защита молодая, мобильная и самое неприятное грамотно играет позиционно. Если во втором периоде не дожмём, то в третьем придётся работать через не могу, на пределе. А вдруг я через не могу, не смогу?»

— Мужики, пока игра идёт неплохо, — высказался перед выходом на лёд Сева Бобров. — Молодцы, что у своих ворот не пожарите, но у чужих моменты нужно реализовывать. Мне что ли показать, как это делается?

— Так это значит правда, Михалыч, что ты никогда не промахивался? — Усмехнулся я. — А давай мы тебе усы приклеим и выпустим вместо Кольки Свистухина, а Шалю и Яка заставим прямо в крюк пасовать.

Народ в раздевалке тихо захихикал.

— А Свистухину наоборот усы надо сбрить, — предложил Харламов. — А то скажут что не похож на Боброва.

— Не, — помотал головой Саша Мальцев. — Пусть думают, что Михалыч оброс не нервной почве.

— Я усы сбривать не дам! — Уже под всеобщий гогот обиженно заявил Колька Свистухин.

— Идиоты! С вами же поговорить, ни о чём серьезно нельзя! — Обиделся Сева Бобров. — Ха-ха-ха! Вам бы только поржать! В общем, делайте что хотите, но во втором периоде забросить нужно три!

— Всё мужики, пошли, — я поднялся с лавки и взял в руки вратарскую клюшку Коноваленко. — Пока Дзурилла на ворота не вышел, мы этот план ещё до начала второго периода перевыполним. А? Это не моё. — Я вернул вратарскую «гитару» хозяину и на самом деле пошёл на лёд.

— За котов! — Давясь от смеха, как и многие в раздевалке, бросил мне в спину Саша Мальцев.

Эдик Беркутов после вчерашнего бандитского нападения посреди Москвы, всю ночь толком не спал. Пил успокоительное, много курил в форточку и думал о будущем. Обидно было получить по мордасам, но не это угнетало мозг юного журналиста. Братъ или не братъ деньги, вот в чём был наиважнейший вопрос. Да, писать плохо, про сборную, которая играет хорошо — это подло. А вдруг не так всё однозначно? Да и потом здоровая критика ещё никому и никогда не помешала. Поэтому деньги Беркутов взял, и сегодня вновь сжимая кулаки, сидел на трибунах дворца спорта центрального стадиона имени Ленина.

Первый период пролетел со скоростью фирменного поезда мимо пустынного полустанка. Постоянная силовая борьба, столкновения, опасные моменты, великолепная

игра обоих вратарей, но плохая реализация голевых моментов. «Вот про последнее я и напишу», — подумал Эдик, когда на второй период выехали игроки в красной форме с большими буквами СССР на груди и команда в белых свитерах, у которых вместо букв красовался белый лев в красном пятиугольнике.

— Шайбу! Шайбу! — Тут же раздалось с разных сторон на трибунах и под оглушительный свист хоккеисты бросились за эту самую шайбу биться не жалея ни себя ни соперника.

Картина второй двадцатиминутки мало чем отличалась от первой. Наши давили, а чехословаки отбивались и старались быстро контратаковать. Здоровенный форвард № 30 Иван Тафгаев почти всю первую смену в прямом смысле слова боролся с № 14 Вацлавом Недомански. Один раз наш тридцатый номер мощно впечатал Недомански в борт. Но крепкий и большой чех полежал на льду буквально три секунды и снова бросился преследовать Тафгаева. Затем эта парочка поколотила друг друга около ворот Дзуриллы. И опять на лёд упал лишь игрок в белой форме со львом на груди.

— Либо подерутся, либо покалечатся, — хмыкнул сосед, сидящий по правую руку от Эдика Беркутова.

— Да, херня! — Возразил другой сосед слева. — Сейчас Тафгай ещё раз в борт егс воткнёт, и сдуется Недоманский, как китайцы на острове Даманском. Давай Тафгай поддай! — Гаркнул это сосед и громко свистнул, вставив два пальца в рот, при этом оглушив журналиста на одно ухо.

Когда на площадку вышла пятёрка Свистухина, которому всё же не пришлось сбривать усы, я на скамейке запасных подсел поближе к Валере Васильеву.

— Валера, — пихнул я его. — С Бобровым я всё порешал, но тут дело такое, кто-то уже капнул на тебя, там в верхах.

— Чего капнул? — Вздрогнул динамовский защитник.

— В общем, знает наш Михалыч, и в Спорткомитете знают, что ты вчера бухал. Теперь тебя из сборной попрут — это раз, из «Динамо» — это два, но это так мелочи, — я посмотрел на Васильева, у которого уже вылезли глаза на лоб. — Из квартиры тебя московской выселят. Она же у тебя не приватизированная?

— Чего б...ь резиновая? — Защитник аж взмок.

— Не важно, теперь слушай очень внимательно, — я перешёл на шёпот. — В ближайшей смене выходишь на лёд, получаешь шайбу и прёшь прямо на чехов, обыгрываешь, входишь в зону атаки и лупишь по воротам. И молись, чтоб ты забил. Иначе писец.

— Чего писец? — Уже более спокойно переспросил Васильев.

— Из хаты тебя московской в двадцать четыре часа выкинут за сто первый километр, вот чего писец. — Я постучал крагой защитнику по шлему. — Включай мозговую активность на полную мощность!

— Тафгаев, мать твою, на смену! — Выдернул меня из очень познавательной беседы главный тренер Бобров.

В левом круге вбрасывания в нашей зоне меня, уже криво улыбаясь, подждал Вацлав Недомански.

— Жив ещё курилка? — Спросил я у чешского форварда.

— Я нэ куру, — зло пробормотал Вацлав и добавил. — Иди до прдэлэ.

— Сам иди туда проветрись, — сказал я и резким движением выиграл вбрасывание.

Новую атаку мы вновь разыграли по старому шаблону. А зачем нам было отказываться от приёма, что хорошо работал? Борька Александров разогнался, сделав большой вираж от своего левого края на правый, получил от меня шайбу, которую я скинул себе за спину и, продолжив на хорошей скорости движение, влетел в зону атаки. Карел Вохралек, тихо про себя матюгнувшись, побежал встречать «дорого гостя». Я же въехал в зону атаки по центру, а Саша Мальцев увел за собой Рихарда Фраду со своего правого на левый край.

— «Малыш» сыграй через защиту! — Крикнул я, отталкивая Недомански, который ко мне прилип как липучка.

Боря сделал «улитку», то есть резкий разворот в правом закруглении и скинул шайбу на защитника Сашу Куликова.

— Кулик, б...ь, не спи, переводи! — Я рванул на встречу к своему оборонцу, которого уже накрывал Йозеф Черны.

И хорошо, что Куликов не спал, он вовремя сделал пас направо Юре Фёдорову, который мог спокойно щёлкать по воротам, так как чехи, запутавшись в наших перемещениях, Юрку «благополучно потеряли». И пока наш защитник шайбу обрабатывал, пока замахивался, я успел сбросить с плеч неуступчивого Недомански и рвануть на пятак, чтобы закрыть обзор вратарю Дзурилле. Шайбу, которую шмальнул Фёдоров от синей линии, я заметил лишь в последний момент и еле увернулся, но Дзурилла был начеку и сложнейший выстрел отбил.

«Вот она шайбочка, родненькая, прямо на клюшечку сама же и летит», — подумал я, махая клюшкой и уже видя эту шайбу в сетке, но внезапный удар в бок от Вацлава Недомански и вместо шайбы в ворота влетаю я сам, увлекая за собой и чешского центрфорварда, и защитника Поспишила, и вратаря Дзуриллу. «Четверо в воротах кроме шайбы», — промелькнула в голове глупая мысль.

— Эй! Там наверху, остров Недоманский давай уже отчаливай! — Гаркнул я чеху, который придавил не только меня.

— Полэжи провэтрис, — хмыкнул Вацлав.

— Выступоват Нэд! — Пискнул из-под меня бедный Дзурилла.

«Смешно, — улыбнулся журналист Эдик Беркутов, когда четыре огромных хоккеиста выползли из одних чехословацких ворот. — Интересно о чём они ругаются? Особенно чешский вратарь, который сейчас даже замахнулся клюшкой на своего центрфорварда, Вацлава Недомански. Спектакль. Ну что ж, значит, решено, сосредоточусь на плохой реализации опасных моментов. Вот, к примеру, этот сто процентный момент — тоже заporоли. А почему? Потому что в команде плохая дисциплина! Сегодня ещё посмотрю, как хоккеисты буду некрасиво вести себя в ресторане, и получится огненный материал. Гениально!»

В то время пока Беркутов мысленно выстраивал свою критическую статью, на лёд вышли: у нас пятёрка Володи Петрова, у них звено Ивана Глинки. Вбрасывание назначили в зоне чехословацкой команды. Петров и Глинка вкатились внутрь левого круга, а по бокам выстроились Михайлов и Штясны, и с другой стороны Харламов и Мартинец. Итак, судья вбросил шайб, послышался звонкий удар клюшку об клюшку, и маленькая черная точка отлетела на защитника Валеру Васильева. Васильев же, сильно замахнувшись, дождался, когда под выстрел бросится Богуслав Штясны, затем с дикими глазами отъехал немного в бок и пальнул что есть силы по воротам чехословацкого голкипера.

— Гооол! — Дружно заорал весь народ на трибунах дворца спорта, ведь маленькая

черная точка почти мгновенно пронеслась по воздуху и воткнулась в верхний правый угол ворот Владимира Дзуриллы.

— Дааа! — Подпрыгнул сам Беркутов, поддавшись внезапному коллективному счастью.

— Васька молодец! — Крикнул и засвистел горластый «Соловей разбойник» слева.

И электронное табло высветило уже более пристойный счёт 2: 0 в пользу сборной СССР.

— Иван, а ты что Васильеву-то сказал? — Спросил меня, посмеиваясь Сева Бобров.

— Так, намекнул, если сегодня не забудет, то прощай московская дефицитная недвижимость, — хмыкнул я. — То есть квартира, — пояснил я, так как Всеволод Михалыч не сразу понял — чего прощай?

— Доведёт тебя когда-нибудь твой длинный язык до цугундера, — тяжело вздохнул главный тренер.

— Если что, Михалыч, вместе сядем, — закончил я наш небольшой разговор, так как на льду снова закипели страсти.

К сожалению, развить преимущество нам не удалось. После второй пропущенной шайбы сборная Чехословакии, вспомнив, что ещё весной этого года на чемпионате мира из двух игр позволила ненавистной сборной СССР лишь один раз сыграть вничью, понеслась отыгрываться. Откуда взялись силы у наших гостей, лично мне было не понятно. Может быть, им тоже намекнули, про решение острого жилищного вопроса, если они, конечно, победят. А может просто выиграло самолюбие, такое тоже часто случается. Как бы то ни было, первую ответную шайбу Иван Глинка после передачи Богуслава Штясны отыграл. И случилось это на 25-ой минуте встречи. После чего игра вновь потонула во множественных стычках и вязкой силовой борьбе.

— Иван, — толкнул меня в бок Боря Александров, когда до конца второго периода оставалась примерно минута. — Давай что-нибудь этакое разыграем, я ведь обещал две забросить, а у меня пока одна.

— Что? Когда обещал? — Я хлопнул себя по лбу. — Точно! Совсем закрутился с этим Вацлавом Недомански. Если обещал, то забросить обязательно должен.

Я посмотрел на главного тренера Боброва, который скомандовал смену пятёрок и немного поколебавшись выпустил вне очереди именно моё звено, чтобы провести заключительные секунды второй двадцатиминутки в атаке. Ведь когда на льду был я с партнёрами, наши гости практически не атаковали. Чехословацкий наставник Костка, тоже кинул в бой свою первую пятёрку.

— Сашок Мальцев, — сказал я нашему нападающему, прикрыв по привычке рот крагой. — Постарайся теперь ты с разгона провести шайбу в зону чехов и сразу накидывай её на пятак.

— С мясом хочешь заковырять? — Зло усмехнулся Мальцев.

— Нет, буду заковыривать с рыбой, раками и креветками. «Малыш», когда в зону войдем, сместишься в центр. — Закончил я небольшую вводную и встал на точку вбрасывания в средней зоне около нашей синей линии.

— Мы вас скоро обыграть, — улыбнулся Недомански.

— Смотри только, чтоб в одном месте штаны не треснули от натуги, — ответил я, не заботясь о том, поймёт мои слова Вацлав или нет.

Да и это было совсем не важно, ведь семь секунд спустя, на хорошей скорости, накрутив

двоих, в гости в зону чехословацких коллег ворвался № 10 Александр Мальцев, Советский союз. Я уже привычно притащил на пятак кроме своей клюшки ещё и «Большого Нэда», так уважительно Недомански будут называть там, за океаном. Врезал Поспишину для профилактики, вмазал Вохралику на всякий случай, а кода Мальцев кинул шайбу в моём направлении, не обращая внимания на удары, которые посыпались в ответ, вместо заталкивания её в ворота я сделал хитрый пас за спину. «Где ж ты моя ненаглядная где?» — подумал я, уже падая на лёд, так как здоровенный «Большой Нэд» наглым борцовским приёмом меня всё же повалил. А оказалось, что шайба-то совсем не дура, как раз наоборот, она очень умно выскочила на крюк Боре Александрову. И наш «Мальш» объехав завал, который устроил я и мои чехословацкие «друзья», воткнул шайбу под перекладину ворот, матерящегося на чешском языке с переходом иногда на русский, Владимира Дзуриллы, 3: 1.

— Блат! Блат! — Орал Дзурилла на своих защитников и немного на меня, когда выковыривал из сетки вредную шайбу. — Ховно! Блат!

— Гооол! — Плясала разношёрстная публика на трибунах, на которых, кстати, сегодня отсутствовали высокие государственные мужи. Наверное, товарищ Брежнев решил, что имеет право свою субботу провести на диване перед телевизором, а не на хоккее перед таким нервным и возбуждённым тяжелейшим матчем народом.

— Михалыч, как и обещал, забросил две, распишись в ведомости, — смеялся счастливый Борька Александров, отчитываясь перед Севой Бобровым уже на скамейке запасных.

— Паста замёрзла, — улыбнулся Всеволод Михалыч.

Перед заключительным третьим периодом журналист Эдик Беркутов, в фойе дворца спорта решительно пробился к буфетной стойке и с боем вырвал бутылочку «Жигулёвского» пива. Опять его мучала совесть, ну нельзя так обливать помоями команду, которая показывает такую искромётную игру. Парни ведь жилы рвут, дерутся на каждом участке хоккейного ледяного поля, а я их должен в угоду кому-то обгадить! Команда же практически новая, от великого ЦСКА всего четыре человека. Кстати, а для кого меня наняли? То есть было от ЦСКА в сборной одиннадцать хоккеистов, а стало четыре, значит, меня наняли для кого? О как интересно.

Беркутов открыл бутылку пива и в несколько больших глотков её полностью осушил. Что, что, а пить Эдик умел всегда, не смотря на свои скромные габариты. Ещё в студенческие годы в его веселой компании знали, что Эдик Беркутов никогда не пьянеет.

«Значит, кто-то желает моими руками Боброва из главной команды страны убрать, и вернуть Чернышёва и Тарасова? — подумал Беркутов, шагая обратно на трибуну. — Даже не так! Этот кто-то очень ждёт, чтобы Всеволод Михайлович оступился, проиграл, и тогда он заявит, что кроме Чернышёва и Тарасова другой альтернативы нет! И что тогда? А тогда, если сборная выиграет приз «Известий» и товарищеский матч с чехословаками после турнира, то я все деньги с чистой совестью забираю себе и пишу всё, что душе угодно! Какие ко мне могут быть претензии? Ну, разве я не гений?! Вперёд, болеть за сборную СССР, ура!»

— Михалыч, — обратился я главному тренеру, когда команда шла по коридору на третий решающий период. — Идея сейчас вдруг одна возникла. Чехи к нам приноровились, давай поменяем Мальцева и Харламова пятёрками. Малец уйдёт к Петрову на правый край, а ко мне направо встанет Харлам. Конечно, ничего особенного в этом нет, что один, что

другой — это свободные художники импровизаторы, но элемент неожиданности может сыграть за нас.

— Отстань, Тафгай, и без тебя башка пухнет, — отмахнулся Бобров. — Нормально идёт игра, нечего трогать механизм пока он даёт реальный результат. Построже в защите и всё!

«В защите — построже и поуже, в атаке — поострее и пошире», — усмехнулся я про себя, когда выехал на стартовое вбрасывание последней двадцатиминутки. Вацлав Недомански отчего-то не сказал мне ни слова, и вообще, какого-то задора отыграться в нём не чувствовалось. Наверное, заклевали парня в раздевалке за шайбу, которую через него получили на последних секундах. Ну, это не мои проблемы. У меня своих забот полон рот.

В первой смене, как и требовал Всеволод Михалыч, откатали под девизом: «Построже в обороне». Правда, и в атаке получилось ни о чём, но секунды тикали, время безвозвратно таяло, а счёт 3: 1 в нашу пользу. «Возможно, Бобров и прав, к чему перемены, если всё и так путём», — подумал я, ерзая на скамейке запасных.

— Васька, сука, ты куда?! — Внезапно подскочил я, как и некоторые другие игроки, так как защитник Валера Васильев, вдруг решив, что ничуть не хуже Мальцева, Харламова и Якушева, полетел в индивидуальный слаломный проход.

Одного чеха он с горем пополам одолел, а на втором, Богуславе Штясны, споткнулся. И тут же пошёл обратный пас на Ивана Глинку, до которого уже никто из наших не доставал. Глинка спокойно выкатился на Виктора Коноваленко и, сначала показав бросок, попытался нашего голкипера обыграть. Виктор же, чётко отработал на ногах и, прерывая дриблинг, сунул клюшку, из-за чего шайба вдруг подлетела вверх, сделал небольшой кульбит в воздухе и, стукнувшись о спину нашего вратаря, запрыгнула в ворота.

— Сука! — Гаркнул я, треснув кулаком об борт.

— Чего там, в телевизоре теперь делается? — Просипел с закрытыми глазами Трофим Данилыч, опять хватаясь за сердце уже сидя в кресле, которое ему заботливо принёс ещё после первого нервного периода его друг и коллега Казимир Петрович. — Помираю я Казимирушка, — жалобно проблеял он. — Васька — враг народа. Было же 3: 1, куда он сволота такая полез?! Налей ещё капельку, я хоть дух перед смертью переведу.

— Три два — это, конечно, не три один, но это три два, — попытался успокоить коллегу Казимир, выжимая из фляжки в рюмочку последние капли «огненной воды». — Ничего, где Бобёр — там Бобёр, прорвёмся. И потом у нас там Ваня, а Иван парень хваткий своего не упустит.

— Ваня, — слабым голосом протянул Данилыч и, открыв один глаз, посмотрел в экран. — Ванечка, забей ещё шайбочку, умоляю тебя, забей её. Не дай помереть в самом рассвете лет.

В середине третьего периода, на пятидесятой минуте матча, когда мы по старому древнему правилу поменялись с гостями воротами, Всеволод Михалыч всё же решился на изменения в пятёрках. Слишком в нервное русло вошла игра, где у нас почти ничего в атаке не получалось, кстати, как и у чехословаков, но слишком скользкий счёт диктовал свои правила игры. По этим правилам в динамичном хоккее — одна шайба преимущество несущественное, которое может легко растаять за считанные секунды. Ничья же, могла быть воспринята спортивной общественностью, как слабость тренерского таланта Севы Боброва и привести в итоге к самым печальным последствиям.

— Мальцев, Харламов, — немного помялся главный тренер и, покосившись на меня, продолжил. — Саша, Валера, последние десять минут поиграете с другими партнёрами. Ты Харламов перейдешь к Александрову и Тафгаеву, а ты Мальцев в пятёрку Петрова. Пусть чехи подёргаются, слишком они к нам приспособились. Устроим элемент неожиданности.

— Михалыч, давай тогда и тебе усы приклеим и вместо Свистухина выпустим, вот чехи тогда точно растеряются, — брякнул я, чтобы народ немного поулыбался, но шутка не зашла, потому что главный судья дунул свисток и пригласил команды продолжить игру.

И первыми в последний бой уже по традиции двинулась моя изменённая пятёрка.

— Валер, видел, как мы в игре раскатывались? Протащишь шайбу в зону атаки? — Спросил я Харламова, прежде чем выехать на вбрасывание.

— Стартую со своего левого борта, подхватываю от тебя шайбу в центре и мчусь по правому флангу? — Повторил весь манёвр Валера.

— Точно, подхватываешь, пробегаешь, обыгрываешь и красиво в падении через себя забрасываешь, — улыбнулся я, похлопав легенду № 17 по шлему.

Не знаю, что придумал наставник чехословацкой команды Владимир Костка, но когда я выиграл вбрасывание, получил обратный пас от своего защитника и пошёл по центру площадки к красной линии, Вацлав Недомански повёл себя не так как обычно. Вдруг он не стал меня плотно опекать, а наоборот, пропустив вперёд, стал, гад такой, караулить от меня же пас себе за спину, туда, где сейчас разгонялся Харламов. Пришлось на ходу менять сценарий развития атаки. Я пересёк красную линию и полетел на двух чехословацких защитников сам. От этого на льду всё перепуталось, Борька Александров попёрся тоже в центр, чтобы открыть фланг для Валеры. В итоге у синей линии гостей столкнулись два защитника Поспишил и Вохралик, нападающий Штясны и Фарда, Александров, я и дышащий мне в спину, Вацлав Недомански. Всё что я мог сделать — это воткнуться в игроков обороны и аккуратно катнуть шайбу в зону атаки, ведь Валера Харламов так и летел на всех парах с левого края.

Удар и сначала оба чехословацких защитника разлетелись в стороны, толчок в спину и вот уже на лёд лечу я сам собственной персоной. Рядом втыкаются «Малыш», Штясны, Фарда и Недомански. Зато Валера красивой летящей походкой выруливает на Дзуриллу, обманным движением укладывает того в одну сторону и кладёт в пустой угол ворот важнейшую шайбу в сегодняшней игре, 4: 2.

— Гоол! — Заорали болельщики на трибунах, и тут же кто-то дружно стал скандировать, — молодцы! Молодцы! Молодцы!

В Автозаводском районе города Горького медленно пошатываясь, под красиво падающим на всё вокруг снегом, шли два друга Трофим Данилыч и Казимир Петрович.

— Постой, — остановился на тротуаре Данилыч. — Три, четыре.

— Вместе, мы с тобой «Торпедо». — Тихо и душевно запели друзья хором. — Город Горький часть души моей. Сердце бьётся за победу. И «Торпедо» с нами всех сильнее.

— За котов, — добавил в конце Казимир Петрович. — Жаль пятую Мальцев не забил, но и 4: 2, тоже хорошо.

— Да, красота, — поддакнул другу Трофим Данилыч. — И сразу так хочется жить. Веди меня домой, Казимирушка, а то я что-то продрог.

Сейчас уже сложно представить, но у всенародного любимого хоккея с шайбой на Руси была не лёгкая судьба. Первые попытки играть этой вредной шайбой, а не маленьким мячиком, были предприняты ещё в 1911 году при Николае Втором, который и сам неплохо управлялся с коньками и клюшкой. Однако для единственных в мире международных стартов, а именно шведских Северных игр, требовался «бенди», то есть хоккей с мячом. Поэтому шайба временно улетела на пыльную полку спортивной истории.

Затем резиновый кругляш вытащили на свет Божий в 1932 году, когда уже в Советский союз приехали простые работяги из Германии, любители канадского хоккея из клуба «Фихте». Тогда они в переносном смысле слова попали под асфальтовый каток. Первую игру рабочие с немецких заводов проиграли 3: 0, вторую 6: 0 и третью 8: 0. Так как против них на лёд выходили фактически профессиональные спортсмены, которые пусть и играли лишь в хоккей с мячом, но имели неоспоримое преимущество во владении коньком. Естественно советская пресса о диковинной заокеанской забаве написала, что игра носит индивидуальный и примитивный характер, комбинаций нет, на коньках катаются плохо, матерятся на немецком языке и так далее. В общем, вышло, как в старом анекдоте про Карузо в исполнении Изи. Поэтому про плашку, так сначала именовали шайбу, опять забыли.

И наконец, неубиваемая шайба возродилась в 1946 году, потому что на Зимних Олимпийских играх в «бенди» не играли, а Советскому союзу, как победителю в страшнейшей войне было не к лицу игнорировать международное Олимпийское движение. Поэтому товарищ Сталин вызвал к себе Анатолия Тарасова и приказал создать хоккей с нуля, примерно так намного позже вспоминал сам мэтр. Прямо как мой дед, который хорошо приняв на грудь, мог рассказать, как лично его вызвал товарищ Сталин и приказал взять Гитлера в плен. И он это сделал, правда, немецкий фюрер успел тайно проглотить пилюлю с ядом, поэтому и пришлось его сжечь, чтобы за невыполнение приказа не расстреляли.

Реальная же история была совсем иной. В 1948 году в Москву пригласили пражскую команду ЛТЦ, которая уже давала серьёзный отпор родоначальникам хоккея с шайбой, канадцам. Кстати самих чехословаков научил играть Майк Букна, этнический словак, который родился в Канаде и поиграл в знаменитом канадском клубе «Трейл Смоук Интерз». Кроме знаковых для Советского хоккея пяти встреч пражаки показали весь тренировочный процесс, хоккейную амуницию, тактические приёмы, познакомили с силовой борьбой и современными на тот момент хоккейными правилами. Именно те матчи можно считать точкой отсчёта для наших лучших хоккейных специалистов: Аркадия Чернышёва, Анатолия Тарасова и Всеволода Боброва.

Кроме хоккея с тех пор между чехословацкими и советскими хоккеистами появилась ещё одна традиция — это совместный ужин при большом количестве алкогольных напитков. И хоть после 1968 года, чехи и словаки нас, мягко говоря, недолюбливали, но пропускать коллективную пьянку считали шагом политически не верным. Вот и сегодня после дневной игры, которую мы выиграли 4: 2, в ресторане гостиницы «Юность» сдвинули в один ряд столы и накрыли шикарнейшую «поляну».

— Ну и здоровы пить, — шепнул мне на ухо Боря Александров, когда очередной тост за дружбу народов гости не постеснялись опрокинуть в себя по полной чарке сорокоградусной

«огненной воды».

— У меня знакомые в Праге были, лица как арбузы. О! — Я показал руками примерный объём этих фруктов. — С вечера по пять литров пива в себя проглотят, а утром либо на велосипедную прогулку катят, либо в парк на пробежку. Удивительного здоровья народ.

— Хм, это когда ты в Праге успел побывать? — Хитро посмотрел на меня юный гений прорыва.

— Как все, с клубом кинопутешественников, — я почесал затылок и матюгнулся на свою забывчивость. — Читал про Прагу. Если всё сложится как надо, погуляем по улочкам старой Праги весной следующего года.

— Иван, Борис, почему не пить? — Спросил сидящий напротив уже хорошо покрасневший защитник чехов Франтишек Поспишил.

— Я хци длouxо храт, храт хцы до сорока лет. — Громко ответил я, поддавшись через стол немного вперёд. — А Борис малы еште. Еште шестнадцать лет.

— Техды за длouxа лета, — предложил новый тост, за спортивное долголетие, Франтишек, затем налил себе и сидящим по бокам голкиперу Владимиру Дзурилле и защитнику Иржу Бубле.

И мужики не подкачали, я даже глазом моргнуть не успел, как рюмки были опустошены до дна. Лично я и в лучшие годы с такой скоростью поглощать алкоголь не мог, а теперь и подавно. А здоровенным чехословакам хоть бы хны, только чуть-чуть поморщились. Вот что значит, когда с детства имеется натуральная без консервантов пища и хорошая экологически чистая среда. Ни пиво, ни водка не берёт организм, хоть тресни.

А дальше на маленькую сцену вышел вокально-инструментальный ансамбль, и начались танцы. Ведь кроме наших команд за длинным столом в ресторане были и другие посетители, которые пришли сюда не только водку жрать. «Малыш» сразу куда-то улетел. «Опять ночью не придёт», — сразу подумал я, оглядываясь. И точно, среди других празднично одетых мужчин и женщин, Борька уже танцевал со знакомой парикмахершей из гостиницы, Верой.

— Выйдем, разговор есть, — дыхнул на меня перегаром Валера Васильев.

— Давно пора, тебя немного освежить, — хмыкнул я и встал из-за стола.

На улице уже смеркалось, дул неприятный колючий и влажный ветер, который лично меня в одном пиджаке поверх рубашки пронизывал до костей.

— Хочешь я тебе в морду сейчас суну? — Криво усмехнулся Васильев. — Это из-за тебя вторую получили. Пслушал дурак тебя, хэ, решил дриблинг пкзать.

«Не хватало ещё скандала», — подумал я, и посмотрев нет ли кого вокруг, резко схватил Валеру за шиворот и окунул головой в сугроб, который образовался после того как дворники почистили тротуар. Затем так же резко Валерия Ивановича я вытащил наружу и поставил на ноги. От двух летящих в меня размашистых боковых удара я легко увернулся, и уже падающего вниз по инерции динамовского защитника я под руки.

— Ещё в сугроб или обратно в ресторан? Лимонадику налить? — Спросил я, вернув Васильева на ноги. — Я тебе, балбесина, сказал, чтоб ты одну забросил, зачем второй раз на ворота полез? Ты же чуть Боброва с инфарктом в больницу не отправил!

— Закрепить хотел, — пробубнил Валерий Иванович.

— В восьмом матче с Канадой только попробуй так в самом конце закрепить, клюшку вставлю в одно место, — зло прошипел я, вспоминая восьмой московский матч суперсерии 1972 года, которая ещё только грядёт, где Васильев знатно напортачил. — Пошли кофе тебе горячего налью. Балбесина.

— Не обзывайся, я плохого тебе ничего ещё не сделал, — Валера тяжело вздохнул, пошатываясь, пошагал следом.

В фойе нашу парочку перехватили испуганные Мальцев и Харламов.

— Мужики вы это, чего? — Накинулся на меня Саша Мальцев.

— Зачем драться сразу? Можно же сначала поговорить, — добавил Валера Харламов.

— Чё говорить-то? Поговорили уже, — глянул исподлобья сначала на меня, а затем и на друзей наш бесстрашный защитник.

— Спокойно, освежились снежком на свежем воздухе, — я похлопал по плечу динамовского отчаянного здоровяка с мокрыми волосами. — Сегодня догуливайте, завтра отлёживайтесь. У нас кроме молодых шведов ещё товарищеский матч с чехами. Чует моё сердце, если проиграем, выпрут Всеволода Михалыча из сборной. Поднимут шумиху в газетах, что поспешили с назначением и гуляй. Или может, вы хотите обратно Тарасова с Чернышёвым? Что молчишь, Валерий Харламов № 17?

— Наше дело играть, — пожал плечами армейский нападающий.

— Давайте потом на свежую голову поговорим, — сказал Саша Мальцев и потащил Васильева с Харламовым туда, где гремела музыка и танцевал народ.

«А с чего я наивный взял, что за Боброва будет «умирать на льду» вся команда? — я тоже пошёл на звуки музыки и веселья, чтобы выпить чашечку кофе перед сном. — Всё «Торпедо» точно биться будет, «Спартак» впряжётся, защитник Гусев, который у себя в ЦСКА на вторых ролях. А вот армейцы Михайлов, Петров и Харламов, и динамовцы Мальцев и Васильев — не знаю. Ладно, поговорим на свежую голову».

В воскресенье 19 декабря на Киевском вокзале около девяти часов утра я торчал с букетом роз как один большой тополь на Плющихе. Правда, старожилы говорят, что на Плющихе тополей никогда и не было, придумали их специально для одноимённого кино, ну и я на вокзале лишь временно ожидающий прибытия поезда из Тулы. Вообще все эти дни от своей Ирины я получал ежедневные телеграммы, которые были коротки и лаконичны. Например: «Привет из Смоленска целую тчк» или «Привет из Брянска целую тчк», и наконец, получил вчера «Привет из Тулы буду завтра в 9 Киевский вокзал 5 вагон тчк».

Поэтому сегодня я уже успел побывать на центральном рынке, что на Цветном бульваре. Поторговаться там с гостями из жаркого юга, которые меньше чем за три рубля одну розу продавать не желали. И лишь когда я предложил на спор десять раз поднять над головой самого крупного продавца, цена упала до двух рублей пятидесяти копеек. Потом я как бы, между прочим, рассказал, как недавно у нас в камере пыток выбивали из одного несчастного показания о «цветочной мафии», которая заполонила столицу. И букет в пятнадцать красных роз мне обошёлся, можно сказать по-божески, в тридцать рублей.

И сейчас граждане, которые на перроне встречали своих родных и близких, одним глазом высматривали поезд, что вот-вот должен был вынырнуть из-за поворота, а другим посматривали на меня. Либо их смущал мой рост, либо букет цветов, либо моё уже примелькавшееся по телевизору за время приза «Известий» лицо. Лишь когда состав, издав несколько длинных гудков, чтоб отпугнуть барышень с тонкой душевной организацией, начитавшихся «Анны Карениной» от акта самобросания на рельсы, остановился, каждый принялся искать только ему нужный вагон.

— Ваня! — Крикнула из-за спины толстой проводницы Ирина Понаровская.

И я, помахав букетом, «поплыл» сквозь толпу навстречу к своей любимой девушке. Что

уж греха таить, истосковался за эти дни. А тут ещё парикмахерша Наталья из гостиницы на меня положила глаз. Пришлось ведь держаться из последних сил, чтобы не нарушить клятву верности.

— Это мне? — Первым на перрон выскочил Миша Плоткин и потянул свои ручки к букету роз.

— Это для самой красивой девушки, а не самого хитрожопому юноше, — ухмыльнулся я и наконец, обнял Ирину.

Затем полезли обниматься Толя, Коля и другие музыканты группы.

— Мы сегодня в Останкино в «Голубом огоньке» выступаем, — заулыбался пианист Савелий.

— Только название ансамбля пришлось сменить, — недовольно пробурчал Колян. — Прощай «Высокое напряжение», здравствуй «Лейся, песня». Тьфу, б...ь.

— Новую песню написал? — Встрял Плоткин, пока ребята выгружали аппаратуру на две металлические тележки носильщиков.

— Написал, петь будет Ирина, — я приобнял девушку в белой шубке. — А подпевать хрипловатым голоском молодого козлика будет Толик. Толик слышь? Подпевать будешь на бэке.

— Сейчас что ли? — Почесал затылок музыкант.

— Всенепременно! — Поднял указательный палец Плоткин. — Значит, сейчас едем на репетиционную базу, затем в гостиницу, мыться, бриться, питаться, а вечером в телецентр. Ну, товарищи носильщики время же идёт! За эту минуту в СССР уже выплавляли почти 300 тонн стали, а вы всё телитесь! Поехали уже туда к автобусу.

Репетиционная база, куда Плоткин закинул моих музыкальных ребятшек, находилась на Варшавском шоссе, в одном скромном ДК. Текст песни «Всё пройдёт» я сунул в руки пианисту Савелию, сразу же в автобусе. А сам вместе с Ириной всю дорогу долго и с большим удовольствием целовался. Продюсер Миша попытался было что-то недовольно пробурчать, но я лишь поинтересовался: «Не болит ли у него снова нос?». И этого хватило, чтобы этот самый любопытный орган не совался туда, куда не просят.

— Иван ты хоть примерно напой, как должны звучать куплеты и припев? — Пискнул профессорский сынок, когда в репетиционной комнате музыканты подключили инструменты и прочую аппаратуру.

— Куплеты и припевы, звучать должны так, чтобы душа сначала развернулась, воспарила, а затем обратно села и завернулась. — Я взял листок с текстом и прокашлялся и набрал побольше воздуха в лёгкие.

Вновь о том, что день уходит с земли

В час вечерний спой мне.

Этот день, быть может, где-то вдали

Мы не однажды вспомним...

— Что слух режет? — Спросил я продюсера Мишу, который сидел, заткнув уши пока я белугой орал один куплет и припев. — А вот профессору Лебединскому, точно бы зашло. Не дорос ты пока для прогрессивной молодёжной музыки. Ну, «Лейся, песня» дальше сами. Мне без голоса в хоккее играть нельзя, ребята не поймут.

— Замечательная песня, — пустила маленькую слезинку Ирина Понаровская.

Целый день я провёл с музыкантами. Поспал меленько в репетиционной, пока они колдовали над новым музыкальным шедевром, делая небольшие перекуры, чтобы вдоволь поругаться. Затем вместе с ними съездил в гостиницу «Советскую», где каким-то чудом моих ребяташек разместил продюсер Миша. Сходил в ресторан на обед. А к часам пяти вечера помог ребятам занести инструменты в телецентр Останкино. Сердце советского телевидения встретило нас бесконечными коридорами, по которым нас водила ассистентка главного режиссера новогоднего «Голубого огонька».

— Инструменты вам не понадобятся, — сразу горчила музыкантов невысокого роста полненькая женщина ассистент режиссёра. — Возьмёте гитары в руки. И всё.

— А барабаны, синтезатор, — чуть не заплакал Савелий, которого из «Огонька» таким приёмом с ходу вычёркивали.

— Барабаны? — Задумалась женщина. — Дадим вам в руки две трубы, только во время записи не вздумайте дуть.

— Так что я зря всё это тащил?! — Не выдержал я, обвешанный с ног до головы сумками разной величины. — Синтезатор, между прочим, весит килограммов двадцать, плюс ещё всякие колонки.

— Вам товарищ грузчик по специальности носить полагается! — Топнула ножкой ассистентка, — Да, сначала мы планировали делать запись в живую. Но было решено, от такой затеи отказаться.

— Ну и бардак у вас на телевидении, — пробурчал я. — Куда это всё нести?

— Не нервничайте, у меня тоже нервы есть, — женщина посмотрела по сторонам и, небрежно махнув рукой, указала на дверь, — складывайте всё в гримёрку. Через десять минут жду вас на площадке. Перед записью будем делать прогон.

Миша Плоткин куда-то пропал, музыканты стоят на месте топчутся, как не родные. Я тяжело вздохнул и взял командование в свои руки. Из одной гримёрки выгнал каких-то циркачей и распорядился, чтобы Ирина переодевалась тут.

— А вам товарищи из цирка пора на прогон, — мотнул я головой в сторону дверей в большую студию, над которыми висела надпись «Тише идёт запись». — А вы что встали, за мной! — Скомандовал я остальным музыкантам.

Ровно через десять минут, которые я засёк, мы уже были внутри студии. Никаких, мне привычных по другим «Голубым огонькам», столиков с гостями не было и в помине. Одинокая сцена, елка с блестяшками, на полу, словно черные змеи роилась куча проводов, и безразличные к общей суете операторы перекачивали несколько здоровенных камер на колёсиках. Имелся так же один телевизионный кран с отдельным сидящим на маленькой площадке телеоператором. А под высоким потолком висели целые ряды объёмных светильников, от которых в студии было необычайно жарко. И тут появился Миша Плоткин и, судя по важному деловому виду, режиссёр всего этого предновогоднего безобразия.

— Какой типаж, — присвистнул, увидев меня, режиссёр, худой высокий мужчина средних лет одетый в модный кожаный пиджак. — Вы на каком инструменте играете? Подожди Миша, — остановил мужчину Плоткина, который хотел сказать что я — совсем не музыкант. — А давай мы приклеим вам усы и дадим в руки большой барабан! Хотя нет, усы нам клеить в этом году нельзя. Значит, возьмёте барабан и будете изображать бум, бум и так далее. Ой, какая прелестная барышня, — подмигнул режиссёр Ирине Понаровской. — Вы встанете в центр этой маленькой сцены. Сашенька подсвети барышню. И чтоб всё было без

синяков под глазами.

Минут пятнадцать всю нашу музыкальную команду ставили то сюда, то туда. Мне сначала дали басовый барабан, затем его отняли и сунули трубу, но товарища телевизионщика труба стала раздражать, потому что она блестела и отвлекала его внимание, и мне принесли контрабас и шляпу. В мою задачу входило следующее, когда камера проезжала всех музыкантов на словах «всё, что в жизни есть у меня», я должен был осклабиться во все тридцать два зуба и подмигнуть. Режиссёр аж взвизгнул от удовольствия, когда я это исполнил. Однако когда первый репетиционный прогон был нами пройден, кто-то из телеоператоров меня узнал.

— Леонид Львович, можно мне сказать? — Вмешался он после репетиции. — Этот высокий товарищ не музыкант.

— Ну, какая разница! — Вскипел режиссёр. — Это всё условность! Мы должны создать хорошее настроение для телезрителей, которые сели за стол, открыли шампанское, а тут такой амбал с контрабасом. Правда, неожиданный ход?

— Этот амбал, как вы выразились. — Пояснил свою мысль оператор. — Хоккеист сборной СССР Иван Тафгаев, я матч его вчера снимал с чехами на приз «Известий».

— Ну, что ж вы Сашенька раньше-то молчали? — Всплеснул руками Леонид Львович. — Такой кадр коту под хвост. Иван, а вы-то чего молчали?

— А я хотел как лучше. — Пожал плечами я. — Сказали, чтоб было весело, вот я и старался. Люди же в новогоднюю ночь шампанское откроют, а тут хоккеист с контрабасом, правда — неожиданный ход?

— Нас телевизионщиков за такие неожиданности, — тяжело вздохнул Леонид Львович, — могут из тёплой студии отправить в объятая тундры снимать жизнь чукотских оленеводов. Поэтому давайте не будем будить лихо, пока оно спит.

На последнюю игру «Известинского» турнира вновь пожаловало всё руководство страны. Во-первых, счастливые советские люди хоть изредка должны созерцать вершителя их судеб. Во-вторых, уж очень хотелось посмотреть товарищу Брежневу, Андропову и другим членам ЦК на разгром шведов и вручить главный приз своей команде. Ведь в том, что будет разгром никто и не сомневался. Шведская сборная «Б», как её именовали в протоколах, сгорела чехам 8: 1 и финнам 4: 1, поэтому если продолжить числовой ряд, мы должны были забрасывать хоккеистам «Трёх корон» 12 шайб.

И примерно к одиннадцатой минуте первого периода, под оглушительный крик «гол!» переполненных трибун дворца спорта, я в третий раз поднял свою клюшку высоко вверх. И главное не сказать, чтоб шведские хоккеисты были слишком молоды, большинству ребят, которые приехали в Москву, были старше двадцати одного года. Просто перепугались игроки в жёлтых майках грозного соперника, то есть нас.

— Третья шайба как под копирку, — усмехнулся, встречая нас на скамейке запасных Сева Бобров. — Набросили, клюшку подставил, вынимай. Молодец Тафгай.

— Не об этом матче нужно думать Михалыч, завтра важнейшая игра будет, чует моё сердце, — ответил я, принимая дежурные поздравления партнёров по сборной.

— Ладно, ладно, тройку Федотова сейчас почаще буду выпускать, отдыхай. — Похлопал меня по плечу Всеволод Михалыч.

— А я когда буду забивать, — обиженно забухтел под ухо Саша Мальцев, когда мы уже уселись на лавку. — С чехами отбегал по нулям, и здесь опять по нулям?

— «Мальш», — толкнул я Борю Александрова. — Поможем легенде советского спорта не ударить в грязь лицом?

— Так я и не ударяю, — засмеялся Борисик. — Одну шведам положил, две чехам. Или ты кого-то другого имел в виду?

— Ну, мать твою, совсем обзрел, — обиделся на юного партнёра Мальцев. — Паса больше от меня не получишь!

«Да, плохо, когда в тройке два солиста», — подумал я, не желая влезать в пустой спор. Меня больше взволновала сегодняшняя маленькая статейка в газете «Труд», в колонке «Происшествия» не называя имен, написали про некрасивую драку в ресторане «Юность», где отдыхала наша сборная СССР после матча с чехословацкими друзьями. Что там была за драка? Это я что ли Васильева в снег окунул, так то не драка была, а медицинская помощь, человеку просто поплохело, развезло в тепле, вот я его и освежил. Или братья Холики, которые с Борей Михайловым и Вовой Петровым потолкались у туалета — это драка? Так там дело даже до оторванных на рубашках пуговиц не дошло. Но ведь кто-то склепал «сенсацию»! Дескать была пьянка, была потасовка и дальше уже народную фантазию не остановить. А потом обязательно найдётся тот, кто собственными глазами видел, как чехословаки бились стенка на стенку с нашим советскими хоккеистами. Явно кто-то дал команду «копать» под Севу Боброва. Брежнев же сам одобрил кандидатуру Всеволода Михайловича? Плюс глава КГБ Юрий Андропов обеими руками за нашего главного тренера а остальных товарищей из высших эшелонов власти спорт вообще мало интересует. Странно.

В раздевалке после первого периода, который закончился со счётом 4: 0, четвёртую шайбу забросил Харламов с подачи Михайлова, я решил аккуратно тет-а-тет поговорить с

главным тренером.

— Ну что ещё?! — раздражённо бросил мне Всеволод Михалыч, когда мы уединились в его тренерской комнате.

— В газете «Труд» написали, что в субботу, когда мы с чехами пили за мир и дружбу, в ресторане произошла драка. «Копают» под тебя вот что ещё. Чехословаков завтра нужно обязательно обыгрывать. Даже к ничье прицепятся.

— Копают? — Пробормотал задумчиво Бобров. — Кому я мог дорогу перейти? Тарасову? Он конечно человек авторитетный, но не до такой степени, чтобы по его указке журналисты стали бы ерунду всякую собирать, кто там с кем потолкался. В правительстве я вроде всем пока нравлюсь. А помнишь, ты говорил, что будущее видел? Из-за чего меня сняли в 1974 году?

— Честно говоря, никакой официальной версии не было. Чемпионат мира 74 года в Хельсинки ты выиграл. Только один матч Чехословакии проиграл крупно 2: 7, зато во втором победил 3: 2. Писали что-то о низкой дисциплине в сборной. В народе поговаривали, что ты какого-то чиновника не то оскорбил, не то толкнул. Самое главное тебя убрали перед серией с канадцами из ВХА. Эта всемирная хоккейная ассоциация начнёт разыгрываться только со следующего 1972 года, и составит серьёзную конкуренцию НХЛ, будет переманивать большими деньгами оттуда звёзд.

— 2: 7, говоришь? — Михалыч вновь почесал затылок. — Ерунда какая-то выходит. Ясно пока одно проигрывать мне нельзя. Сейчас постараюсь почаще выпускать четвёртую пятёрку Федотова, и лидерам дам отдохнуть перед завтрашней игрой. А ты сам-то за меня?

— Куда я теперь денусь с подводной лодки, — криво усмехнулся я.

Журналист Эдик Беркутов неуютно ерзал на трибуне лужниковского дворца спорта. Ему до зубовного скрежета хотелось холодного пива, солёной рыбки и минеральной водички. Ведь голова юного журналиста просто раскалывалась от вчерашней вечеринки и внезапно нахлынувших проблем. Накануне в воскресенье в редакции журнала «Спортивные игры» ему неожиданно вставили «мощных пистонов» за беззубую и хвалебную статью об игре сборной на «Известинском» турнире. Главный редактор материл последними словами и грозился, если не будет достойного материала, выкинуть Эдика из Москвы на просторы необъятной Родины, чтобы он там писал о буднях хлеборобов, рыбаков, и работниц мясомолочной промышленности. Поэтому перепуганный Беркутов, тут же не отходя от пишущей машинки, настроил безобразный пасквиль о том, как наши хоккеисты гуляли в ресторане. И именно этот материал главный редактор лично отправил в газету «Труд». А тем же вечером юный журналист пошёл заливать свою беспокойную совесть в ближайший ресторан.

«Так чем же кому-то Боров не угодил?! — психовал Беркутов, наблюдая «избиение» беззубой шведской команды в последней игре турнира. — Нужен стране тренер победитель — получите и распишитесь! Что же ещё? Вам нужен ангел с крыльями? Так таких людей в мире не бывает!»

— Гооол! — Вскрикнули немного устало трибуны, когда Саша Якушев сделал счёт на двадцать третьей минуте 5: 0.

— Играем в одну калитку! — Засмеялся сосед слева. — Дёрнешь? — Предложил он Эдику, приоткрыв пиджак и показав выпуклый внутренний карман, из которого выглядывало горлышко маленькой бутылочки.

— Если только чуть-чуть, — согласился журналист и, сделав вид, что он что-то уронил на пол, нагнулся и чтобы никто не заметил, опрокинул там несколько капель обжигающей жидкости прямо в пищевод. — Благодарю! — Каркнул Беркутов, занюхав водку рукавом пиджака.

«Чтобы сам главред журнала бегал да на полусогнутых, это какие же люди его должны напрячь? — зло подумал Эдик. — Это же минимум из самого правительства должны надавить. Как же так? Сначала Бобра из этого нашего дорого правительства назначили, а сейчас уже хотят убрать? И если завтра чехам Бобров проиграет, то такой «хай» во всей прессе поднимется, что Всеволода Михалыча ничем не спасти».

— Шайбу! Шайбу! — Заголосили разом соседи и слева, и справа, что Беркутов временно решил голову разными мыслями не забивать. Так как сейчас на льду первая пятёрка Тафгаева разрешила шведскую оборону, как нож кусок теплого сливочного масла. Молоденький нападающий Александров красиво обыграл двоих, выкатил на Ивана Тафгаева, а тот на замахе уложив остальных хоккеистов в жёлтой форме, отдал на пустые ворота Мальцеву.

— Гоол! — Взорвались криками трибуны дворца спорта, а электронное табло высветило красивый счёт 6: 0.

— Ну, горьковские молодцы! — Хохотнул сосед слева, у которого ещё оставалось во внутреннем кармане немного алкогольного допинга. — И мелкий этот Бориска и Тафгай — молодец. Откуда они только взялись?

— Тафгаев, говорят, в тюрьме сидел, а Александров из Казахстана приехал, из Усть-Каменогорска. — Ответил сосед справа.

— Ерунда, — возразил Эдик Беркутов, который биографии игроков уже хорошо успел изучить. — Иван работал на Автозаводе и играл за заводскую команду.

— Так я тебе и поверил! — Вскрикнул нервный сосед справа. — Ты видел как Тафгай Ваську отмудохал, ну, Валерку Васильева, когда они с «Динамо» играли? Бил профессионально. А Васька сам кого хочешь, может отхерачить! Где Тафгай на заводе наловчился так морды бить? И с ЦСКА он несколько человек разом гонял. Даже Рагулин драться не полез. Струхнул, наверное.

— Не пи...ди! — Ответил сосед слева. — У Рагулина Сан Палыча травма была. Но так то да, странный какой-то этот Иван Тафгаев. А может он в горячих точках воевал, засекреченный был? А теперь его рассекретили.

— Дурак! Тех, кого засекречивают, больше не рассекречивают! — Заявил скандалист справа.

— Ты за словами-то следи козёл! — Полез в драку сосед слева, отдвигая Бректуова в сторону.

И они бы точно подрались, если бы пятёрка Тафгаева прямо сейчас опять не отличилась. Иван по левому краю атаки влетел в зону шведов. При этом двоих хоккеистов в жёлтых свитерах он опрокинул на лёд, затем отдал пас за спину на Александрова. А Борис, выкатившись на ворота, как по заказу выложил шайбу Мальцеву. И Александр довёл счёт до разгромных 7: 0.

— Мужики по чуть-чуть дёрните? — Предложил, спрятанную в кармане чекушку, ради победы и примирения благоразумный сосед слева.

В раздевалке после второго периода, который закончился со счётом 8: 0, отличился

перед самой сиреной на перерыв Володя Петров, Всеволод Михалыч решил сделать срочное объявление:

— На третью двадцатиминутку Тафгаев, Мальцев и Харламов можете не готовиться. «Малыш» перейдешь в армейскую пятёрку к Петрову и Михайлову. Побегаеть немного справа. А в первой пятёрке в атаке сыграет тройка нападения Федотова. Завтра будет важная игра, а сегодня мужики главное без травм и постарайтесь чаще контролировать шайбу.

— А фуршет сегодня состоится по случаю выигрыша главного приза «Известий»? — Спросил под всеобщий хохот Коля Свистухин.

— Я тебе Коля после игры налью, если захочешь, — сказал я, встав с лавки. — Если завтра утром на раскатке хоть от кого-нибудь будет запашок, заставлю бежать десять кругов вокруг Большой спортивной арены на время. Чехов, словаков и моравов мы должны победить, во что бы то ни стало. На нас вся страна смотрит и дорогой товарищ Брежнев.

— Каких ещё моравов? — Поинтересовался Валерка Васильев.

— Тех, которые остались в Чехословакии после Великой Моравии. — Хмыкнул я. — Ещё в девятом веке.

— Да, ладно тебе, Тафгай. — Встал с места Володя Петров. — Надоел уже выступать. Мы выиграли турнир, значит, имеем право посидеть по-человечески и отметить. А завтра всего-навсего товарищеская игра, от которой ничего не зависит.

— Кто ещё так думает? — Я посмотрел по сторонам. — Давай, поднимайте руки! Обещаю, что бить в хренальник не буду. Кто так считает, завтра на игру могут не приходиться! Дома на диване, б...ь, отлёживайтесь, берегите здоровье! Останется две пятёрки, — я кивнул на парней из своего «Торпедо», которых в сборной было большинство. — Будем играть двумя пятёрками. Михайлов — раз, и Петров — два. Что ж привет Тарасову, гуляйте.

— А я Ивана хочу поддержать, — сказал, сидящий скромно в углу наш ветеран, вратарь Витя Коноваленко. — Я сегодня, к примеру, игру пропускаю, чтоб завтра против более сильного соперника выйти на лёд. А кое-кому лишь бы шары залить? Что неужели день потерпеть нельзя? Перед Олимпиадой бесполезных игр не бывает.

— Ладно, день потерпим, — пробубнил Петров.

— Нам день потерпеть, да ночь продержаться, — засмеялся Валера Харламов.

— Тогда Тафгай ты завтра ящик водки выставляешь! — Влез Сашка Мальцев. — Шучу, организуй лучше шампусика.

Народ в раздевалке засмеялся, ситуация разрядилась и я облегчённо выдохнул. «Как удачно вмешался Сергеич, — подумал я, так как уже хотел Володю Петрова начать учить любить Родину прямо здесь, не выходя из раздевалки. — Отвёл Витя грех, спасибо ему».

Последняя игра турнира на приз «Известий» 1971 года закончилась традиционным награждением всех участников соревнований. В первом матче сегодня днём сборная Чехословакии в сложнейшей борьбе одолела неуступчивых финнов 1: 0, и заняла второе место. Мы же разгромив сборную Швецию с литерой «Б» 12: 1, заняли высшую строчку пьедестала почёта. Поэтому когда все команды выстроились на льду организаторы, выкатив красную ковровую дорожку, приступили к поздравительным речам, «раздаче слонов» и объявлению лучших игроков приза «Известий».

Андрей Васильевич Старовойтов секретарь Федерации хоккея огласил, что лучшим вратарём признали Йорму Валтонена из Финляндии, лучшим защитником стал Франтишек

Поспишил из Чехословакии и лучшим нападающим неожиданно для всех оказался наш юный гений прорыва Боря Александров. Получилось так, что сегодня в третьем периоде он, забросив две шайбы и присовокупив их к трём заброшенным ранее, стал лучшим бомбардиром. И хоть Мальцев с Харламовым рядом со мной недовольно бурчали, но объективно прикопаться было не к чему. Да, слишком молодой, да, заслуга в высокой результативности не только его, но факты — вещь упрямая. Парень пять шайб забросил, четыре передачи отдал — результат великолепный.

А затем, мне как капитану команды вручили матрёшку в виде снеговика, которую я должен был показать ребятам, с ней для прессы сфотографироваться и передать сувенир на вечное хранение в Федерацию хоккея. Наконец, последним аккордом зазвучал величественный гимн Советского союза, и под потолок ледового дворца подняли красный флаг с серпом и молотом в уголке.

— Молодцы мужики! — Гремел в нашей раздевалке зычным голосом Андрей Старовойтов, глава Федерации хоккея. — Сейчас садимся на автобус и едем на общий фуршет. 23 шайбы забили! Рекорд, молодцы! Всем сегодня можно водки!

— Куда едем? — Спросил я, показывая на часы. — Уже одиннадцать часов вечера, нас даже в пирожковую не пустят. Да и по поводу водки, давайте её перенесём на завтра. Сейчас бы пожрать как следует.

— Не мути водку капитан, — засмеялся Старовойтов. — Сейчас и пожрём, и попьём. Завтра игра не важнецкая. Ерунда. Десять минут на сборы!

На выходе из служебных дверей, не смотря на поздний час, неожиданно нас встретила гулом огромная торжественная толпа народа. Автобус стоял в метрах двадцати и все эти двадцать метров мы по одному пробирались вдоль живого человеческого коридора. Лично я, пока шел, пожал руки наверно не меньше пятидесяти человек. А несколько смелых барышень умудрились меня не только задержать, но и под хохот народа вокруг поцеловать. И ещё, где-то около автобуса мне сунул маленькую записку какой-то странный худой парень. Я из вежливости не выбросил её сразу, взял и сунул в карман. А когда автобус тронулся, чисто автоматически эту записочку я развернул. «Умоляю вас, — писал незнакомец, — не вздумайте сыграть в ничьи и уж тем более проиграть завтрашнюю товарищескую игру Чехословакии. Из-за этого Всеволода Боброва могут убрать из сборной СССР». Подпись странная записка не имела.

— Боря привстань, я с Михалычем перекинусь парой слов. — Я с трудом вылез со своего места и прошёлся вдоль салона к первым рядам, где ехал весь наш тренерский штаб. — Михалыч смотри, что мне сунули в руки.

— Что, девочки уже на свидание приглашают? — Сева Бобров развернул записку, и улыбка тут же пропала с его лица. — Нормальный заход. Кто дал?

— Парень какой-то лет двадцати, не представился, — я пожал плечами.

На заключительный очень поздний, практически ночной ужин нас привезли в ресторан гостиницы «Россия». Там для всех команд составили единый стол большой буквой «п» как это делают на свадьбах, закусона выставили более чем достаточно, а выпивки ещё больше. Если бы мои коллеги с завода, увидели такой натюрморт, то я бы за их душевное здоровье не поручился.

— Смотри, чехи не пьют? — Удивлённо толкнул меня в плечо Боря Александров.

— Слух прошёл, что им премию пообещали, если они нас завтра разделают, — шепнул

на ухо Саша Мальцев. — Странно всё это.

— Я тебе больше скажу, есть такая сплетня, что Севу Боброва снимут, если мы проиграем. — Шепнул и я в ответ, больше налегая на минералку, красную икру и рыбную нарезку.

— Да быть такого не может? — Не поверил мне Мальцев. — У нас же команда теперь огонь!

— Ты думаешь, сегодня в раздевалке я просто так чуть лицо Вове Петрову не испортил? — Хмыкнул я. — Вон сидит, на меня дуется. И «копают» под нашего Севу основательно. Только непонятно кто и зачем?

— Ты Иван не думай, я за тебя. Я Михалыча очень уважаю. — Улыбнулся Саша Мальцев. — Тем более идут разговоры, что со следующего сезона в моё «Динамо» и Сева Бобров и ты, и этот шмыкодяк мелкий, все вы переходите.

— Сам ты, шмыкодяк, — огрызнулся Борька Александров. — Лично мне ещё никто и ничего не говорил. Я может быть, из Горького уезжать ещё не захочу.

— Вот когда тебе скажут, либо ты переходишь в Москву, либо про сборную СССР забудь, посмотрю, как ты запоёшь, — резонно заметил Мальцев.

— Поговорите пока без меня кто, куда переходить собрался, — сказал я, встав из-за стола. — С Франтишекком Поспишилым пообщаюсь, на счёт премии, он русский хорошо понимает. Да и просто парень хороший.

Я пересёк танцпол, на котором никто не танцевал, хоть и для нас старались, играли какие-то неизвестные музыканты. Ведь какие могут быть танцы, когда вокруг около сотни одних мужиков? Хотя, хорошо уже поддавшие финны и шведы вроде как дозрели, но пока ещё стеснялись.

— Самба, румба, ча ча ча, рок-н-ролл! — Крикнул я скандинавам и потомки разных конунгов потянулись танцевать.

Чехи и словаки же сидели на противоположном от нас конце пэ-образного стола и, увидев меня, заметно напряглись. Особенно братья Холики, которым я по одному подзатыльнику всё же сунул в прошлый раз.

— Ахой! — Кивнул я всей команде. — Франтишек пойдём, покурим.

— Я не курить Иван, — пробубнил капитан сборной Чехословакии.

— Чё тебя силой тащить? — Не выдержал я. — Бить не буду. Поговорим минуту и всё.

За Поспишилым встал и Вацлав Недомански. А я подумал: «Если им так спокойней, то пусть идут вдвоём», поэтому криво усмехнувшись, спустился по лестнице на первый этаж гостиницы, где кучковались все курильщики.

— Една отазка, то есть один вопрос. — Я посмотрел на нахохлившихся гостей из Чехословакии. — Кдо вам цену эээ слибил? Кто премию пообещал?

Поспишил с Недомански что-то слишком быстро затараторили друг другу, есть такая плохая привычка у чехов и словаков, и я их перестал понимать. Помедленней бы частили, то разобрал, всё же часто бывал в Праге, ещё тогда, в будущем. И мне показалось, что Вацлав предлагал сказать правду, а вот Франтишек почему-то испугался это делать.

— Некдо з влады? Из правительства кто-то? — Спросил я напрямую.

— Лучше Иван не спрашивать, — упрямо пробормотал Франтишек Поспишил.

— Меньше знаешь, чаще спишь, — усмехнулся я, получив исчерпывающую информацию.

Хоть вечеринка и закончилась без пьянки и кровопролития, на следующий день голова буквально трещала по швам. Я и на утренней раскатке во вторник 21 декабря, меньше думал о шайбе, и больше о том загадочном всеильном человеке, который захотел Севу Боброва убрать из главной команды страны. Ломал я мозги и на обеде, и даже собираясь на игру, тоже что-то внутри себя прокручивал. Куда я только не проник, мысленно разрезав пространство и время, даже в Древний Египет, где гоняли маленький древний мячик загнутыми хоккейными палками две команды ненормальных жрецов, так называемых иерофантов, «Осоки» и «Пчелы». Иерофанты «Осоки» бились за Верхний Египет, а их соперники «пчелы» за Нижнюю землю, белая корона воевала в ритуальных играх, в доисторический футбол и хоккей, против красной.

«Что мне ещё рассказывал экскурсовод «Каирского музея»? — почесал я затылок, автоматически складывая хоккейную форму в баул. — Ах, да. Даже страшно подумать, что делали с капитаном проигравшей команды по законам того мифического времени. Могли камнями забросать, могли и батогами забатагачить, люди дикари. Если сейчас не остановлюсь, то начну вспоминать про «пчёл» в символике Наполеона Бонапарта и английской королевы. И вообще королевская лилия — это и есть стилизованная пчела. Всё, сошёл с ума, ту-ту».

— Иван! — окликнул меня Боря Александров. — Я с тобой уже пять минут разговариваю, а ты всё киваешь да киваешь. Задумался что ли? Ну, что не так с сегодняшней игрой?

— Всё не так. — Я порылся в сумке и выудил из неё блокнот, из которого безжалостно вырвал одну страничку. — Ручку дай. Вот смотри. Первое — чехословакам пообещали премию за победу. Сам видел, невысказанное дело, они вчера даже от пива отказались, значит, пообещали очень много. Второе — кто-то всеильный очень хочет нашего Севу Боброва убрать, ему только предлог нужен. Но кто? Смотри дальше. Брежнев от Михалыча в восторге, сам его в команду назначил. Маршал Гречко, который курирует ЦСКА, ему пока вредить Боброву ни к чему. Тем более если убрать Севу из сборной, он на клубе ещё сильнее сконцентрируется, а это для ЦСКА очень плохо. Друг Брежнева Черненко, который болеет за «Спартак» — тоже мимо. Федерация? Эти вообще подневольные товарищи, что в ЦК скажут, то и исполнят в тот же миг. Председатель КГБ Юрий Андропов, который уже с Михалычем общался, двумя руками за него.

— Значит слухи, что мы в следующем сезоне переходим в «Динамо», ты, я и наш главный тренер правда? — Большими доверчивыми глазами посмотрел на меня «Малыш».

«Вот я дубина, сам же и выболтал большой секрет, который не знал только ленивый», — матюгнулся про себя и сказал:

— Ох уж эти слухи. Ко мне недавно амбал в наколках подошёл и спросил: «Здорово браток, где чалился?». Я ему чуть, прямо не отходя от кассы, не втащил. Вот кто пусти слух, что я сидел?

— Ты не увиливай, — упрямо процедил Боря.

— От предложений председателя КГБ отказаться можно, но сложно, — я пожал плечами. — Давай посмотрим правде в глаза. Сейчас с «Торпедо» медали возьмём, и всю команду растащат. У Боброва здесь в Москве семья. У меня в Горьком ни кола ни двора. Ты

тоже приезжий. Может так даже и лучше будет. С Мальцевым же замечательно сыгрались. Валерка Васильев душевный парень.

— Ладно, что там с ребусом? — Почесал затылок юный гений прорыва и посмотрел на мои почеркушки на листе бумаги. — А кто может быть выше Брежнева?

— Кто? Что? — Я тоже почесал свою большую голову. — Кремлёвские звёзды и если чисто теоретически углубиться в сомнительную теорию заговоров, то выше товарища Брежнева только мировые теневые финансовые элиты.

— А какое важнейшее событие в хоккейном мире впереди? — Задал второй решающий вопрос Боря.

— Впереди, одно из величайших событий в истории хоккея, Суперсерия с канадскими профессионалами. — Пробормотал я. — Ёкарный бабай. — Затем я посмотрел на часы. — Время уже. Потом будем соображать, что к чему, сегодня нужно думать только о победе.

В дверь внезапно кто-то постучал. А когда она отварилась, и в комнату заглянуло улыбающееся до ушей лицо Валеры Харламова:

— Такси вызывали?

— Наши люди в булочную на такси не ездят, — усмехнулся я. — Но мы не в булочную, поэтому поехали.

В машине «Москвич», которую «легенда № 17» купил по совету друзей разговор зашёл об утреннем инциденте с Петровым и Михайловым. Оба сегодня намерено пришли с запашком, чем серьезно обидели Севу Боброва. Михалыч, конечно, ничего не сказал, но я не выдержал и посоветовал на лёд лучше не выходить.

— Чем угрожаешь? — Криво усмехнулся Вова Петров.

— А это смотря, какой частью тела ты сейчас на разминке в борт у меня впишешься. — Я хрустнул костяшками толстенных пальцев.

— Хочешь, чтоб тебя опять дисквалифицировали? — Уже не так уверенно пробубнил друг Петрова Борис Михайлов. — Проиграете еж без нас.

— А как же мы без вас, вас девять дней назад отодрали? — Я зло посмотрел на армейцев. — Свободны, если не хотите Новый год встретить в больнице. Идите, бегайте по магазинам, покупайте ёлки, подарки и салат «Оливье».

— Да пошёл ты, — угрюмо прошипел Петров, но на утреннюю тренировку по моему совету ни он, ни Михайлов благоразумно не вышли.

Уже подруливая на «Москвиче» ко дворцу спорта, где сегодня опять возились телевизионщики, чтобы организовать трансляцию матча на всю огромную страну, Харламов решил на разговор.

— Иван, надо ребят простить, игра же товарищеская, — кисло улыбнулся Валера, посмотрев с надеждой на меня и Борю Александрова.

— Хороший ты человек, Валера, друг отличный, хоккеист замечательный, — тяжело вздохнул я. — Беда не в том, что они выпили накануне. Михайлов и Петров показали, что для них наш главный тренер, Сева Бобров — никто. Тарасова-то они боятся, не посмели бы так поступить, а тут либерализм и демократия, что хочу, то и ворочу. А игра сегодня будет жесточайшая. Чехам такую премию предложили, что они драться будут как на олимпийских играх.

— Чего это вдруг? — Удивился Харламов.

— Кто-то хочет Михалыча «подсидеть» в сборной, нужен лишь повод. — Проговорился «Мальш» и получил отменя легкий подзатыльник.

— Есть такое подозрение. — Признался и я.

Журналист Эдик Беркутов после разгрома шведов 12: 1 напрямую спросил главного редактора журнала, что делать, продолжать дальше «копать» под Всеволода Михайловича или нет? На что получил неоднозначный ответ, что «копать» ни под кого не надо, а нужно просто выявлять недостатки, исправив которые мы сделаем сборную ещё сильнее. В общем, главред накинув обычной «лапшички на уши», полностью подтвердил оправданность внезапного даже для самого себя вчерашнего поступка. Хотя возможно, Беркутов решился передать записку капитану главной команды страны, Ивану Тафгаеву, под воздействием алкоголя. Немало он тогда приняли с незнакомыми болельщиками с соседних мест. А возможно журналист просто интуитивно почувствовал, что нужно поступить именно так. Неприятная дрожь предстартового волнения охватила всё существо юного журналиста, когда хоккеисты сборных СССР и Чехословакии после небольшой раскатки встали на центральную точку вбрасывания.

— Извините, вы случайно не знаете, почему в составе нашей команды сегодня не играют Петров и Михайлов? — Спросил Беркутова интеллигентный дедушка, который сидел по правую руку.

— Как не играют? — Вздрогнул Эдик и, взяв программку матча из рук старичка, действительно фамилий двух очень мастеровитых армейских нападающих не обнаружил. — Странно, Харламов в старте, а их нет. Может микротравма?

Журналист вперился в бегающих по хоккейному ледяному полю спортсменов, пытаясь для себя определить сочетания сегодняшних звеньев. И первая наша пятёрка вышла в следующем составе: защитники Васильев и Гусев, нападающие: Александров, Тафгаев и Мальцев. Против них чехословацкий тренер Владимир Костка выпустил пятёрку Вацлава Недомански, который хоть и старался играть жестко, но от откровенных ударов исподтишка и прочих провокаций в этих московских матчах отказался. Первую смену для простой товарищеской игры обе команды провели слишком собрано и осторожно. «Дошла записочка, — выдохнул про себя Беркутов. — Биться сегодня буду не на шутку. Вот только почему нет Петрова и Михайлова? Странно».

Далее на льду появилась вторая пятёрка: защитники Фёдоров и Куликов, нападающие: Мишин, Федотов и Фролов. Все ребята из горьковского «Торпедо». И они после вбрасывания словно бульдоги вцепились в своих чехословацких оппонентов, в пятёрку Ивана Глинки, который выделялся высоким ростом и широкими плечами. У горьковских парней, к сожалению совсем не клеилась комбинационная игра, зато и чехи увязли в средней зоне, в плотной и немного странной защите.

Наконец, после безрезультатной, но напряжённой минуты на льду, главные тренеры Бобров и Костка выпустили последние свои силы. У нас выкатилась необычная тройка нападения Шалимов, Якушев и Харламов, плюс пара защитников: Паладьев и Ляпкин «Союз «Спартак», ЦСКА и «Химика», — усмехнулся Беркутов. — Саша Якушев в центре — интересно. А неплохо пока получается, между прочим».

— Никогда Якушев не играл в центре, — заметил внимательный интеллигентный дедушка. — Но прижали этих братьев Холиков к воротам хорошо. Вот кого-кого, а младшего Иржи не люблю. Нехороший он человек, хотя и хоккеист приличный. Что-то волнительно как-то и игра какая-то странная. А мне молодой человек волноваться врачи не разрешают.

— Зачем же вы тогда на стадион пришли? — Удивился Эдик Беркутов. — Тут люди

наоборот болеют, волнуются, здоровье теряют. Или вам терять уже нечего?

— Кто ж знал, что они так биться начнут, как в финале кубка, — тяжело вздохнул старенький сосед справа. — Шайбу давай! Шайбу! — Неожиданно гаркнул дедушка вместе со всеми трибунами.

Когда Якушев с Харламовым, разыграв красивую комбинацию, создали убойный момент, но вратарь чехословаков Владимир Дзурилла оказался на высоте, шайбу сначала отбил, а затем, прыгнув на неё всем телом, плотно накрыл. Народ на трибунах выдохнул, и даже кое-где местами не стесняясь, громко высказался по матери.

— А мы и без Петрова с Михайловым можем, — улыбнулся интеллигентный дедушка сосед. — Толково Всеволод Михайлович сборной управляет. Я на Бобра первый раз в 1948 году ходил, когда он пражскому ЛТЦ ещё шайбы забрасывал. И было это 23 года назад, эх, как быстро годы пролетели.

На Горьковском Автозаводе «ГАЗ» в профкоме, который располагался на втором этаже крупнейшего заводского Кузовного корпуса, тоже кипели страсти. Физорг Самсонов ещё днём, чтобы спокойно посмотреть матч, без извечных вопросов жены и дочери, а кто в какой форме бегают и зачем и предложений, а не пора ли забить на кухне гвоздь, взял телевизор из дома и принёс сюда. Однако чтобы поболеть за своих горьковских ребят в кабинет набилось столько народу, что Олег Палыч горько пожалел, что не остался сегодня на комфортном персональном диване. И теперь он сидел, зажатый со всех сторон рабочими цеха, инженерами из КБ и даже врачаха Ольга Борисовна, услышав громкие крики, тоже пристроилась около его телевизионного приёмника. В довершении всего ближе к середине первого периода к любимому папе, заглянула и дочь Светлана, которое на удивление посмотрела все игры «Известинского» турнира.

«Жены ещё не хватает, и будет совсем как дома, — грустно улыбнулся Самсонов. — Чего спрашивается, пёр сюда такую тяжесть?»

— Пасуй! Пасуй! — Заорали разношёрстные болельщики в кабинете профкома, когда новая третья пятёрка сборной снова разыграла красивую комбинацию, но Саша Якушев пожадничал, сам не забил и не отдал шайбу на пустой угол Харламову.

— Эх! Дубина! — Психанул Трофим Данилыч, фрезеровщик ремонтно-инструментального цеха, который тоже припёрся сюда со своим извечным другом Казимиром Петровичем.

— Сам дубина, пас не проходил, — отмахнулся физорг Самсонов.

— Много ты Палыч в хоккее понимаешь, — обиделся Трофим Данилыч и тут же подпрыгнул со стула. — Ваня давай!

— Давай Ваня! — Завизжали дочь Светка и врачаха Ольга Борисовна. — Давай!

— Шайбу! Шайбу! — Грянула разом парочка молодых инженеров и это скандирование подхватил весь профком мужскими и женскими голосами.

А там, в телевизоре, их Иван Тафгаев, который проработал здесь всю жизнь за станком, протащил шайбу к воротам Дзуриллы, отдал, не глядя за спину на Мальцева, а тот переправил молоденькому Александрову.

— Эх! Мать! — Высказалась дружно мужская часть болельщицкого коллектива, когда Боря Александров попал в перекладину ворот, и шайба улетела на трибуны.

— Девушки милые, родненькие, не вскрикивайте так больше, — проблеял, держась за сердце Данилыч. — У меня ведь, дети есть, я ещё пожить хочу.

— Пойдёмте Трофим Данилыч, пока перерыв налью вам успокоительного. — Встала со стула медсестра Ольга Борисовна.

И следом за женщиной красивой во всех отношениях в медпункт резво поспешил фрезеровщик Данилыч.

— Женщин до хоккея допускать нельзя, — тихо шепнул Казимир физоргу Самсонову.

— Что вы сказали? — Недовольно искривила своё симпатичное личико Светка.

— Говорю, во втором периоде обязательно забьём, — невинно улыбнулся Казимир Петрович. — А между прочим вторая сборная СССР вчера в Швеции проиграла 5: 3, пока мы тут шведов громили 12: 1.

— Вроде писали, что Тарасов отказался от второй сборной? — Спросил кто-то из молодых инженеров. — Наверное, одному Чернышёву тяжело работать?

— Да, читал, — согласился физорг Самсонов. — Но Анатолий Владимирович передумал, там он в Швеции вместе с командой. А вот почему у нас в составе сегодня не играют Петров и Михайлов кто знает?

— Травма, наверное, — ответил ещё один болельщик из конструкторского бюро.

В перерыве после первого периода обстановка в раздевалке была рабочей. По моментам у нас имелось подавляющее преимущество. Но вратарь Дзурилла стоял как стена. Минимум семь убойных моментов ликвидировал за счёт личного мастерства и спортивного везения. Чехословаки тоже могли пару раз отличиться, но у нас был свой непробиваемый вратарь.

— Сергеич, как рука? — Спросил я Виктора Коноваленко.

— У меня-то нормально, а вот у вас у нападающих ручки что-то дрожат, непорядок, — пророкотал он. — Один за вас отдуваюсь.

— Главное, что рука крепка, тогда и клюшки будут быстры. — Усмехнулся я.

В это время в раздевалку вошёл задумчивый Сева Бобров, что-то рисуя в блокноте. Затем он встал к доске с фишками на нарисованном хоккейном поле и посмотрел на свою команду.

— Мужики, — сказал он. — Попробуйте сыграть попроще. Слишком мудрите в атаке и вязните в плотной обороне чехословацкой сборной. Наша победа сегодня в игре на пятаке, где бьют, где больно, но туда надо лезть, терпеть и забивать. Поэтому Игорь Шалимов, ты сейчас отдохнёшь, — Бобров передвинул фишки. — В центр третьей тройки выйдет Свистухин.

— Понял тебя, Михалыч, — тяжело вздохнул Николай.

— Да, Коля, закончилась халява, — улыбнулся я. — Хочешь в сборную должен одну банку Дзурилле положить.

— Две, — засмеялся Харламов.

— С половиной, — добавил Мальцев и народ в комнате тихо захихикал.

— Спокойно, — остудил всех, улыбаясь Сева Бобров. — Валера Харламов, ты займёшь левый фланг, Саша Якушев сместишься на свой любимый правый. И это, за котов.

— За котов! — Дружно на удачу гаркнули посмеиваясь хоккеисты.

Когда мы, топя как слоны, двинулись на вторую двадцатиминутку, Бобров остановил меня в коридоре и тихо спросил:

— Может зря Михайлова и Петрова с матча сняли?

— Люди, которые кладут «прибор» на команду, хоть они и прекрасные мастера, хочешь не хочешь, а коллектив разлагают. Их временное отстранение послужит уроком для всех. —

Я отчаянно махнул рукой. — Даже Валерка Васильев вчера на банкете слюной давился, психовал, матерился, но к спиртному не притронулся. А эти пили на зло.

— Может ты и прав, — грустно улыбнулся Всеволод Михалыч.

В принципе идея Боброва, сыграть попроще, и мне приходила во время первого периода, когда меня Вацлав Недомански держал клюшкой, руками, а иногда и ногами. И у бортов мы бились, и в партере боролись, гладиаторы, мать его яти. Но иногда простота — хуже воровства. Играть слишком прямолинейно просто глупо, соперник быстро приспособится, и дальше хоть лезь на пятак, хоть не лезь, шайбу не забросишь. Поэтому смена тактики во втором периоде — была неожиданной и логичной.

И «полыхнуло» у ворот непробиваемого Дзуриллы в первой же смене, на двадцать первой минуте. Мой хороший знакомый Франтишек Поспишил держал меня за одну руку, Недомански за другую, а я всё равно умудрился подставить конёк под прострел Валерки Васильева. Удачно, что шайба попала в штангу, и отскочила на открытого Сашу Мальцева. И быть бы голу, но Рихард Фарда свалил нашего нападающего и заслуженно отправился отбывать двухминутный штраф.

Главный тренер Бобров, немного подумал и оставил мою пятёрку на льду, убрав из неё защитника Сашу Гусева и выпустив взамен четвёртого нападающего Валерия Харламова. Чехословацкий наставник Владимир Костка нам на растерзание определил защитников Иржи Бублу и Йозефа Хорешовски плюс братьев Холиков Ирижи и Ярослава. Вбрасывание в зоне чехов я выиграл без особого труда. Зрители на трибунах, предчувствуя гол, тут же принялись требовать первую в игре шайбу.

— Шайбу! Шайб!

Мы уверенно расставил в «конверт», Васильев на синей линии, слева — Александров, справа — Мальцев, в центре «на лихом коне» Харламов и я около чехословацкого пятачка. На это самый пятак я ворвался сразу, как только шайба перешла к защитнику Валерке Васильеву. Я подумал, что любой наброс от Васьки можно легко переправить в ворота. Но братья Холики очень быстро перемещались и не давали сделать этот результативный пас. Шайба ушла на «Мальша», и он очень удачно улетел за ворота, чтобы ещё одного защитника отвлечь на себя. Какие-то доли секунды, и пас пошёл прямо в крюк, и тут же на одной руке повис Бубла, а старший Холик двинул черенком клюшки плашмя в спину. Одной рукой борясь с Иржи Бублой, я с большим трудом перевёл шайбу на открытого Харламова, а тот на замахе выкатил Мальцеву.

— Гооол! — Взорвалась сидящая, словно на иголках публика и красный фонарь загорелся за воротами чехословацкой команды.

— Сыграли примерно как я, и хотел, — улыбнулся Бобров, встречая нас на скамейке запасных.

— Так выпьем сегодня после игры за то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями, — засмеялся я, потирая спину, где наверняка вырастит большой синяк от Холика старшего.

— Ты главное, Тафгай, не забудь про ящик шампанского, — пробасил Валерка Васильев, усаживаясь на лавку рядом. — Знал бы ты, как я вчера на фуршете переживал, когда водка, вино и коньяк лились рекой. Все нервы вымотались к чертям!

— Бог тоже терпел и нам велел, — хмыкнул я.

— Посмотрел бы, как он на моём месте вытерпел бы, — пробубнил Васильев. — Финны пьяные, шведы пьяные, а я трезвый! Сука.

— Гооол! — Заорал весь народ, набившийся как сельди в бочке, в профком завода.

— Два ноль! — Взвизгнула дочка физорга Самсонова, Светка. — Давай Ваня ещё одну!

— Иван! Иван! — Стали скандировать и молоденькие инженеры и бывалые работяги и даже медсестра Ольга Борисовна, приятная во всех отношениях женщина, тоже потребовала через экран себе Ивана Тафгаева.

«В принципе разыграли простенько. Наброс, подставление клюшки, Дзурилла вынимай, — подумал про себя Самсонов. — А ведь это я Ивана открыл. Если бы тогда в начале весны не привлёк его к заводской спартакиаде, то он здесь у станка и спился бы. Или сжёг бы ещё какие-нибудь штаны. Дааа. Можно сказать это моя заслуга, что Ваня сейчас и забивает, и отдаёт, и тащит нашу сборную и горьковское «Торпедо» к победам. Странная штука — судьба. Открыл его я, а слава вся ему».

— Ванечка давай! Ещё шайбу! — Завизжала Светка. — Давааай! — На два голоса стали надрываться она и Ольга Борисовна, когда пятёрка Тафгаева опять чуть-чуть не заковыряла третью шайбу.

— Мы ломим, гнуться чехи! — Крикнул, подпрыгнув на стуле Данилыч.

— Шведы, — подсказал строчку из пушкинской «Полтавы» старому фрезеровщику более образованный молодой инженер.

Однако интеллигентскую колкость Трофим Данилыч, пропустив мимо ушей, встал и неожиданно запел:

Вставай, проклятьем заклеимённый,

Весь мир голодных и рабов!

Кипит наш разум возмущённый

И смертный бой вести готов...

— Данилыч, у тебя же сердце больное, — дёрнул за рукав друга опешивший, как и все в кабинете, Казимир.

— Я когда за сборную болею, оно у меня не болит, а наоборот хорошими эмоциями оздоравливается, — схватившись за сердце, просипел Трофим Данилыч, осторожно присаживаясь на стул. — Ольга Борисовна мне бы ещё в перерывчике капельку успокоительного.

— Может укол сделать? — Спросила женщина в белом халате, пока у хоккеистов в телевизоре шла смена играющих пятёрок.

— Нет, лучше традиционно через пищевод в самую нутрь, — крикнул хитрый фрезеровщик.

— Что там происходит, молодой человек, — спросил журналиста Эдика Беркутова интеллигентный старичок, глотая таблетку «Валидола», после того как чехословацкие хоккеисты лишь чудом не реализовали выход два в одного, но великолепно сыграл вратарь Коноваленко.

— Спокойно, всё по-старому. Счёт два ноль, первую забросил Мальцев, вторую Тафгаев. — Улыбнулся журналист, подмигнув соседу, которому, честно говоря, уже очень хотелось вызвать скорую помощь и хоть немного расслабиться. Ведь кому будет приятно болеть за сборную, если рядом на его глазах помрёт незнакомый человек?

— Это очень хорошо, когда всё по-старому. Вы когда поживёте столько, сколько я, сами это поймёте, — облегчённо выдохнул сосед-сердечник справа.

На последнюю минуту второго периода Сева Бобров выпустил мою пятерку, заменив в ней Сашу Мальцева, которому сейчас оказывал помощь врач сборной Олег Белаковский, на Валеру Харламова.

— Харлам, шайбу в зону чехов привезёшь? — Спросил я своего нового партнёра.

— С разгоном с фланга на фланг? — Уточнил манёвр Валера.

— Нет, «скрест» сыграем, — сказал я, прикрыв рот крагой, ведь чехословаки тоже по-нашему кое-что понимали. — Я полезу вперёд по твоему правому флангу, а ты жди передачи от меня назад в центр. Прямо в лоб полетишь на двух защитников, а дальше по ситуации.

— А я? — Подъехал «Малыш».

— Ты слева страхуй и помогай Валере, — ответил я, покотив на вбрасывание в средней зоне.

Наставник гостей Владимир Костка, сначала хотел бросить в бой братьев Холиков, но увидев мою толстую довольную ряху на поле, передумал, и послал держать меня хоть в каких-нибудь рамках Вацлава Недомански, Фарду, Черны, Поспишила и Вохралика. Вбрасывание у угрюмого Вацлава я выиграл еле-еле, но шайбу удачно подхватил Харламов и откинул назад защитнику Гусеву.

— Гусь дай на ход! — Выкрикнул я и ломанулся сначала по центру.

И тут же получил шайбу точно в крюк клюшки, затем прикрыв её корпусом от Недомански, потащил через правый фланг атаки к воротам Дзуриллы. Валера как и договаривались, разогнался из нашей зоны по центру, но отдать шайбу ему у меня сразу не получилось, так как с одной стороны меня плотно прихватил Вацлав Недомански, спереди встретил Карел Вахралик и ещё насел Рихард Фарда. Всё что я мог сделать в такой ситуации — это отбросить шайбу по борту назад на Гусева. И наш армейский игрок обороны прочитал игру просто гениально, он в касание бросил в прорыв позабытого в центре Валерку Харламова.

Защитник чехов Поспишил, пытаюсь помешать выходу один на один на ворота Дзуриллы, цепанул Харламова клюшкой за руку, но было уже поздно, так как скорость семнадцатого номера была слишком высокой. Валера раскачал вратаря и под оглушительный рёв трибун бросил практически в пустой угол.

— Банц! — Звякнула штанга и шайба полетел обратно в поле.

— Ох! — Выдохнули трибуны и тут же взорвались пронзительным криком. — Гооол!

Ведь следом накати Боря Александров и пока чехословаки «хлопали ушами», добил капризную шайбу в сетку. Вацлав Недомански посмотрел на меня ненавидящим взглядом и, судя по глазам, решил отомстить сразу за всё и за всех.

— Только плюнь, — прошипел я. — В НХЛ поедешь без зубов с пробитым черепом.

— В тршетим обдоби почитаме, — криво усмехнулся он, передумав плевать, намекая, что впереди ещё решающий третий период.

— Да, — согласился я, — читать хорошую литературу всегда полезно.

В подтрибунном помещении Сева Бобров мокрый от пота, остановил меня, когда мы шли на последний в этом 1971 году перерыв, и улыбнувшись, сказал:

— Кажись, проврёмся.

— Нет, Михалыч, у чехословаков методов против Вани Тафгаева, — звонко засмеялся я,

ведь на табло горел красивый счёт 3: 0.

Хорошо, когда всё идет хорошо. К сожалению, в перерыве перед решающим третьим периодом, врач сборной Олег Белаковский заявил, что Саша Мальцев на сегодня не игрок. Шайба попала в незащищённую щитками область спины и нормально двигаться наш нападающий временно не может. Поэтому Сева Бобров снова внёс в игру коррективы.

— Валера, — сказал он Харламову. — Остаёшься в тройке Тафгаева на правом фланге. Игорь Шалимов, ты, возвращаешься в свою пятёрку. Преимущество в три шайбы значительное, но оно даже в футболе отыгрывается. Помню на Олимпиаде 52-го года мы югославам горели 5: 1, но свели матч вничью.

— То, что отыгрались молодцы, — усмехнулся я. — А вот почему до пяти один вы довели, расскажи Михалыч?

— Мы же лёгких путей не ищем, — засмеялся неунывающий Валера Харламов. — Сначала нужно поглубже залезть, чтобы потом уже героически выползти наружу. Правильно я говорю, товарищ главный тренер?

— Да ясно, почему югославам летели, — добавил друг Харламова Саша Мальцев. — Просто кое-кто в защите не дорабатывал, ждал, когда ему мяч под удар выкатят.

Народ в раздевалке захихикал, так как многие знали, что Сева Бобров в защиту возвращаться не любил, как в принципе и играть в обороне. Тонкий намёк понял и сам главный тренер, поэтому громко прокашлявшись нас осадил:

— Здесь и сейчас находится всего два олимпийских чемпиона, я и Виктор Сергеич Коноваленко. Вы сначала дорастите до нас, а потом уже ха-ха-ха, хохочите. Если растеряем преимущество, сыграем вничью, то некоторые из вас на Олимпиаду вовсе не попадут. Я всё сказал.

Соседа болельщика, который уже выпил несколько таблеток валидола, в перерыве матча журналисту Эдику Беркутову удалось уговорить остановиться и на такси отправить домой. Правда, дорогу пришлось оплатить из своего кармана, ведь интеллигентный дедушка кошелёк оставил дома и при себе имел лишь десять копеек. «Главное, что совесть чиста», — подумал Беркутов, с нетерпением ожидая последней части хоккейного спектакля. И надо сказать, спектакль начался с первых же минут нервной игры, в которой на первый план вышел судья из Финляндии Ульф Витола.

Финский рефери на ровном месте выписал две минуты штрафа нападающему из Горького Алексею Мишину. Да, наш игрок немного прихватывал своего оппонента Богуслава Штясны, так все друг друга немного прихватывали. И хорошо, что две тяжелейшие минуты наша четвёрка, защитники Фёдоров и Куликов плюс нападающие Свистухин и Тафгаев, удачно отбились в обороне, практически ничего опасного не позволив создать у ворот Коноваленко.

И когда трибуны проводили наших хоккеистов аплодисментами, буквально через полминуты малый штраф выписали Саше Якушеву. Весь зал оглушительно засвистел и заулюлюкал. Но судья из Финляндии уверенно показал Якушеву дорогу в бокс для штрафников.

— Судью на мыло! — Загорланил другой сосед слева. — Вот сволочь режет же нас без ножа! — Сказал Беркутову плечистый, но коренастый мужчина с круглым и красным

лицом. — Суука!

— Странно, зачем финскому судье подсуживать в товарищеской игре? — Спросил Эдик соседа.

— Да я этих финнов знаю, ходил в кругосветку видел, пьяницы они все, — выпалил мордатый болельщик. — На мыло! — Вновь заорал он в сторону хоккейной площадки, где играть в численном меньшинстве выкатились защитники Васильев и Гусев, а так же нападающие горьковчане Мишин и Федотов.

Насколько спокойно отбилась наша первая «бригада меньшинства», настолько неудачно стали обороняться эти игроки. Сначала Саша Федотов проиграл вбрасывание Вацлаву Недомански, затем опасно бросил по воротам от синей линии защитник гостей Франтишек Поспишил. И когда шайба звонко брякнула в перекладину ворот весь народ на трибунах тревожно замер, к счастью резиновый кругляш улетел в поле.

— Васька выноси! — Заблажил мордатый сосед, требуя чтобы Валера Васильев выбросил шайбу из зоны защиты. — Выноси, б...ь!

Но Васильев в борьбе с Йозефом Черны неудачно ковырнул шайбу и она вновь вернулась к чехословацким хоккеистам. Поспишил перевёл вдоль синей линии на Вохралика и тот несильно, но точно бросил по воротам Коноваленко. И наш прославленный голкипер, закрытый своими и чужими игроками на бросок среагировать не успел. Печальный красный фонарь зажегся за нашими воротами.

— Суука! — Заорал не интеллигентный сосед слева.

— Ой, девушки помираю, — схватился за сердце Трофим Данилыч, когда по телевизору в профкомовском кабинете показали повтор первой ответной шайбы сборной Чехословакии.

— Домой тебя отнести? — Спросил Казимир Петрович друга.

— Здесь пока отлежусь, — просипел Данилыч.

— Ванечку надо было выпускать, с ним в обороне спокойно было! — Взвизгнула, сжав свои миниатюрные кулачки, дочка физорга Самсонова, Светка.

— Куда нашего Ивана выпускать, когда он только что две минуты в меньшинстве отпахал? — Резонно возразил какой-то юный инженер.

«Дело пахнет керосином, — подумал сам физорг. — Неужели кто-то умудрился подкупить финского судью? И главное зачем, это же простая товарищеская игра? Ой-ё-ёй».

— Много ты в хоккее понимаешь?! — Накинулась Светка на инженера. — Ваня у нас двужильный!

— Да, Иван сильный мужчина, — согласилась с девушкой врачиха Ольга Борисовна. — А вдруг у него травма?

— Вон он поехал, что ему будет амбалу? — Обиделся инженер, кивнув на экран телевизора, где в игру вступила пятёрка Ивана Тафгаева.

Наши хоккеисты сразу же, после пропущенной шайбы, взвинтили темп и прижали чехов к воротам Дзуриллы. Однако почти минутная осада гостей не дала ничего, кроме ещё одного нарушения правил, которое выписали самому Ивану Тафгаеву.

— Да что же там такое происходит?! — Вскрикнул физорг Самсонов. — Силовая борьба на пяточке, где все друг друга толкают и бьют, какие там могут быть свистки?!

— Помираю, — вновь просипел Данилыч.

— Идите Трофим Данилыч помирать домой! — Не выдержала стонов больного врачиха Ольга Борисовна. — Мы все здесь помираем, но терпим! Кстати, давление у вас хорошее.

Фрезеровщик после того как был послан домой, стонать сразу же перестал.

Я хотел было сунуть в рыло товарищу судьё, за его художества, но вовремя опомнился и медленно покатыл в бокс для штрафников. «Думай! Думай! Иван! — буквально кричал я про себя. — Судейство — это последний козырь невидимого всесильного соперника. Кто он, что он, сейчас не важно. Сначала в драке необходимо выжить и выстоять. Шайбу нужно больше контролировать и катать её в средней и в своей зоне. Хрен с ними голами и чужими воротами».

— Мужики терпеть! — Крикнул я своим партнёрам по сборной, второй «бригаде меньшинства», Васильеву, Гусеву, Федотову и Мишину, которые опять проиграли вбрасывание и прижались к воротам.

Но на этот раз разыгрывать лишнего у чехословаков вышла пятёрка Ивана Глинки с крайними нападающими Мартинцем и Штясны, а также с защитниками Бублой и Хорешовски. Гости по-хозяйски расположились в нашей зоне и секунд десять покатали шайбу, передавая её друг другу по периметру. И вот Богуслав Штясны сильно выстрелил из правого круга вбрасывания. Позиция убойнейшая, но Коноваленко чётко сев в «баттерфляй» шайбу отбил. А Валерка Васильев, двинув плечом Ивана Глинку, выбросил резиновый диск под облегчённый выдох трибун на противоположную сторону площадки.

— Федотов, Мишин на смену! — Заорал я. — Двигай булками! Да что вы творите?!

Оба наших нападающих почему-то застряли в зоне защиты и, когда чехословаки покатали в новую атаку, им снова пришлось выстроиться вдоль своей синей линии. А все две минуты играть в меньшинстве — физически сложно, но раз не заменился, теперь терпи «до победного». В зону гости из Чехословакии вошли со второй попытки, но всё равно уверенно расставились и опять стали передавать шайбу друг другу, выискивая удачный момент для решающего броска. На этот раз «разрядил свою пушку» здоровенный Йозеф Хорешовски, шайбы пулей понеслась в ворота Коноваленко, но внезапно под неё бросился Валера Васильев.

Что дальше произошло я со своего места на лавке для оштрафованных плохо разглядел, но судя по всему шайба отрекошетилась от защитника, затем чиркнула по плечу нашего голкипера и звякнула об штангу. Ещё чуть-чуть и Иван Глинка добил бы её в сетку, но защитник Сашка Гусев в падении выбил шайбу с пятачка. К сожалению, она вылетела прямо на клюшку Иржи Бубле. Бросок по практически пустым воротам, и фонарь за ними зажегся красным светом, 3: 2. Чехословацкие хоккеисты кинулись обнимать друг друга, а я, покинув бокс для оштрафованных, печально покатыл на свою скамейку запасных.

— Мужики, нужно постараться как можно дольше контролировать шайбу, пусть даже без атаки. — Сказал я, когда подъехал к своим загрустившим партнёрам. — Надо за котов, и за весь Советский спорт.

— Вот ты и покажи, как это делается, — криво усмехнулся Сева Бобров. — Б...ь, — тихо выругался наш рулевой, осознавая свою беспомощность.

После того как счёт на табло стал 3: 2 в пользу пока ещё нашей команды, картина игры на поле резко поменялась. Юный журналист Эдик Беркутов от волнения даже расчесал до крови руку, наблюдая за действиями сборной СССР, которые на удивление хладнокровно передавали шайбу друг другу то в средней зоне, то в зоне защиты. А иногда врываясь в зону чехословаков, даже не глядя на ворота Дзуриллы, вновь пасовали назад в защиту.

— Время тянут, молодцы! — Гаркнул с места сосед слева. — Моряк спит, а корабль идёт. Так держать!

— Молодцы! Молодцы! — Вдруг включились другие болельщики на трибунах, пока наши мастера хоккея, гоняли в пустую, лишив шайбы чехословацких гостей.

«Как ловко придумали черти, — усмехнулся про себя Беркутов. — И самое главное на все вбрасывания стал выходить верзила Иван Тафгаев. Выиграет шайбу и сразу бежит на смену, хитрец. Купили судью гады, теперь плачьте в своей бессмысленной злобе! Кстати, хорошо сказал, нужно будет запомнить и записать».

— Да что там у них в Москве управы нет на этого финского судью?! — Зычно заревел физорг Самсонов, когда за четыре минуты до конца матча удалили защитника Васильева, якобы за блокировку. — Куда смотрит ЦК и наша коммунистическая партия?!

— Мальчики держитесь, осталось немного! — Заверещали Светка и Ольга Борисовна.

— Ивана выпускай Бобёр! Бросай в бой Тафгая! — Хором выкрикнули Данилыч и Казимир Петрович и это законное требование поддержали и молодые инженеры, и бывалые работяги.

А когда на лёд выехала четвёрка игроков во главе с Тафгаевым, Трофим Данилыч усмехнулся и заметил:

— Вот до чего телевизионная техника дошла, даже там нас слышно, о как! — Фрезеровщик многозначительно поднял указательный палец вверх.

— Да, — согласился Самсонов. — Придёт время, и мы ещё через телевизор разговаривать будем со всем Миром.

На пятьдесят шестой минуте, когда я уже катил на точку вбрасывания, у меня вдруг родилась неожиданная мысль. Я резко притормозил и поехал обратно к своей скамейке запасных.

— Михалыч, помнишь как с «Крыльями» бились? Может, рискнём? — Я кивнул в сторону Бори Александрова, намекая, что можно и в меньшинстве шайбы забрасывать.

Сева Бобров почесал затылок, примерно секунды две подумал и, махнув рукой, отозвал со льда Колю Свистухина и отправил в мою «бригаду меньшинства» резкого и быстрого «Мальша».

— Надо Коля, надо, — похлопал я по плечу Свистухина, который недоумённо покатил на смену.

— За котов что ли? — Искривился он.

— За премию и за тринадцатую зарплату, как в Горький приедем первым делом к директору пойду. — Улыбнулся я.

Объяснять куда бежать, кому и зачем, в таком привычном наигранном сочетании: защитники Фёдоров и Куликов, и нападающие я и Александров, было не нужно. Наставник гостей Владимир Костка против нас выпустил сегодня более удачливую пятёрку Ивана Глинки. «Хорошо, что нет интернета и видео сыгранных матчей, — зло подумал я, ставя клюшку на точку напротив чехословацкого тёзки. — Ну, товарищ Костка теперь смотри».

Шайба уже привычно, вылетела из-под моей клюшки на своего же защитника и я, сделав небольшой вираж, получил обратный пас. А дальше по высокой дуге навесом, точнёхонько по левому флангу в район красной линии полетела пущенная мной шайба. Боря Александров выдал, наверное, самый быстрый свой рывок, вложив в него всю злость на

судейскую несправедливость, и на полных парах полетел на ворота прекрасного голкипера Дзуриллы. Где были чехословацкие защитники, теперь уже не имело никакого значения, ведь отыграть четыре метра форы у «Малыша» было нереально.

Народ на трибунах встал и заголосил: «Шайбу» Шайбу!», а Борька просто парил надо льдом. Вот она настоящая красота хоккея, стремительный рывок, хлесткий с кистей бросок и шайба как бабочка, попавшая в сачок, заколыхалась в сетке ворот чехословацкого вратаря, 4: 2.

— Гооол! — Загремели трибуны.

И вся наша сборная разом, как будто выиграв Олимпийские игры, высыпала на лёд поздравить ликующего Борю Александрова.

— Не раздави «Малыша»! — Смеялся я. — Не напирай, не на базаре!

— Вот это игра! — Ревел сосед слева от Эдика Беркутова.

А потом он внезапно вскочил, приподнял с места юного и пока хлипкого телом журналиста и, крепко обняв, заорал:

— Победа! Победа, б...ь!

— Молодцы! Молодцы! — Скандировали все, кто сегодня набился в тесный кабинет профкома, облепив телевизор физорга Самсонова.

— Наша игра — заводская! — Гаркнул под всеобщий радостный хохот Трофим Данилыч, который помирать уже передумал.

— Какие наши мальчишки молодцы, — смахнула маленькую слезинку со щеки врачаха Ольга Борисовна и обнялась со Светкой.

Традиционное послематчевое рукопожатие, когда счастливые мы жали ладони расстроенных чехословаков, закончилось для меня неожиданно. Вацлав Недомански ехал последним в ряду, так же как и я, и когда мы поравнялись, он меня притормозил и тихо сказал на ломаном русском:

— Ты играть хорошо, но я вас проклятых комунык ненавижу за танки в моей Праге.

— Вацлав, ответь, если ваш тренер Костка сам, без совета с лучшими игроками, волевым решением скажет, как действовать, и вы проиграете, виноват будет он? — Я дождался, пока Недомански мне кивнул и продолжил. — А если Костка посоветуется с лучшими хоккеистами, и вы всё равно проиграете, то виноваты будут уже все? — Чех снова кивнул головой. — Я танки в Прагу не вводил, своего согласия на это не давал и писем поддержки спецоперации не подписывал.

— Ты не протестовать, — упрямо повторил чехословацкий центральный нападающий.

— А то, что ты бьёшь исподтишка своих коллег хоккеистов — это смелый протест? — Я посмотрел по сторонам, вокруг напряжённо застыли игроки и нашей сборной, и чехословаки, и оба главных тренера таращились на нас во все глаза. Поэтому я, грустно усмехнувшись, покатыл в раздевалку, чтобы дело не закончилось международным скандалом.

В среду 22 декабря в здании Спортивного комитета на Лужнецкой набережной состоялось уже второе в этом месяце заседание Федерации хоккея СССР. Я и Сева Бобров как и в первый раз, заняли скромное место не за общим длинным столом, а на стульях

поближе к выходу вместе с представителями всесоюзной прессы. Первым спортивные чиновники заслушали отчёт о выступлении второй сборной команды Анатолия Владимировича Тарасова. Мятежный тренер целых два дня отказывался руководить второй командой, но после разговора с Аркадием Чернышёвым в Финляндию и Швеция соблаговоли поехать.

Но результаты в заграничном турне сборной СССР-2, честно говоря, не впечатляли. Сначала наши заслуженные мастера, среди которых было много олимпийских чемпионов, дважды обыграли молодёжную сборную Финляндии 5: 1 и 7: 0, а вот затем дважды проиграли основной сборной Швеции, оба раза по 3: 5. Завтра в Финляндии предстоял ещё один товарищеский матч команде руководимой Чернышёвым и Тарасовым, поэтому сегодня на заседание приехал лишь Анатолий Владимирович. Выслушав его доклад, сколько шайб забросили, сколько пропустили, сколько часов тяжелейших тренировок провели, чиновники решили поставить за проведённую работу оценку хорошо.

Затем, встав с места, зачитал свой отчёт и Всеволод Михайлович Бобров. И оказалось, что тренировались мы гораздо меньше, зато отыграли гораздо лучше против более сильного и мотивированного соперника.

— Кончено, отдали всех лучших Севке, вот и результат, — небрежно бросил Анатолий Тарасов, когда Всеволод Михалыч свой доклад закончил.

— Толя, — не выдержал нахальства Бобров. — У тебя в сборной под рукой были Фирсов, Викулов, Мишаков, Старшинов, Зимин, Кузькин, Давыдов, Ромишевский, восемь олимпийских чемпионов! Лучший вратарь прошлого года — Третьяк. Самая перспективная тройка нападения из «Крыльев» Лебедев, Анисин, Бодунов. Неужели нельзя было хотя бы один раз вничью со шведами сыграть?

— А вы что лучше? — Вскочил со стула Тарасов. — Вчера еле-еле от «никаких» чехов отскочили!

— Вы на чемпионате мира весной этого года, этим как ты выразился «никаким» чехам проиграли титул чемпионов Европы! — Вспылил Сева Бобров.

— Двенадцатого января встретимся на льду, и там посмотрим кто кого! — Погрозил кулаком Анатолий Тарасов. — Разговор ещё не окончен!

— Три раза вас обули и ещё раз обуем! — Гаркнул Бобров.

— Прекратите балаган! — Осадил спорщиков глава советского спорта Сергей Павлов. — Предлагаю поставить за работу Всеволода Михалыча оценку — отлично, кто «за» прошу голосовать. Единогласно, — удовлетворённо сказал Павлов, быстро пробежав взглядом по всем своим подчинённым. — Есть ещё желающие выступить?

Я поднял руку и встал, и хоть Сева усиленно меня тыкал кулаком в ногу, дескать, не лезь на рожон, я всё равно полез.

— Что у тебя Иван? — Откинувшись на стуле, как барин перед холопами, снисходительно спросил Павлов.

— У меня поздравительное обращение от имени всей команды для руководителей нашего спорта, — улыбнулся я тупо, как деревенский дурачок. — Можно своими словами, а то я текст где-то посеял?

— Давай, Ваня, а то нам уже закругляться пора, — хмыкнул заместитель Павлова горластый Виталий Смирнов.

— Мы хоккеисты, — начал я как пионер отличник в школе, — все как один готовимся встретить пятьдесят лет нашему Союзу Советских и Социалистических республик.

— Иван давай короче, — сморщился Сергей Павлов.

— Буду краток. — Я поднял одну руку как вождь индейского племени. — В 72-ом году нас ждут Олимпийские игры и чемпионат мира, а с чем мы подходим к таким важнейшим соревнованиям? Коньков нормальных нет, форма цвета нашего героического знамени, с которым отцы брали Берлин, старая и в дырах без фамилий игроков на спине, щитков нормальных нет, клюшек тоже нет. А сборная команда, я хочу напомнить — это лицо нашего великого государства. Кто ответит за бюрократизм, разгильдяйство и бездорожье? И если бы здесь был сам Феликс Дзержинский, он бы прямо тут вывел нас во дворик за вредительство и политический оппортунизм и был бы прав!

— Ты чего Иван? — Спросил, теряя улыбку на лице, глава советского спорта Сергей Павлов.

— Если наша промышленность в год пятидесятилетия не в состоянии одеть хотя бы сборную СССР, то мы просто обязаны писать коммерческое предложение мировым брендам хоккейной экипировки, чтобы не иметь во время Олимпиады бледный вид.

— А кто вас товарищ Тафгаев уполномочивал делать такие заявления? — Официальным канцелярским тоном перебил меня ещё один заместитель главы спорта Валентин Сыч.

— Я представляю главную команду страны, у которой сто миллионов болельщиков, — я стал загибать пальцы. — А народ и партия у нас — едины, значит, я представляю и коммунистическую партию, и ЦК и даже нашего дорогого товарища Брежнева. У кого из вас есть претензии к ЦК и персонально к Леониду Ильичу? — Я сделал небольшую паузу и внимательно посмотрел на взмокших от холодного пота спортивных чиновников. — Могу продолжать?

— Только покороче, — взмолился Сергей Павлов.

— Итак, как писать коммерческое предложение, по которому, кстати, можно получить в бюджет федерации кроме экипировки и хорошие деньги, вопросы имеются? — Спросил я. — Нет? Хорошо. Теперь внутренний чемпионат — это что у нас за розыгрыш водокачки, где нет никакой системности? Кто ответит перед партией, народом и правительством за уродство календаря внутреннего чемпионата? Мы должны в январе взять себя в руки, собраться и провести четыре тура, затем уйти на олимпийскую паузу, а после Олимпиады устроить ещё восемь туров и закончить чемпионат до мирового первенства в Праге. А не доигрывать последние матчи после пражского чемпионата мира, когда все хоккеисты уже растеряют спортивную форму. Спасибо за внимание.

На улице, после заседания Федерации, где мне всё-таки пришлось показывать чиновникам, как пишутся деловые письма к ведущим фирмам производителей хоккейной экипировки, Сева Бобров около своей машины молчал почти минуту. Потом тридцать секунд кряхтел и покашливал и, наконец, спросил:

— Иван, а ты на самом деле такой идейный коммунист или притворяешься? Я всё понять не могу.

— В чужой монастырь, Михалыч, со своим уставом не лезут. — Улыбнулся я. — Если они других слов не понимают, вот и приходится их запугивать товарищем Брежневым и товарищем Дзержинским. Я с них ещё нормальные призовые выбью для команды перед олимпиадой. Да, Родину нужно любить бесплатно, но деньги-то тоже пока никто не отменял.

— Держи, с наступающим. — Всеволод Михалыч протянул мне ладонь, которую я тут же пожал. — И пожалуйста, передай всем, чтоб второго января на тренировку не

опаздывали. Эх, ещё бы понять, кто под меня копает, и вообще было бы хорошо.

— Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным. — Я похлопал главного тренера по плечу. — Разберёмся, Михалыч.

На зимнюю дорогу из города Горького в город Калинин я, на выданной мне во временное пользование «Волге», выехал 29-го декабря с самого раннего утра, точнее с самой глубокой ночи. План поездки сложился стихийно и почти мгновенно. Днём приезжаю в Москву, покупаю подарки, игрушки, конфеты и прочее, и в костюме деда мороза, якобы по поручению горисполкома в Твери, то есть пока ещё Калинин, поздравляю всех на той самой маленькой улочке частного сектора, где прошло моё детство.

Ну а чем мне ещё одному на спортивной базе «Зелёный город» заниматься? Как 24-го числа приехал из Москвы в свою тоже временную комнатуху, так и загрустил. Боря Александров улетел к родителям в Усть-Каменогорск, обещал 31-го вернуться. У остальной торпедовской молодёжи одни девчонки сейчас на уме. Попытался их затащить в тренажёрный зал, хватило ровно на пару дней. Все изнылись, видите ли Всеволод Михалыч им позволил до второго января отдыхать, а не железо тягать.

Витя Коноваленко один раз приехал с семьёй на лыжах покататься и шашлыки пожарить. Шаман Волков прибежал трижды, надоел уже со своими планами спасения СССР. Предлагал найти Горбачёва, завести его в лес и привязать к дереву. Я, значит, должен его буду держать, а он его соответственно вязать, верёвка для дела уже есть. Безумные идеи, безумный человек, одним словом — шаман.

Ирина? С Ириной расстались друзьями. Сейчас ей не до семьи, детей, пелёнок, да и мне, если честно, сейчас не до них. В эти предновогодние дни у их ансамбля «Лейся, песня» в Москве работы невпроворот. Днём в одном месте играют, вечером в другом поют, готовятся к записи первой пластинки. До конца января весь график расписан концертами и гастрольями. Какая тут может быть личная жизнь с человеком, который сам в лучшем случае освободится к июню? Поэтому мы сели, спокойно поговорили и разошлись, как в море корабли.

Уже в Горьком ещё писателя навестил, зарплату ему привёз за декабрь и январь сразу. Прочитал с десятков глав, не всё понравилось. Попросил самое начало переделать, так как оно должно быть мощным, как ураган, а не сонное, философское и ленивое. Поспорили, но в драку Сергей Викторович не полез, видя моё явное превосходство в грубой физической силе. Пробубнил, что сила есть ума не надо. На что я возразил, когда сила есть, ума нужно в двойне, чтобы лишних дров не наломать. Тогда писатель, тяжело вздохнув, пообещал начало переделать.

Что ещё? Как приехал из Москвы сразу решил перемыть всех живущих на базе котов и кошек. Захотелось, чтобы они встретили этот новый год чистыми, без вредных насекомых. Четыре часа угрохал на это неблагодарное занятие. Какого только презрительного мяуканья в свой адрес не наслушался, уши «повяли». Один Фокс воспринял мою инициативу с меланхолическим спокойствием. Кстати, взял его в Калинин с собой, чтоб он мне в дороге спать не давал. И вот теперь я рулю, а он спит, то есть лишь мысленно вместе.

А накануне ещё зашёл на завод, в родной цех. Хотел, чтоб мне сделали маленькое магнитное хоккейное поле, по типу магнитных шахмат. Надоело во время игры, когда время в обрез, с помощью жестов объяснять, кому и куда бежать. Сказать, что в цеху все мне были рады, значит покривить душой. Мастер Ефимка, например, как только завидел мою могучую фигуру, улетел в другой корпус по делам. Были и те, кто от всего сердца жал руку, а кто-то

намекал, улыбаясь в глаза, что я предатель. Слух, что со следующего сезона я уже игрок московского «Динамо» быстро разлетелся по городу. И объяснять что-то людям, которые судят других, сидя у себя дома на уютном диване, было бесполезно. Что, спрашивали они, плохо тебе на всём готовом живётся здесь в Горьком? А я отвечал, не знаю, так как больше нигде не жил. Да и потом, а вам плохо будет, если в этом сезоне наша заводская команда войдет в призы или вообще займёт первое место? Так вот, мой переход — это плата, чтоб дали закончить нормально чемпионат. Странно, что нападающего Свистухина и пару защитников Фёдорова и Куликова, которые по окончанию сезона переходили в «Спартак», а так же Борю Александрова и вратаря Вову Минеева, которые уходили вместе со мной в «Динамо» никто не осуждал.

Пожать руку ко мне выбежал и физорг Самсонов, который так растрогался, что даже немного всплакнул. Казимир Петрович и Данилыч, тоже меня минут пять обнимали, звали на политинформацию. Сказал им, что спортивный режим нарушать тревожными политическими новостями не имею право. А ещё, уже на выходе в коридоре ко мне на грудь бросилась врачиха Ольга Борисовна, плакала и уверяла, что я самый лучший больной в её жизни. Я же ответил, что болеть сейчас мне по профессии не полагается. Вот, наверное, из-за того, что окунулся здесь в воспоминания я и решил на поездку в Тверь, которая сейчас пока город Калинин.

В Калинин я приехал ближе к восьми часам вечера. Затем натянул бороду из ваты и костюм деда Мороза, что одолжил в ДК «ГАЗ», и первым делом, в который я решил позвонить, был деревянный «особняк» деда и мой собственный из того детства. Верный пёс Рыжик тут же за забором заметался, скуля и гавкая. Скулил, чувствуя родного меня, и гавкал, унюхав кота Фокса, которого я посадил себе на плечо и надел ему на голову игрушечный новогодний колпачок. На звонок из дверей к калитке вышел мой пятидесятилетний дед, одетый в валенки и тулуп поверх рубахи.

— С наступающим новым годом вас, товарищ! — Крикнул я. — По поручению горисполкома хочу пожелать здоровья и счастья в новом 1972 году!

— Спасибо, — хмыкнул он, — и тебе здоровья хлопец в бороде. Давай свою грамоту, да я в дом пойду, мне после операции простужаться никак нельзя.

— У меня не грамота, — смутился я. — У меня подарки. — Я приподнял красный мешок в цвет бутафорской и не очень тёплой шубы.

— Подарки от самого горисполкома? Чудеса, да и только. Ну, тогда проходи, собаку сейчас придержу. Цыц Рыжий! — Гаркнул дед на пса.

В большой, но такой маленькой для меня сегодняшнего комнате было тепло от натопленной русской печки. Я снял кота с плеча и отпустил погулять по избе, чтобы изучить оперативную обстановку.

— А это что такое? — Указал дед на моего чёрного и хвостатого любопытного питомца.

— Новогодний кот, Фокс, в горисполкоме дали вместо снегурочки. Со снегурочками сейчас напряжёнка, корпоративы у них у всех. — Усмехнулся я, выкладывая подарки из мешка.

— И тут нашу улицу обсчитали, — заворчал дедуля. — Обещали дорогу нормальную провести, так сделали только до первого перекрёстка. Канализацию тоже, кстати, не дотянули. И вместо снегурочки, кота, значит, прислали, Фоксу.

Вдруг из-за занавески вышла моя мать, которую я очень плохо помнил. Я же выложил

на стол конфеты, апельсины, несколько консервов, а так же пластилин и оловянных солдатиков, что мне часто в детстве снились.

— А это все, по какому поводу? — Удивилась мама.

— Следующий год — год пятидесятилетия СССР, вот и решили в горисполкоме немного порадовать народ, — отмахнулся я и вытащил ещё десять рублей. — Распишитесь хозяйка в получении. — Можно было, конечно, сумму сделать и побольше, но тогда моё появление вызывало бы подозрение.

— Интересно, — улыбнулась моя мама, расписываясь в заранее мной приготовленной ведомости, которую я сделал из обычной школьной тетради. — А как будут поздравлять в будущем, когда Советскому союзу исполнится сто лет? В 2022 году? Наверное, в Москве соберутся счастливые представители всех республик, и устроят большой салют и дружный хоровод?

— Сложно сказать, — я почесал себя через бороду. — Наверное, не получится с хороводом. Некогда в Москве разным народам хороводы водить будет, ведь когда коммунизм строится — времени ни на что не хватает. Ну а салют бабахнут, пиротехники к тому времени разведётся вдоволь. Это я гарантирую.

— Ананасы консервированные, — прочитал дед название одной из банок. — Это же вроде буржуи ещё до революции ели, а я никогда в жизни не пробовал.

— Ананас, — тяжело вздохнул я, вспоминая с каким боем эти ананасы в Москве брал, кстати, чехам забрасывать шайбы было проще. — Ананас — это не роскошь, а еда. С наступающим, мне ещё ваших соседей обходить. Фокс на плечо!

Услышав мою команду, черный котяра выскочил откуда-то из угла и по руке забрался туда куда надо. «А раньше казалось, что жил во дворце», — подумал я, кидая последний взгляд на очень скромные «хоромы» деда, мамы и ещё очень маленького меня.

Следующая семья, к которой я решил заглянуть, была моего будущего дружка Лехи. Внутри частного хилого строения, где родился он, между прочим, всего на пять дней позже меня, так же всё было очень скромно и бедно. И встретили меня его мама и бабушка очень настороженно, и даже немного испугано. Ещё бы заваливает такой бугай в костюме деда Мороза с черным котом на плече. Я бы маленький точно испугался.

— Поздравляю вас товарищи женщины с новым годом! — Пробасил я, выкладывая подарки. — А где отец семейства? — Я кивнул на маленькую кроватку, в которой посапывал Лёха.

— Ясно где, — тяжело вздохнула баба Катя. — Сидит сердешный.

— В бане сидит что ли, париться? Или на работе, на смене засиделся? — Я вытащил из мешка апельсины, конфеты, несколько консервов, оловянных солдатиков и детскую книжку.

— Так, — задумалась ненадолго бабушка. — На Урале сидит. А в перерыве между отдыхом лес валит.

— Ясно, — хмыкнул я, отлично помня, что Леха отца своего так никогда с Урала и не дождался. — Трудится, значит в лесопромышленном комплексе — полезное дело для государства делает. Распишитесь за десять рублей, мат. помощь от горисполкома.

— А что это за книжка? — Удивилась Лешкина мать. — И кому?

— Ему, — я кивнул на маленькую кроватку. — Как немного подрастёт, сразу читайте каждый день перед сном. Владимир Маяковский «Что такое хорошо и что такое плохо», издание коллекционное. Это чтоб вашего сына, когда ему стукнет пятнадцать годков, не потянуло лесную промышленность поднимать на Урале. Ну, с наступающим!

«Хороший же парень был Леха, — думал я, обойдя ещё четыре дома и пробираясь по сугробам восвояси к своей машине. — Один раз, когда нам исполнилось лет одиннадцать, девчонок из класса провожали. И тут кодла «городских», человек семь и все на год старше. Я тогда неудачно поскользнулся, так он один меня чудом отбил. Можно сказать жизнь спас. А я вот помочь ему не смог. Будет ли толк от книги? Чёрт его знает, возможно, у нас у каждого своя индивидуальная странная судьба».

— Мяс, — высказался Фокс, сидя у меня почти целиком за пазухой, и лишь одной мордочкой выглядывая на падающие большущие снежинки.

31 декабря все спортсмены, фигуристы, лыжники, хоккеисты, которые не успели сбежать с базы «Зелёный город» праздничный вечер решили устроить в столовой. Установили в ней живую ёлку, составили в ряд столы. Кто-то принёс магнитофон, кто-то шампанское, кто-то салаты, солёные огурчики, грибки и прочую закуску. Меня девчонки-фигуристки попросили нарядиться дедом Морозом. Благо опыт вручения подарков уже был, как и сам костюм. Однако я для вида пять минут помялся и от нечего делать согласился.

Так-то вратарь Витя Коноваленко звал на новый год к себе и ещё капитан «Торпедо» Лёша Мишин приглашал. Но я сказал, что ближе к вечеру должен прилететь «Мальш», а бросить его одного на базе я не могу. Кстати, кроме меня в «Зелёном городе» решил гулять Саша Скворцов, Володя Ковин, Витя Доброхотов и Вова Минеев. Скворцов приоделся и Швеции, все деньги ухнул на заграничный вельветовый костюм. И Миней по этому поводу больше всех ныл, что в Москве такую красоту не продают. А Скворец резонно заметил, что ты Минеев, везунчик, на Олимпиаду поедешь, а я в Горьком останусь, поэтому не завидуй.

В мою комнату, где я наводил последний лоск, чистил шубу деда Мороза от кошачьей шерсти Фокса, вдруг в районе девяти часов вечера кто-то постучал.

— Что ещё?! Сказано, буду через десять минут! — Психанул я, так как фигуристки забегали ко мне каждые две минуты, с одним единственным вопросом «когда я уже приду?», как будто в новый год нельзя выпить без сказочного дедушки с посохом и бородой.

— Иван, это я, Волков, — робко заглянул ко мне надоедливый шаман. — Захотелось в новый год посидеть с таким же путешественником во времени. Я и закусочку принёс.

— Заходи, куда ж тебя девать? — Тяжело вздохнул я. — Сейчас шубу с бородой надену, и пойдём в столовую. Или ты опять поговорить?

— Вот, письмо написал на имя председателя КГБ Юрия Андропова. — Шаман Волков осторожно шагнул в комнату и протянул мне конверт, кстати, продукты действительно были при нём.

— Держи липучку, пока я читаю, очищай шубу, на которой Фокс зараза такая сегодня поспал. — Я протянул Волкову кусок строительной липучки и развернул письмо.

В своём послании к товарищу из КГБ шаман приводил даты распада союза, какие республики первыми отколются, какие вторыми. Всё это он узнал из моих рассказов. И требовал наивный Михаил Ефремович предотвратить ошибочный вод войск в Афганистан 1979 года, из-за которого посылется вся экономика страны. Предлагал помочь предотвратить сращивание теневого криминального бизнеса и органов правопорядка. Предупреждал Волков и об аварии на Чернобыльской АЭС 1986 года.

— Как? — Посмотрел на меня наивными большими глазами шаман.

— Десять лет без права переписки с отбыванием в местах максимально приближенных к Северному Ледовитому океану. — Подытожил я. — Был когда-нибудь на берегу моря

Лаптевых? Будешь.

— Ну, нельзя же просто сидеть, сложа руки! — Взвыл Михаил Ефремович Волков.

— Я же тебе уже говорил, что встречался с Юрием Андроповым, целых три минуты. — Я протянул письмо добровольному самоубийце и продолжил. — Я ему объясняю про то, что хоккей может приносить большие деньги экономике страны, а он мне — так вы перейдете в моё «Динамо»? Я ему рассказываю, что в чемпионате для коммерческого успеха должны играть примерно равные по силе соперники. А он — вот и прекрасно, так значит, вы согласны на переход? Пойми Волков у тебя учёт в чём ведётся? В оболваненных тобой гражданах? Так?

— В исцелённых, — пробубнил глядя исподлобья шаман.

— Допустим, — согласился я. — У меня в заброшенных шайбах, а у председателя КГБ в посадках. Чем больше посадит — тем лучше его работа. Это тупиковый путь. Сегодня ты сажаешь тех, кто настоящий враг. А завтра будешь хватать любого инакомыслящего. То есть разгонишь всех думающих людей, и обложишься вокруг себя одними ворами и жополизами. А это сто процентный крах всей стране. Ведь такое государство — это как автомобиль, у которого рулевой механизм не работает, и проехать он сможет не дальше первого поворота.

— Может Сулову написать? — Снова поникнув головой, спросил Волоков. — Он ведь скромно живёт. Почти как мы, рабочий класс.

— Запомни, самые нищие крестьяне были у Плюшкина из гоголевских «Мёртвых душ». Болезненная скупость хороша только в гробу в белых тапках. И закончили на сегодня! — Не выдержал я. — Пошли шаман Новый год праздновать, начало новой жизни.

Празднование начала новой жизни, которая так непредсказуема, начали ближе к одиннадцати часам вечера. Тосты, крики «ура», музыка и танцы. И я тоже дал жару, в красной шубе, в бороде из ваты, с чёрным котом на плече прыгал под ритмы зарубежных исполнителей модной эстрадной музыки. Что характерно — абсолютно трезвый. Потом начались медленные танцы, и здесь мне снова посидеть с грустным шаманом не дали. Особенно настойчива была Алёнка в платье по самое не балуй.

— А Борисика точно в сборную на Олимпиаду возьмут? — Тараторила она, прижавшись во время медляка к бороде из белой ваты.

— Лучшего бомбардира приза «Известий» взять обязаны.

— А он когда приедет?

— Должен был появиться до боя курантов на Спасской башне, но, наверное, сегодня не лётная погода. Завтра будет, — пожал я плечами.

— А ты знаешь, что Женька Соколова тоже в Саппоро едет? Выиграла чемпионат СССР, везучая, — шмыгнула носиком Алёнка. — А я в следующем году всё, ухожу из фигурного катания. На медицинский факультет поступать буду.

— Если кто-то теряет здоровье в большом споте, значит, кто-то должен этих спортсменов лечить, — улыбнулся я. — Вон смотри, твой приехал из Казахстана. — Я кивнул в сторону дверей, в которых весь в снегу с ног до головы появился Боря Александров, к которому тут же бросился уже разгорячённый и подвыпивший народ.

— Такси не довёз из-за дороги! — Весело выкрикнул Боря. — Триста метров полз по сугробам. Ещё в темноте свернул не в том месте. Ну, налейте чаю горячего изверги! Привет, Иван Мороз!

— Сейчас новогоднее обращение товарища Брежнева посмотрим, и обязательно

нальём, — обнял я своего юного товарища. — Кстати, наши сегодня по телику пять будут «Все, что в жизни есть у меня». Жаль меня режиссёр «Огонька» из записи вырезал, но в историю я кажется, всё же попал, — добавил я последние слова про себя.

— Скорей люди! Брежнев поздравляет! Шаманское приготовьте! — Крикнул кто-то сидящий уже у телевизора, и все, тут же позабыв про Борьку Александрова, кинулись слушать о собранном урожае и выплавленных тоннах чугуна. А ещё загадывать самое сокровенное новогоднее желание.

Поддавшись всеобщему возбуждению, я тоже встал около телевизора с бокалом минералке в руке и вдруг услышал в голове тот самый, казалось замолчавший навсегда, голос: «С Новым годом тебя, Иван. Вижу, что неправильно Ваня мы с тобой живём. Пора делать из тебя настоящего делового человека. Ты, Иван, меня слушай, я плохого не посоветую».

Конец книги 3.